ЧЕЧНЯ
АНТОН ВЛАШКО
ЕДИНСТВЕННЫЙ ЧЕЧЕНЕЦ

SHOUT
SHARE
IT

- Блажко Антон
  - Об авторе
  - Малая судьба

Блажко Антон
Единственный чеченец и другие рассказы

Об авторе

Родился в 1970, закончил СПб Госуниверситет по специальности история. С 1993 служит в ОВД СПб, выезжал в командировки во вторую чеченскую кампанию. Художественные произведения публикуются впервые

Малая судьба

— Вставай, Серега! — мосластая рука с обмотанным грязным пластырем суставом тронула спящего за плечо. — Пора.

Бормотнув «ага», тот повернулся на бок, урывшись глубже в спальник. Будь ты хоть дважды кадровый офицер, трудно продирать глаза в рассветной полутьме, когда на улице ждет сырой холодок да неохотная возня в ближних палатке, а с вечера опять было злоупотреблено «шилом»… Вставший раньше зажег свечу, огонек высветил темный гражданский свитер и пятнистые штаны на светлых помочах. Скребанув голову и недельный щечный ворс, он качнул тело сильнее:

— Баранов, ну! Выезд через полчаса.

Тело вздохнуло, потянулось и сбросило оголовье мешка, явив выбритый острый череп и малость припухшее сухое лицо. Зевнув, обладатель вылез из кокона, почесал грудь под защитной фуфайкой и свесил с топчана ноги в аналогичных кальсонах.

— Как там, дождь?

— Пока не предвидится.

— Бойцы поднялись?

— Нет, тебя ждут с сосами в люлях…

Обнажив мускулистый торс, Баранов натянул камуфляжные брюки с портупейным ремнем и по-утреннему волглые боты. Бросив на шею полотенце, откинул фанерную дверь и полез из землянки наружу.

Слыша, как товарищ походя «строит» кого-то, оставшийся нарезал черный хлеб и положил рядом с дымящейся тушенкой на снарядный ящик, застеленный боевым листком. Часть дурости в полевых условиях отменялась, и бланки из замполитского железного ящика пошли на быт. Алюминиевый закопченный чайник пристроил на земле, чтобы не опрокинуть случайно. Заварку брали пайком и готовили по вкусу, возмещая крепостью ее сорт и прочие обиходные невзгоды.

Вернулся Баранов, растираясь казенным вафельным полотенцем и матеря дневальных за вечно обделанный толчок и пустые рукомойники. Водя из них стекала за ночь, сколько ни наливай, вскакивающие за час до подъема бойцы сопровождения вообще не мылись в промозглую рань, так что прикорнувшего где-нибудь дежурного из больных и хилых понять было можно. В расположении имелся отдельный господский сортир, меньше и чище, но им пользовались в основном старшие офицеры, упрямый капитан предпочитал общий ввиду стратегической близости и известного военного демократизма — командир, но не барин.

Окончив ВВшное училище, когда в дипломах еще не значилось «юрист», он мог начистить повару рыло за промашку с обедом для роты и удрючить ее же в грязи строевой при чьей-нибудь вине. Солдаты предпочитали его напарника, полуштатского Федорина, который в их жизнь не лез и умеренно использовал привилегии офицера крепостной армии, наличествовавшие и здесь.

Ложка у Баранова была складная, из походного набора в кожаном чехле. «Инструмент» все предпочитали носить с собой, Бог весть, где выпадет подкрепляться в следующий раз. Капитан вообще с чувством и толком относился к экипировке и снаряжению, имел в арсенале закордонный рюкзак, сжимавшийся в комок спальник, водоотталкивающий обувной крем и пружинящие стельки. Особую гордость вызывал «Золинген» в кожаных ножнах и пижонский разгрузник, он же тканевый бронежилет с карманами, ремнями, «липами» и чем-то вроде кавказских нагрудных патронташей для газырей. От прямого попадания не спасали и штатные стальные, почему командиры манкировали ими, а даже удержанная спецматериалом железка могла ушибить тело до смерти. Тем не менее временный ротный неизменно таскал свой прикид, игнорируя легкую зависть и шутки коллег.

Черпая расползшуюся волокнистую массу, он сказал:

— Возьми воды, если поздно вернемся, хоть пыль смоем. Мандавохи скоро начнут грызть, в баню надо.

— С пивом и бабами?

— Пойдет с пивом…

Отсутствие мелочей, создающих комфорт цивилизованной жизни, тяготило часто острее всего. Странно было думать, что в ста километрах к северу люди ходят по асфальту среди целых домов, смотрят телек, достают из холодильников ту же запотевшую бутыль… Полоскались тут от случая к случаю, ковшиком из ведра в дранной старой палатке, по тягомотности процедуры большей частью не прибегая к ней совсем. Вода тоже составляла проблему, ее возили из села, где имелась артезианская скважина, насос и дизель таскали ежедневно свой. Поблизости бурчала стремительная грязная речка, переполнявшаяся в дожди, там мыли технику и бултыхались иногда в жару, хотя воины стращали друг друга, что выше по течению гадит и мрет скот, а «чехи» подсыпают дуста. Поредевшую худобу ныне далеко не гоняли, а отравить напрочь быстрый ручей сумел бы разве что Бен Ладен, навалив «КАМАЗАМи» мышьяк или трупов. Дохляк в водоемах тут был не редкость, колхозных прудов следовало остерегаться, но из луж пьют только по безвыходности в разгар боев. А став на очередном

месте, ставят тыловикам задачу наладить обеспечение, и те ее худо-бедно выполняют.

По другую сторону холма торчал у подошвы круглый бетонный колодец с разбитыми поилками, точно памятник угасшему животноводству. Из него поначалу и наладили добычу питьевой воды, отменной в здешних краях. На месте основной дислокации части, среди приволжской степи, жидкость возили цистернами, перед употреблением отстаивали и сливали меньше половины, выплескивая оставшийся йод. Но весной случилось ЧП, повергшее батальон в полную небоеспособность: личный состав, включая командный, сразила неведомая чума. Людей трясло, выворачивало, жгло температурой, ноги пухли до слоновьих размеров, теряя способность ходить. Часовым раздали валенки вместо сапог, чтобы выдерживать смену, они взбирались коленями на ящики, привалясь к какому-нибудь стояку. Массовые поражения в армии происходят обычно через пищу, состоящую на две третьих из воды, не всегда до конца прокипяченной. Продукты перетрясли, все емкости отдраили с хлоркой, а поветрие не кончалось. Оставалась единственная причина — колодец. Заявлять официально диверсию не виделось оснований, то бишь выгоды начальству: оставили без охраны важнейший объект, к тому же лежащий под боком, почему и не пришло в голову. Караулы ничего подозрительного не отмечали, хотя ночью раз плюнуть заползти даже на территорию, однако с той же вероятностью грунтовые воды могли размыть какую-нибудь дрянь. Обессиливших увезли в санчасть, большинству пришлось держаться ядовито-красным тетрациклином из карманных аптечек и несгибаемой доблестью, как испокон веков. Для порядку набрали проб из колодца, помойной ямы, зачем-то ручья, отправили в госпиталь. Выявилось нечто запредельное или склянки похерили где-то, что вернее всего, но дело замяли, комиссий удалось избежать, а мрут на войне всяко — главное, что за отчизну. Командование организовало подвоз воды из села, где стояли присланные милиционеры, а злополучный колодец к дьяволу завалили.

Сама часть располагалась на голой сопке вокруг брошенной кошары, чудом уцелевшей в полыме войны. Посередке торчал кирпичный сарай о трех комнатках для чабанов, когда-то даже электрифицированный — вдоль грунтовки тянулись к нему добросовестно ободранные столбы. Избушку тоже обнесли на совесть, внутренность густо уделали овцы, верно, прячась от непогоды. Прибывшей в конце зимы для разбивки лагеря роте обеспечения пришлось выгребать первосортнейший, усохший в корку навоз и мыть ледяной водой пол и стены, испещренные

угольными граффити "аллаху акбар", "Смерть русским!", "Мусик казел" и прочей незамысловатостью. Проемы затянули пленкой с брезентовыми шторами для светомаскировки, пристроили снятую где-то дверь, а кубатуру вымазали до потолка древним суриком из ржавой металлической бочки, разжиженный бензином. Так было оборудовано помещение под штаб, самое главное подразделение, без которого не может протекать боевая работа войск. Остатки загонов быстро ушли в огонь и на всяческие постройки.

Поносный интерьер рождал сложные ощущения у впервые попавших, скоро выявились и более существенные недостатки: смрад испражнений так и не удалось выветрить, а скверно взявшаяся краска пачкалась и от буржуйки тоже начала вонять. Разместившееся было под крышей начальство вернулось в кунги машин и вагончики, приштабные офицеры мельче расползлись в землянки — от холодов все, кто мог, понарыл руками бойцов нор. Солдаты преимущественно остались в палатках, но им уставом полагались тяготы и лишения службы родной стране.

В дверцу сунулась голова «замка» первого взвода барановской роты:

— Тащ капитан, личный состав построен!

Тот дохлебывал чай с горбушкой. Столовались по-окопному, из одного с бойцами котла; формовое печево было в радость, его не всегда успевали подвезти, вынуждая поварскую братию извращаться с разными лепешкосухарями. Масло, почти упраздненное в армии, полагалось на театре военных действий, но его мало кто не видел. Личные продовольственные заказы почтари и медики возили только начальству, а у прикомандированным не осталось и средств выплаты ждали дома по возвращении, прихваченное с собой расточилось давно.

— Больные, шальные, уставшие есть?

— Двое больных.

— Заступающий наряд оставил?

— Так точно.

— Все, сейчас иду.

Сержант исчез.

Выпускник пединститута Федорин еще недавно имел туманное представление об армии, тем паче самом ее низу. Их с Барановым упекли сюда на полтора месяца вследствие того, что у комсостава брошенных в огонь частей сохранялись тем не менее плановые отпуска. Убывающих заменяли материалом, присланными со всех концов державы, что отнюдь не способствовало повышению дисциплины и боевой спайки. Здесь Федорину пришлось увидеть на практике, что такое по

масштабам и следствиям поминаемый на всех уровнях некомплект, тем более для воюющих подразделений. Через неделю после заброски они остались единственными офицерами в возглавляемых ротах. Даже лейтенантов-взводных в полку было наперечет, особенно сейчас, накануне лета. Ближе к осени штатное расписание кое-как латалось пополнением из училищ, но далее за год это звено вновь рассасывалось. Юные правоведы в погонах вообще стремились данной лямки по возможности избежать, получив звание и плюя на контракт, массово увольнялись. Разжаловать и сослать на срочную их никто уже не мог, судебных преследований реально не осуществлялось, лишь приходилось для скорейшего вызволения оплатить иногда неизнос формы. Их ждали правительственные учреждения, адвокатура, непыльные места в разных конторах, на фоне которых армейская действительность выглядела кошмаром. Поболтавшиеся на Кавказе обычно рвались оттуда любой ценой. Сдюжившие же один солдатский призыв, не выбывшие по ранению или действительной болезни скоро поднимались в служебной иерархии выше. «Растут» на войне или полувойне все быстро.

В результате обязанности командиров взводов исполняли заместители-сержанты, в обход правил на офицерские должности назначали прапорщиков, вчерашних солдат, трясли контрактных, у кого был семестр в любом занюханном институте, а то и техникуме — давай, пошлем на курсы, лет через пять, глядишь, уже генерал… Те смеялись: я свои полгода на броне отмерзну и поеду с лавэ к бабе, а ты двадцатник по землянкам тяни. В третьем батальоне имелся лейтенант-"пластилин", призванный на два года после какого-то инженерного факультета с юридическим оттенком (в последние годы чего только не пооткрывали). Как-то схерив общевойсковую специальность, формально вбитую на «военке» трудами преподавателей-отставников, его сгребли в ВВ, практически лишенные возможности пополнять свои кадры таким путем: военные кафедры, число которых и так сократилось втрое, соответствующих номенклатур просто не штамповали. Не сумевший уклониться от почетной обязанности выпускник, худой и жалкий, мало подходил к центурионской задаче «держать» тридцатимордную банду, заставляя работать, как именуется на казенном языке соблюдение правил и способность выполнить любой приказ…

Правда, должного количества подчиненных нигде тоже не набиралось. Половина — считалось уже хорошо, полк давно не укомплектовывался полностью даже в призыв, с передислокацией сюда таял, как снег под солнце. На гражданке парни косили,

прятались, откупались от армии, из части бежали, в том числе к «духам», получали ранения, болели всякими невероятными сыпняками. Идеальная на бумаге командная система — под ефрейтором трое рядовых, у взводного три сержанта и так до маршала включительно — шла насмарку за отсутствием личного состава. Батальоны числом и боеспособностью равнялись ротам, полк только назывался полком да тащил вверенное хозяйство, порядком урезанное и обветшавшее.

Сняв с гвоздя разгрузник, Баранов подхватил автомат и кинул:

— Бывай!

— Ни пуха.

— Ни в ухо…

Через минуту раздалось его зычное "По машинам!". Строевик, настоящий армеец, думал о нем Федорин, серый гусь, пес войны — добился командировки сам, как некогда в Ош и Карабах. ВВ тогда с зон начали кидать в «точки», разворачивая по эту сторону Урала в крупные соединения. Младше товарища по годам, Баранов должен был ходить майором, но должностной «потолок» и норов неизменно отдаляли вполне заслуженный им чин. Офицером он являлся по духу, на звезды плевал и с презрением относился к задолизству. Рубил правду в глаза начальству, мог разбить ладонью кирпич и окоротить любого зарвавшегося «деда» или контрактника. Впрочем, по возвращении звание должно было его ждать — бумаги оформили перед отправкой.

В училище Федорин с ним близко не знался, поскольку Баранов состоял при кафедре тактики. Бывшего учителя географии страшно удивляло поначалу, что в фирму брали случайных лиц, а потом делали из них соответствующих работников. Вернее, они просто исполняли, зачастую через пень-колоду, должностные обязанности и постепенно как бы ими становились, хотя могли не обладать нужным складом мышления, подготовкой, интеллектуальным потенциалом и вовсе с ошибками писать. Немалая часть рекрутировалась из волков, оттрубивших по мордовским лагерям еще в имперское время, которые двигали с пенсией в столичную после тайги Пермь, где прошла курсантская юность и обычно высвобождалась площадь родителей жены. К месту службы молодой офицер должен убывать с супругой, так настроена армейская система, он должен иметь крепкий тыл, иначе может не вытянуть быт, мигом спиться и куролесить в отпуска. Зная об этом, поколения девушек являлись в училище на танцы, именовавшиеся прежде балами, позже дискотекой, теперь чуть ли не ночным клубом при юридическом институте ВВ МВД страны. Антураж и наклейки

время меняет, а суть… Кому-то способствовали в переводе знакомые. Так, Баранова сманил друган-однокашник, встреченный в доме отдыха: чего киснешь внизу, хватит месить грязь, давай к нам, есть как раз место!.. Друган преуспел больше, имел подпола, брюхо, «Ауди» и еле выдавил потом его с кафедры, которую метил возглавить, то ли боясь конкуренции, не то ожженный гвардейской прямотой. Так или иначе, Баранов утвердился в заведении, относясь к немногочисленной категории офицеров молодых, но с опытом, подтянутых, решительных и целеустремленных, успешно осваивавших благодаря способностям любой род деятельности — надежда и будущее училища, даже ведомства, именно потому «китами» усиленно затираемое.

Следующим резервом были кадры Минобороны, оставившие его ряды по невозможности дальнейшего пребывания, но желавшие дотянуть стаж, иногда напрямую прыгавшие от дяди к дяде, действовал одно время совместный хитрый приказ. Наконец, Федорин олицетворял самую последнюю категорию — штатских, не сумевших приноровиться к новым временам. В период полной задницы, встретив приятеля, узнал, что общий знакомый неожиданно пристроился в ставшем престижным училище компьютерщиком или кем-то по связи после ряда мытарств. Оказалось, туда брали с гражданки и совсем не вояк, а главное ничего, служили люди. Случай помогает ожидающему, Федорин как раз стоял на распутье. Школа, всегда тяготившая, окончательно села в печень и перестала кормить. Толковой специальности он не имел, вузов в городе было мало, и от молодости пошел, куда брали, не задумываясь о будущем. Присутствовала доля романтики — ездили с практикой на Алтай, Южный Урал, где горы сменяет степь, но потом взяли в железа: извольте учительствовать, коли «пед». Правда, услали недалеко, в область, мотался по выходным домой, жена осталась с его родителями. Но отчалил за хозяином больше двух лет, проклиная на чем свет земство, застывшее в чеховско-макаренковских временах. Он бы сгиб там, лишившись семьи и утонув в рюмке, но тут строгость ослабла, директора с облоно удалось превозмочь, да и родившийся наследник помог выбраться на материк.

Как выяснилось, ничего радужного там не ждало. Товарищ завел кооперативчик, мотались вдвоем по селам, скупая мясо и другую провизию, с которой становились все хуже, вроде начало получаться и вот-вот можно было раздать долги, но тут компаньон начал махинации, утверждая, что он лучше знает и сейчас нужно именно то. Федорин приходил домой за полночь, бегал по инстанциям, подписывал, заверял, оформлял, встречался

с кем-то, не успевая вникнуть в происходящее — то ли легализация для серьезных коммерческих оборотов, то ли перевод дела на бумагу. Потом напарник исчез, зато стали наезжать хмурые личности, вызывавшие поговорить за дверь. Впору стало бежать обратно в село, да у самих кредиторов кого-то убили, начались сложности, и от него постепенно отстали. Урок частного предпринимательства запомнился крепко, как сказала жена, только через мой труп. Для прокорма семьи пытался употребить профессию, вспомнив геодезию с картографией, таскал рейку на съемках площадей под несостоявшиеся объекты, прокладывал оставшийся на планах трамвайный маршрут. Грянувший с неудачным путчем криз накрыл все строительства медным тазом, не выплатили даже начисленного, без того таявшего с каждым днем… Оставался снова казенный кошт по прежнему ведомству.

Хватило его почти на три года с мелкими перерывами, но ярмо к хребту не прирастало. Мзды не брал, да и не предлагали, перспективы отсутствовали, завучество через месяц бросил — уйма мороки за прибавленный грош. Одно и то же изо дня в день, растущие негодяи и клинические дебилы, которых часто хотелось прибить; нравы в кратчайший срок эволюционировали радикально, курящий в сортире шкет на замечание посылал, с кодлой за спиной мог врезать. Правда, заведения волей обстоятельств менял не ахти — округ все поляризовалось, элитные гимназии и лицеи в кадрах не нуждались. Самое же гнусное заключалось в том, что на двух ставках с классным руководством, часами труда, физкультуры, черчения, психологии семейных или каких там отношений, одну четверть даже странного предмета ОБЖ ("Основы безопасности жизни"), напрасно сменившего военную подготовку в стране с призывной армией, существовать решительно не удавалось.

Против всего, что в подобных условиях случается делать женам, супруга раза не попрекнула его трудностями даже в размолвки. Окончив музыкальное училище, на ниву педагогики она не рвалась, хотя когда-то вела кружок при Дворце пионеров. Выпестовав сына до ясельного возраста, с началом тяжких времен устроилась в косметический салон, бывшую парикмахерскую, освоив весь спектр услуг от причесок до наращивания когтей зажиточным дамам и прокалывания ушек хнычущей малышне. Периодами на ее жалованье держались всей семьей. Отбывая на работе с утра до вечера шесть дней в неделю, успевала тащить дом, поддерживать форму, не теряла оптимизм и подумывала записаться на массажные курсы…

Кончались весенние каникулы; заметив пустой взгляд мужа,

устремленный мимо телевизора, она погладила по щеке:

— Федорра, ты что?

— Опять завтра туда идти…

Жена накрыла его длиннопалую ладонь своею:

— Знаешь, уходи оттуда. Как-нибудь перебьемся, а там что ни есть придумаем.

Через пару дней на улице состоялся разговор об удачливом компьютерщике. Федорин разыскал дома его телефон и, не откладывая, тем же вечером позвонил…

Чайник остыл, тащиться к столовой не хотелось, оставшиеся войска дрыхли законные полчаса. Печек в жилищах не топили, хотя ночью бывало холодно, убрав от тесноты. Теперь можно было добрать сна. Консервную банку и скомканный боевой лист выкинул за порог — бойцы подберут, наводя порядок, крошки смахнул на пол. Остающийся на базе офицер вставал раньше ехавшего в сопровождение, поднимал личный состав и отдавал нужные распоряжения, собирал товарищу поесть. Вместо знаменитой армейской тушенки, переполнившей на воле ларьки, жрать случалось перловую дрянь с комбижиром, прежде называвшуюся "Завтрак туриста", сухие твердокаменные каши, значившиеся мясными, сельдь с рисом и что-то вовсе неясное, соевый фарш или колбасный розовый полуфабрикат. Тушенина шла хорошо разогретая, покромсанная на куски.

Перед выездом стоило заправляться поплотнее, горячим — могло статься, что на день и два. Колонна, поджидаемая для боевого охранения на сложном участке, могла пройти и в семь утра, и под вечер. Однажды торчали вообще до темна, Федорин под свою ответственность приказал сниматься, в горах связь практически не работала, а докричишься, скажут «жди». Выяснилось, что «ленточку» вообще отменили, им же просто забыли сообщить. К полной безалаберности внутри системы привыкалось с трудом. Внезапно гнали на высоту, заставив окопаться с техникой, и бросали на трое суток под дождем без продовольствия и боеприпасов. У бывалого воина всегда найдется горбушка, бэтэр тоже не ездит пустой, кипятили по нескольку раз одну и ту же заварку, пили со всякими крохами, пока не завалили приблудившуюся овцу. Затем так же неожиданно поступил приказ сняться и быть на базе к стольки-то. Все материли начальников за маневры и перестраховку, а скорее всего ту же дурость и бардак. Хай все же подняли: где жратва, почему не дают «сухарь» по норме? Где огневой запас? А вас придали оперативному соединению, у них и нужно было получить. Какое в ж… соединение, кто об этом уведомил, нас просто кинули, словно

ошметок грязи! А вы командиры российской армии, товарищи офицеры, или где? Идите занимайтесь личным составом! Хорошо, что на них тогда не вылезли «чичи»…

К семи выгребся из землянки. Над хребтом лучилось румяное, точно барышня из постели, солнце, даря первое тепло. Не самое высокогорье, а ночью пар изо рта, днем же раздевайся хоть догола. Один дембель так и сделал, выехав со взводом за дровами и бревнами для построек, в плавках разлегся на БТРе, пока младшие призывы шуршали, и получил снайперскую пулю в висок. Так и привезли на броне, как для морга. Эта первая при Федорине смерть лишний раз подтвердила заповедь: не высовывайся, не лезь куда-либо без нужды, и если не ляжешь в настоящем бою, останешься целым.

Полк стоял на холме в центре сенокосной котловины, вытянутой к западу и охваченной лапами мохнатого гигантского зверя, меньшего из братьев, залегших южнее. Жить в лесу или подле было б сподручнее, но борющейся с населением армии он противопоказан — чащобы, скалы, болота от веку есть вотчины партизан. Свитер Федорин снял, чтобы после не возвращаться, ежился в тельнике под хэбэ. К столовой протопали практически без строя бойцы, младшие под командой сержанта изображали некое подобие шеренг, «деды» с контрактниками вольно плелись сзади, сунув кепи в карман. К счастью, «наемников», самой дикой и разложенной части войск, было немного. Составляли ее в основном свои же, отслужившие срок и оставшиеся по каким-то причинам, самой частой — дома ничего хорошего не ждало. В "миротворческие силы" по объявлениям всех подряд еще не гребли, а самостоятельно народ валил средне. Ветеранства за наведение конституционного порядка в родной стране не полагалось, боевые начислялись запутанно и шли не прямо в руки, срочникам не полагаясь вообще. Федорину с подчиненными везло, сначала думал — назначили специально, узнав об его происхождение. В роте было всего семь дембелей, от контрактников Бог избавил, убывший в отпуск командир держал бойцов в относительной дисциплине. С его отъездом она начала падать, но вмешиваться Федорин не стал. У него вряд ли бы получилось, а под занавес уже было б смешно гнуть пальцы. Сержанты работали, чувствуя с властью ответственность, «деды» сверх должного не наглели, подпрессовывая при надобности остальных, и все шло заведенным чередом.

Офицеры тоже стягивались к кормушке, шатру поменьше рядом с тентами для солдат. Бодро здоровались:

— Привет, Михалыч!

— И вас туда же, товарищ майор.

— Что носы повесили, командиры?

— А у тебя и черешок сник, как сюда прислали.

— Ты проверял, как сейчас помню!

— Дак мне Людка с санчасти баяла — хрен, мол, еще пойду к нему, сосис вялый и бздит по ночам!

Дружный хохот покрывал вздох:

— Увянешь тут…

При желании можно было не ходить в пищеблок, взять порцайку на кухне или прямо из норы заслать бойца. Но в хорошую погоду столовка превращалась в клуб, да и начальство иногда выкидывало фортели — устраивало проверку внешнего вида и присутствия, соблюдения распорядка дня или собрание прямо после завтрака. Умеренная щетина со скрипом прощалась, хотя делались попытки струнить нерях:

— Товарищи офицеры, поступило указание — всем регулярно бриться, чтобы не выделяться на фоне солдат! Для вашей же безопасности — снайперы щелкают, как семечки.

Майор Зенкевич, тоже из училища, имевший морду нового русского и одесский говорок, реагировал не вставая:

— Тащ полковник, посмотрите на мою харю. И ще, кто-то спутает, я умоляю вас?..

Собрание грохнуло, и нововведение не прошло. Отросшую шерсть мерзко соскребать даже в цивильных условиях, а здесь представлялось и вовсе неосуществимым — с потом и грязью никакие лосьоны не спасли бы от язв. Исполняющий же обязанности командира полка носил чин рангом ниже, но настоящий служивый «под-» должен опускать. Будучи по натуре не вредным, на мелочи он умел закрыть глаза.

С командованием в полку тоже творилось Бог знает что. Родной «папа» ушел вроде как с повышением наверх, где пока что-то исполнял, то есть официально числился на прежнем месте. Присланный на смену пенсионник явно мечтал озвездиться как дагестанский коньяк и свалить подальше, но не мог быть утвержден в должности, пока ее не освободят. Особого рвения он не являл, главным образом находясь в разъездах, наверное, по важным делам. Заправлял всем начштаба Кузьмин, сам надеявшийся получить заветный пост, но временно отстраненный «варягом». Человек он был недалекий и сам подчеркивал фельдфебельство вечным "а я вам докладываю", но что-то еще держалось и функционировало в основном благодаря ему.

Офицеров всех звеньев, кроме штабного, остро не хватало. Командированные не успевали полностью заменять треть их, находившуюся перманентно в отпусках, по идее отменявшихся в условиях войны. «Спецоперация» таковой не считалась, что

влекло много кровавой дури в ходе боевых действии — наступай-отступай, дерись-мирись, воюй без ущерба для мирного населения, и всяческих несуразиц служебного толка. Места отбывших занимали кадры, отряженные из министерства, округов, училищ и других невойсковых подразделений — их отрыв мыслился наименее ущербным. На деле выходил бред: Федорин, последний раз читавший какой-то устав перед экзаменом по «военке», получил взвод, обходившийся без пастыря больше года. Не успев запомнить его состав числом, был назначен замкомроты с исполнением обязанностей полного командира, так как и тот свалил. Второй человек со звездами в роте, немолодой прапорщик Шалеев, держался чуть наособицу, называл его по имени-отчеству, хотя ранговых границ здесь не соблюдали. Прибывшего с ними подполковника Стекольникова, ставшего здесь комбатом, Федорин с училища звал Васей. Чехарда прямых солдатских начальников, призванных заставлять их работать, влекла стойкое обоюдное настроение "на хрена оно, если мне (тебе) завтра уезжать"…

После завтрака, перекурив у столовой, разошлись в подразделения. Возни хватало ежедневно — копать, таскать, строить, укреплять и, конечно же, заниматься порядком. Пару раз в лютый дождь, сжалившись, людей велели рассадить в палатках по койкам (больше негде) и вести занятия по тактической подготовке. Как это делать, Федорин не представлял, ибо забыл даже ТТХ «Калашникова». В итоге разрешил войскам подшиваться, строчить письма, кемарить, только не шумя, выставив дозорных, которые при шухере мухой неслись бы к нему. Сам отвалил в землянку и тоже приспал, был удивлен, что Баранов два часа парил своих бойцов действиями стрелкового отделения в наступлении, обороне и разведке, при проверке населенных пунктов и транспорта, приводя многочисленные примеры. Хлопцы слушали с интересом, временами галдели, имея тоже что рассказать… Совещаний вроде не предвиделось, подведомственный личный состав в большинстве убыл на сопровождение, и Федорин залез обратно в дыру, решив поваляться еще. Тяга к койке изобличала неуклонное опускание, но думать об этом было лень.

Училище внутренних войск, переименованное в юридический институт с увеличением штатов и приема, превратилось в лакомый кусок. С сокращением многих военных заведений конкурсы в МВДэшные шараги росли каждый год, увеличивая возможности сотрудников и начальства, однако Федорина взяли практически с улицы — милость неба, судьба. Вакансии по топографической части, вроде бы единственно подходившей ему,

отсутствовали, но была введена должность помощника начальника редакционно-издательского отдела при ученом совете института (ПНРИО при УС, он не сразу запомнил и еще дольше не мог выговорить разом). Профессиям и навыкам служащих здесь не придавали значения, прикажем — станешь доктором наук. Отдел состоял из двух человек, шефа и заместителя, вследствие чего сама работа, естественно, ложидась на второго, благо хоть требовала из умений лишь относительной грамотности. Федорин хорошо учился в школе и новой специальностью овладел в довольно короткий срок. Главной сложностью оказалось выбивать из большезвездных мужей плоды творчества, какие-нибудь тезисы к отчетной научно-практической конференции. Побегав за ними по коридорам, отделам, кабинетам, когда припирал срок, добыв наконец вымученные странички, оставалось их в меру сил причесать и отдать компьютерной машинистке Вале. Затем тезисы шлепали на ротаторе в количестве ста экземпляров, указав в данных нужные для публикации «300», слали в нужные инстанции и раздавали довольным участникам, остаток скидывали в библиотеку. Выпускали никчемные методички, которыми заставляли пользоваться курсантов (то есть теперь слушателей), сборники статей, замначальника по научной части лелеял даже в мечтах «Вестник» или "Ученые записки", но о практическом внедрении, к счастью, речи пока не шло.

При возможности Федорина обещали перевести на более подходящее место, хотя он быстро свыкся с назначенным и все реже ощущал себя в чужом костюме среди незнакомой публики.

Процесс армейского воспитания всегда представлялся ему в виде четырехугольной тюрьмы, охватывающей голый плац, где под жгучим солнцем краснорожие унтеры гоняют до обмороков звероподобных тупых юнцов, не способных полезно служить обществу… В жизни хватало и этого, но многое удивило его. Среди курсантов и преподавателей нашлось немало умных и все понимающих людей, надевших форму в силу разных причин и подшучивавшими над уставными глупостями. Дело свое сотрудники в большинстве знали, не придавая значения маршировке на общих разводах — так, специфика ведомства. В аудиториях и классах шла действительная учеба с лекциями, семинарами, рефератами, успевающими и отстающими, освоением нового материала и закреплением пройденного. Странные штатскому уху предметы отличались не меньшей разработанностью, чем какое-нибудь ресурсоведение природных зон страны, имелась та же всеобщая философия, нынешняя информатика, заграничные языки.

Научную механику в высших образовательных учреждениях Федорин знал плохо, что-то наблюдал в студенческий период. Тем неожиданнее оказалось наличие здесь всех должных атрибутов — плановых тем, исследовательских заданий, раздачи степеней. Ерундовость и формализм результатов народ вполне сознавал, но ведь так обстояло почти во всех неприкладных отраслях. К тому же тут жестче, чем где-либо, выполнялось установление "положено — значит, должно быть", усугубленное архиконсерватизмом и неизменностью правил с древних времен. Свежему взгляду острее виделось противоречие, несовместность вольной мысли с тяжелой казенщиной, приказным порядком. Да и та же учеба, развитие составляют процесс творческий, индивидуальный, а вколачивался прежде всего параграф, штампы, стандартный набор. Не говоря о том, что львиная часть проходимого, как и везде, выпускникам едва ли могла когда-нибудь пригодиться.

Впрочем, уставшего от невзгод Федорина все это заботило мало. С коллегами он сошелся быстро, военная среда легко сближает людей. При шестидневной рабочей неделе торчать на службе приходилось не больше прежнего, в основном придумывая себе какое-нибудь дело, жаловании же шло намного больше и выплачивалось почти в срок.

Обсуждая его устройство, жена сказала вечером на кухне:

— Какой из тебя солдафон, Федорин? А если станешь им, то еще хуже…

Но не перечила. "Повезло мне с ней", — не раз думал он, прибавляя с мысленным вздохом: хоть в этом…

Когда началось чеченское безумие, в училище заговорили: "Скоро поедем". Прочили отправку вплоть до слушателей, по крайне мере выпускных курсов, на охрану коммуникаций и административных границ. Но время шло, в болевой точке затягивались немыслимые для огромной армии бои за провинциальный город, а приказа не поступало. Рвущихся осаживали — служите где служите, не Иностранный легион. Героический порыв остыл, и тут пришла квота: двадцать человек в трехдневный срок, на сорок пять суток, а там может и больше, как повезет.

Ехать не принуждали, хватало добровольцев, но молодым офицерам не выказать доблесть было вроде как не к лицу. Проявило в целом патриотизм народу вдвое против нужного, всех возрастов и должностей. Набрали по справедливости, человек от кафедры или отдела, дабы не оголять штат, прочим обещали следующие разы. Возглавил группу начальник курса дисциплин подполковник Стекольников, башковитый лысеющий весельчак с

багровой рожей кадрового вояки — мороз, солнце и алкоголь. Он презрел штабной стульчик в Ханкале, где зависло несколько человек, и прибыл с оставшимися в отдельный полк ВВ, куда они получили назначение.

Полк с начала весны держали в каком-то странном резерве. Переброшенный осенью на Кавказ, он участвовал в зимних боях на юго-восточном направлении, добросовестно занимал указанные рубежи, а потом увяз. К центру не перемещали, на окраинах же мятежной Ичкерии установился хрупкий баланс. Равнину официально контролировали федеральные силы, по мере возможностей закрепившиеся в предгорьях. Дальше властвовали главари племенных банд, новоявленные вожди сохранившихся даже в изгнании кланов. Оседлать горную часть без многократного численного увеличения, наведения хоть какого-то порядка в руководстве, координации и обеспечении войск оказалось невозможным. Командование, знающее лишь требование сверху, вряд ли осознавало это стратегически — просто не вышло. Взятие Грозного ценой тысячных жертв, точно Праги и Берлина сорокалетием раньше, распыление по занятой территории ослабили группировку. Она не смогла даже запереть крупные ущелья с проходами за хребет, откуда подпитывался противник; за недавнюю помощь тамошним сепаратистам южные соседи вредили бывшему Брату, как могли.

После случаев тяжелых потерь и даже гибели в полном составе колонн, осуществлявших кровообращение армии циркулированием по «очищенной» зоне, было решено обеспечить им твердую безопасность. В результате полку при спорадическом участии в боевых операциях отвели ежедневное сопровождение войсковых «лент» на признанном наиболее сложным участке. Грузовики пылили среди заросших разнотравьем полей и взбирались на серпантины под охраной собственной бронетехники, иногда даже танков, но в назначенном месте останавливалась, чтобы принять в хвост, голову и где-нибудь сбоку дополнительные БТРы. Эффект был сомнителен, в пути цепь все равно растягивалась, особенно на пересеченных участках, верный способ подрыва крайних машин превращал колонну в мишень независимо от мощи конвоя. Тем не менее он исправно выезжал на рассвете, ибо военный механизм силен исполнением приказов и слаб их частой бессмысленностью.

В сопровождение ездили первые два батальона, третий нес караулы, исполнял работы и выдумки командования, занимался обеспечением внутренних нужд а последний, самый малочисленный, считался ремонтным. Батальоны не составляли количеством штатных рот, но выделять требовалось

определенные силы, поэтому таскались через день каким-то сводным подразделением с одним из ротных во главе. Сегодня Баранов брал часть федоринских людей, завтра происходило наоборот. Монотонность дурацкого занятия всем обрыдла, многие командированные ехали "за орденами", но куда было деться.

День после-перед сопровождением являлся как бы выходным, папы не дергали без надобности офицеров, личный состав вяло отправлял разную текучку. После завтрака до девяти войска наводили условный порядок, дневальные выгребали из палаток и с проходов на задворки всякий сор. Федорин с жалостью наблюдал картину полевого лечения: золотушному первогодку густо мазал чудовищные фурункулы на спине белым составом из баночки круглоголовый товарищ.

— Задолбал вже дохторшу ходить до нее, от дала цей майонез. Счас иго обштукатурим, як порося, и в пэчь!

Боец виновато улыбался, потирал тщедушную грудь. Руки и плечи усеивали рыжие веснушки, на теле виднелись поджившие синяки.

— Глядьте, товарыщ старший лытинант, чем жив еще? — домодельный эскулап сунул кончик палочки, которой орудовал, в кратер одной из язв. Инструмент влез почти на дюйм, страдалец даже не поморщился. Содрогнувшись, Федорин отошел.

Разыскав Шалеева, попросил:

— Николай Иваныч, займи людей до обеда. Я у себя буду, что-то не климатит. Если что — зови.

Настроение вправду было вялым. То ли к погоде, то ли глубоко штатский организм не осиливал здешний допинг. Всегда подтянутый и даже бритый прапорщик ответствовал:

— Понял. Есть.

Странные отношения. Пройдясь для видимости вдоль палаток, Федорин нырнул в берлогу.

Дремалось скверно, выныривал из сонных провалов в поту, хотя окружающая земля хранила прохладу даже днем, при солнце и открытой двери. Валялся в обуви, что удобства также не прибавляло. Повернувшись на спину, созерцал накатный бревенчатый потолок, крытый сверху толем. Кино про Отечественную… Надоело, скорей бы домой. Война оказывалась вблизи еще тягостнее, дурнее, гаже, чем можно было предполагать. Одна нескончаемая грязь, самая обыкновенная, от заляпанных по ствол бэтэров до вечно зудящей кожи…

Под навесом курилки шло обычное предобеденное зубоскальство, когда примчался запыханный воин:

— Офицеров срочно в штаб, командир приехал!

Сидений на всех не хватило, младшие сгрудились у стен.

Рыбьеглазый подпол с зачесом на лысое темя, Федорин так и не запомнил его фамилии, был против командирских обычаев лаконичен:

— Товарищи! Завтра первый и второй батальоны в полном составе убывают для участия в операции. Будет работать отряд спецназа «Щит», нам — тыл и боевое охранение. Старший — комбат-один. Подъем в 4.30, выдвижение в 6.00, задачи поставят на месте. До ужина проверить технику, вооружение, подготовить остальное и к 18 часам доложить. Сопровождение обеспечивается силами третьего батальона, наряды выставляет четвертый. Да, и привести в соответствие внешний вид, должен быть представитель командования. А то ходят бойцы, как "лесные братья". Вопросы есть? Довести по подразделениям.

Расходились с гомоном — свалилась на голову очередная ерунда. Хоть не с коек ночью дернули, как всегда, секретность и безалаберность, а то дали бы пару дней, и войскам подготовиться, и «духам» в горы уйти. Передразнивали:

— "Комба-ат-один"! Начдив, комиссар, полуротный… Ну, Баранов твой обрадуется — думал, завтра будет хер чесать и молоком с бешенной коровки баловаться, а тут трах-бах, стране нужны герои!

В офицерской столовой по причине тепла были распахнуты окна, то есть сдвинуты вбок плексигласовые квадраты с деревянными рамами. Господам повара добавляли обычно что-нибудь сверх нормы, поджарку из овощей или капустно-морковный салат, нагребали побольше мяса и скелетированной рыбы, но Федорину спустя час хотелось жрать снова. Матерые же кадровики покидали стол, не доковыряв одной миски, зато водку, а чаще разведенный спирт дули зверскими порциями, с осьмушкой хлеба на брата. Операция сулила некоторое развлечение, с другой стороны — куча хлопот, а польза как всегда грошовая. Сухофрукты кончились, третий день в обед хлебали котловой «байкал». Чай, как в зоне, даже бойцы старались добыть свой и варить отдельно, в котелочке на огне или поставив консервную банку среди горящей солярной лужицы. Наскоро посмолив под навесом (Федорин пробовал здесь курить, но не проникся), двинулись исполнять "це у".

Сопровождение вернулось поздно, чертова колонна задержалась. Остывший борщ с нерезаными картофелинами в предвкушении слипшейся перловкой хлебали кисло. Вот и отдохнули, да еще технику налаживать, две «коробки» не на ходу. В итоге ванны для обоих держал Баранов, когда бочковозы приперли воды. Небольшим доступным офицерам сибаритством были ямки размером с окопчик, отрываемые в минуту парой

бойцов. Туда опускалась прорезиненная емкость или пленка, брезент, три-четыре ведра, и тащись с сигареткой в зубах. После трудового дня, особенно выездов, полежать так было сущим наслаждением. Использованный литраж выплескивали, подняв «ванну» за край. Когда стенки рушились, обычно после дождя, ямки заваливали, чтобы не искротовить всю свободную площадь. Мылись прямо в импровизированных лоханях, по-немецки, ополаскиваясь напоследок ковшом. Мелкие удобства в пещерном здешнем быту поневоле ценились.

Плескались второпях после доклада о готовности, когда солнце подползло к западному хребту и стала чувствоваться прохлада. Согревшаяся вода добавила удовольствия процедуре. Рожи скоблили пластмассовой одноразкой, дергавшей шерсть, без зеркал, на ощупь. Кирпичные затылки выделялись на фоне белых спин; Баранов хотел побрить голову, но раздумал — скоро домой, парикмахерская машинка оставит нужную длину ворса. Ужинали молча при тусклых лампочках под крышей шатра, самое лучшее вечернее время сегодня пропадало. "Пускать сок", даже по малой, явно не собирались; кивнув сержантам "ведите людей, на горшок и спать", отправились к себе. Землянка им досталась славная, как раз на двоих и малая для сборищ, почему блевания и прочих безобразий в ней почти не случалось. Когда-то здесь жили четверо офицеров, но казарменность быстро утомляет, и постепенно руками солдат все настроили себе апартаментов, устраиваясь сколь-то человечески.

…Ревущие бэтэры ухали в выбоины размытой, искореженной траками дороги, почти касаясь скошенными мордами полотна. Тряска на жесткой, мокрой с ночи броне круто выглядит лишь со стороны. Внутри теплее, но тесно и быстро глохнешь, подставляют лица пыли, ветру, снегу и дождю больше из дела: при подрыве вспорхнешь птицей и можешь уцелеть, в корпусе же — верная крышка. Те же БМП потому и зовут "братской могилой пехоты". Только водилы-смертники, труженики войны и службы, глядели из люков, предпочитая летящую в очи грязь синякам от окуляров. Черный дым рвался на подъемах из выхлопов.

Горы росли, надвигались все ближе, постепенно смыкаясь; отвернув вбок с трассы, промотали еще километров семь. Развернувшись в боевой порядок, по одиночке, с большими интервалами всползли по заросшей грунтовке на травянистую седловину. За перегибом начинался лес, покрывавший все вершины с севера. «Щиты» спешились, погудели над картой и двинулись вперед группами по пять человек, супербрутальные в камуфляжах «день-ночь» при всяческих бамбасах. Автоматы 7,62 с

подствольниками, змеящиеся пулеметные ленты, гроздья «мух», заряженные фаустпатроны, мини-рации на фоне заплечных ящиков с антеннами у армейцев. Тяжелые каски складывались лепестком из обтянутых тканью пластин, шнурованных под размер черепа. В них быстро уставала голова и ныла зверски шея, но от железок они хозяев берегли. Черные велосипедные перчатки напоминали митенки полусветских дам, оружие все держали на плечах или за рукоятки стволом вверх, посверкивая дымчатыми очками.

Грязные и оборванные рядом с ними войска заняли господствующие точки, разбившись по направлениям, и залегли вдоль перегиба у машин. Вскоре начали помаленьку курить, сползаться кучками в тень брони, проситься по делу. Командовал операцией какой-то полкан, насколько поняли, тоже сменный из Ростова. В чехарде кадров мало кто уже разбирал, где временные, замещающие, исполняющие обязанности, а солдатская и вовсе масса представлялась безликой, то возраставшей, то падавшей числом до критической отметки и ниже. Полкан с охраной и связью остался внизу, на огибающей хребет грунтовке. С башни машины Федорин видел, как под деревом поставили столик, стулья и, похоже, начали перекус. Батальонам выдали сухпай, но давиться им пока было рано. Перед отъездом столовская клейстерная размазня не лезла в брюхо, а теперь он глотнул слюну и прыгнул наземь от искушений.

"Замок" первого взвода дембель Сомов, известный отменным зрением, всматривался куда-то в сторону массива, громоздившегося выступом справа от них.

— Тащ старш лейтенант, никак что-то блестит?

Приглядевшись, Федорин тоже вроде бы уловил промельк. Зайчик прицела с такого расстояния едва ли заметишь, да и не станут им семафорить, однако просто так в густом лесу светить тоже нечему.

— Может, проверить?

— Приключений ищешь на зад, к маме неохота? Зашли кого-нибудь к Баранову за биноклем.

Оптика полагалась каждому офицеру, как и много чего. Опытный напарник взял в командировку собственный прибор завода «ЛОМО» с 24-кратным увеличением и шкалой дальномера, который таскал при выездах в черном футляре на груди. Наведя общую резкость и сфокусировав подвижный глазок, Федорин сосредоточился на размытой увеличением зелени мыска. Она безлично трепетала в лучах, какая-то точка действительно вспыхнуло на миг…

— Разрешите? — сержант бережно принял оптику. — Знатная

штука. Вон, вон оно мигнул, ей-бо!

— Дай!

Федорин напряг глаза, но различал только желтые пятнышки в калейдоскопе ветвей. Показалось, что поймал мелкий блик, однако тут же все опять смешалось. Ранний подъем придал бодрости, забилась авантюрная жилка: пухнуть тут до вечера один черт, полчаса, если сбегать налегке. Много людей брать нельзя, заметят, а проверить с отделением подступы он даже обязан. Просто размяться в лесу, шурша прелой листвой, забыл уже ее аромат, какие там мины, растяжки или дурак-снайпер, детски выдающий себя, могут быть в этой глухомани. Безмолвные горы да ветерок… Путь «витязей» лежал близко от места проблеска, они расшугали бы любых партизан, хотя что-то же там маячит. Вот и узнать разом. Нарушение конечно, но…

— Сомов, бери шесть человек, идем в разведку. Иванычу передайте остается за старшего, будем через… сорок минут. — Бросил внутрь машины каску, полевую сумку с истертой тетрадкой, «журнал» или рабочий конспект командира роты, он же при острой нужде пипифакс, забрал у водилы пару рожков и гранаты, чтобы не ковыряться в общем боезапасе. Указал направление стратегического маневра: — Двигаем по верхам, из вида друг друга не терять, Сомов замыкающий. Нога здесь — другая там, вперед!

С горки побежали бодро, взяв славный темп, но довольно скоро он выдохся первый и сбавил шаг как бы для осмотра местности. Упыхавшись, отдохнули на смычке ближней гривы с седловиной и по краю вершинного лужка почесали цепочкой дальше. По отсутствию практики Федорин забыл, что в горах кажущееся близким может отстоять на километры пути. Спуски, подъемы, крапивно-ежевичные джунгли, буреломы, промоины и скальники поджидали в самых вроде бы проходимых местах. Обливаясь потом, он начал сознавать, что вряд ли найдет даже сам тот мыс, который изучал в бинокль. Просто не опознает, стоя на нем среди зарослей и ушедших в землю глыб, слишком отлично все вблизи от дальнего взгляда. Здесь ландшафт выглядел иначе, склоны просматривались до ближнего перегиба, и какой из вздыбленных носов созерцали они с позиции, определить с ходу не удавалось.

— Обогнем еще это «плечико», лес пошерстим и обратно, пока на сюрпризы не нарвались. Сомов, на какой высоте была примерно та хрень?

— … знает, тащ старший лейтенант. Побольше вроде.

Распарившиеся в полной выкладке бойцы явно не радовались уже прогулке.

— Ладно, за родину, вперед!

Дьявол, влево от разбитого трещинами серого лба начинался глубокий овраг, правее склон задирался вертикально. Перистое или кулисное членение рельефа, будь он неладен… На схемах в учебнике все было проще. Заскакали по осыпи над щелью приличной глубины, дальше пришлось карабкаться по откосу вверх. Из-под ног сыпался рыхлый грунт с остроугольным белым щебнем, сахарные глыбы оказывались вблизи мышиного цвета, в красно-бурых и желтых потеках, геометрически иссеченными разломами. По-хорошему следовало возвращаться, но держал азарт — вдруг что-то там, за вывороченным корневищем, трехобхватным стволом, очередным мыском или прикрытой ветроломом ямой. Когда в просветах деревьев мелькнул гребень, прорезалась отвесная стенка, пыхтели вдоль нее, пока не выбрались кое-как на задернованную холмистую вершинку с редким сухостоем. За другим краем, куда вел маршрут, вновь оказалось круто, чтоб обогнуть, пришлось брести к новому подъему. Там обнаружился цирковидный обрыв, настоящая пропасть, вернулись назад, и Федорин махнул рукой: вниз хоть на крыльях, время жмет. На самом деле углубляться малыми силами было опасно, да и перлись без утайки, топая на весь лес как слоны, но — последний овраг, последняя перемычка…

Съехав на подошвах и седалищах к ближайшей терраске, покатились с грехом пополам дальше. Склон бороздили промоины, увалы, бровки, с которых приходилось прыгать на добрых метр-полтора, поваленные бурями вкривь и вкось бревна ежеминутно преграждали дорогу. Если тут и бывал кто, лесоразработчики или какие-нибудь пастухи, все давным-давно затянулось и не просматривалось на десять шагов вперед. Когда преодолели еще один глубокий овраг и взобрались на следующий отвершек, за ним вырисовался новый провал и здоровый холмище, предварявший массив в скальных проплешинах, как хозяина собачка на поводке.

Федорин про себя выругался: место явно не соответствовало намеченному, седловину с покинутыми соратниками вообще закрывал массив. В круговерти распадков, лощин, эскарпов где-то свернули не туда, шаг-другой по звериной тропке, и оказываешься черт-те где, удивленно озираясь вокруг…

— Возвращаемся, хлопцы! — Федорин не без тревоги развернул отряд. Промахнулись мы малость, пора назад. Сомов, гони всех плотнее, точно вздрючат нас…

Развернулись гуськом, почти в затылок друг другу. Направление Федорин, как ему казалось, представлял верно, обратный путь короче всегда. Армия никому не выдали карт,

лишь полкан что-то показал комбатам перед выездом, а те уже "водили руками" как могли. Правда, сейчас он вряд ли бы уже сориентировался, для этого следовало лезть на возвышенность, да и некогда висевший на тыльном ремешке брошенного планшета компас потерялся или был украден в первые дни. За экипировку вплоть до смены белья и курвиметра драли на тревогах в училище, а тут автомат на месте — и хорошо…

Огибая скальный выступ, он услышал возглас, затем окликнули:

— Гляньте, товарищ старший лейтенант!

Боец-"годок" указывал пальцем в небо, отирая рукой пот. Задрав голову, Федорин не сразу разглядел, что там, выматерился и начал карабкаться по осыпи сбоку от лба. На его поверхности росли кривые деревья, пронизавшие корнями тонкий грунт, известняк, и стоящее у края простирало над обрывом ветвь, увенчанную перевернутой десятилитровой банкой. Кому понадобилось тащить ее сюда в давние времена, извращаться странным образом? Безвестные чертовы шутники, допив кукурузную сивуху или вино, насадили тару на побег вместо того, чтобы просто грохнуть о камень, а упрямое растение не согнуло длань, не ветрам позволило сбросить ее, вскинуло над скалой, точно какой-то дикий фонарь… Изнутри стекло заполнилось прелыми листьями, однако снаружи его исправно мыли дожди и протирали соседние колышущиеся прутья. Подвижный маячок при известном освещении мигал зайчиками, принудив их совершить целый рейд по горам.

Вскинув автомат, Федорин опомнился, не хватало получить на шум от своих и чужих.

— Разбить эту дрянь к матери, чтоб не светилась больше!

Длины прикладов не хватило, под градом щебня склянка звонко разлетелась, обнаружив на конце ветки комок своей формы из отростков с бледной листвой. Теперь можно было идти назад с чувством выполненного долга.

Сразу выяснилось и обратное направление, край седловины открылся из-за ближнего выступа. У следующего подъема Федорин позволил бойцам сесть, побулькать флягами. В оврагах встречались кое-где ручьи, но тощеватые и мутные, выручил запас. И тут донеслось приглушенное расстоянием, но вполне отчетливое «ббум», затем «пах-пах-пах» стрелкового оружия.

Все невольно переглянулись — началось. Взрыв донесся оттуда, где должны были шуровать «витязи». У Федорина разом упало внутри от мелькнувшего «влип», теперь отоварят на полную, дупло будет с пушечный ствол. А то и до увольнения, как еще повернется… Вскочил первым:

— За мной!

Давно он так не бегал, стегаемый мыслью о последствиях дурацкого самовольства. Откуда взялись силы — обогнал пацанов, перемахивая буреломы, штурмуя крутые склоны на четвереньках. Свистел ветер в ушах, ветки секли кожу, запредельным дыханием жгло грудь. Татаканье перестрелки стало слышнее, перемежаясь хлопками гранат. Парни отстали, Федорин сам чувствовал предел и в марафонском запале не успел что-либо понять, когда из кустов навстречу резанула очередь, прошуршав дождем в листве. Рухнув подкошенным, он успел вскинуть автомат и выдать куда-то перед собой, не целясь. Бойцы попадали выше, на увале, поддержали его огнем. Рожок вмиг опустел и не хотел отцепляться, справившись, трясущимися пальцами он долго рвали клапан «лифака». Федорин лежал невыгодно, почти открыто, сделал инстинктивное движенье к дереву, из которого пуля с визгом тотчас выщепила лучину. Казалось, били со всех сторон, ощущая впервые смертный ужас, частью сознания он понимал — если нарвались на крупную группу, опытные «духи» сейчас возьмут их в кольцо и передавят, как цыплят. Жахнул почти в упор подствольник, оглушенный Федорин выскреб из кармашка зеленый кругляш с белым пластиковым взрывателем, рвал кольцо, пока не сообразил отогнуть усики, швырнул как сумел и, выждав просвист осколков, на карачках метнулся вбок…

Качество оперативной армейской связи неизбывно оставляет желать много лучшего, тем более в горах. По мере продвижения спецназа контакт с ним становился все спорадичнее, расположившиеся на седловине войска ловили обрывки сообщений и передавали их вниз начальству, вообще не слышавшему на своей дороге ни хрена. «Щит» загнал, видно, собственного крикуна на высотку и сносно доложил: обнаружена база противника (избушка-землянка, как обычно), даже не заминированная, с бое- и прочими припасами, а именно консервами отечественного производства и присоленной бараньей ногой. В казане стояла теплая еще жратва, на столе грязные тарелки — по всему «чичи» выпасли ситуацию и смотались, возможно даже недалеко.

Полкан велел найденное взорвать, собрав документы, бумаги, всю представляющую развединтерес ерунду и немедленно вертаться. Результат есть, «двухсотые» никому не нужны. Витязи начали готовить фейерверк, продвинувшись частью сил дальше, через пятнадцать минут их связной проорал: ведем бой, противник неопределенной численности, но жарко. Квадрат такой-то, как насчет поддержки? Отрядовцы приравнивались чуть

не к целому батальону, но количеством составляли не больше пятидесяти человек. Комбат-один доложил вниз.

— Мать вашу, какая еще поддержка? — забулькали наушники скрипучим визгом сводного командующего. — Авиацию им вызвать, что ли? Отходить немедленно, вы прикроете их огнем по мере приближения, с места не трогаться, в «зелень» не углубляться. Ясно?

Штатный майор Паляница, командир первого батальона, сбросил головные телефоны и повернулся к заму по составу:

— Тьфу, б… штабная! Передай — со мной идут первая и вторая роты, ты остаешься в бате за главного, связиста ко мне.

Зам, пожав плечами, отправился исполнять. Взяв микрофон, Паляница нажал передачу:

— "Волна-2", где старший твой?

Ответил искаженный металлом бас Стекольникова:

— Внимательно!

— Отряжай мне одну роту, принимай здесь командование.

— Викторыч, давай я схожу!

— Не препираться, товарищ почти полковник. Видишь горку на сто пятьдесят градусов? Там «узелок», выкат «клубков» сам на сам, в темпе. Принял? Тогда все.

Обозначив кодом место соединения и порядок движения рот, он передал микрофон с наушниками водителю в транспортере. Услышав переговоры, нижняя рация возмущенно захрюкала, но ей никто уже не отвечал.

Во втором батальоне три штатных тщедушных роты за отсутствием командиров свели до летнего набора в неполных две. Кого послать из офицеров, колебаться тоже не приходилось, и Стекольников крикнул состоявшему на выезде при нем порученцу:

— Баранова ко мне!

…Бегство осталось в памяти сплошным огненным кошмаром. Федорин не умел командовать в бою и вообще забыл о своей роли, имевшие опыт бойцы приучены были к руководству и отстреливались вразнобой, каждый по себе. Когда он проорал "Бежим!" из какой-то ложбинки, была упущена последняя возможность организованного отпора и выхода. Все прянули назад, смешав огонь и поневоле обратясь к врагу спиной, выползали по-змеиному и карабкались прочь на четвереньках. Кто-то пытался согнувшись перебегать, падал и жался в прелую листву под затяжными очередями, нацеленными прямо в сердце и выбивающими окончательно понимание, на каком ты свете есть. Федорин полз ящерицей на животе, зарываясь в рыхлую лесную

землю, скатился в яму и пропахал ее до конца, сузившегося в ширину тела, греб руками и подошвами, стремясь укрыться куда-нибудь, ввинтиться в проклятую глину от свинца. Что-то рухнуло сверху, он выпустил автомат и забился, пытаясь вытолкнуться на руках, позабыв про штык на поясе, но над ухом захрипели:

— Таращ старший лейтенант, бегите, это я!

Дышащий с присвистом Сомов отвалился в сторону и рванул его на спину, вытащив из норы. От крепкого толчка Федорин словно очнулся, нашарил в лесном соре АК. Огонь шел по верхам, пули не доставали их в мелком овражке, ставшем вдруг укрытием среди творившейся жути. Полусидя, он стал хватать сержанта за вылинявший брезентовый нагрудник:

— Патроны дай… гранату… Уводи людей, быстрей!

Бухнувшись на колени, Сомов молитвенно припал к земле и стал торопливо вываливать из ячеек рожки. Магазинов официально полагалось четыре, но каждый таскал их, сколько мог. Федорин сунул ему опустевшую загулину, сержант автоматически спрятал ее в нагрудник, привыкнув беречь добро. Цепляясь ручкой, бомбочка не хотела лезть наружу, пришлось додрать полуоторванный клапан. По каске рикошетом цвиркнула пуля, Сомов дернулся и ткнулся ничком в траву. Федорин схватил его за плечо:

— Жив?! Беги отсюда, приказываю, слышишь?

Сержант, приподняв с глаз шлем рукой, потряс головой и на четвереньках брызнул в горку, волоча автомат за ремень. Прищелкнув двойной валетный рожок, перемотанный изолентой, Федорин пополз в другую сторону и, выставив оружие из-за бревна, не глядя начал сыпать короткими очередями туда, откуда несся грохот и вспыхивал огонь. Сзади над головой прошел веер — кто-то поддержал, отходя, бойцы чуть опомнились и огрызались прицельнее. Швырнув через перегиб гранату, Федорин за дымом успел метнуться под громадный черный пень с приваленным к боку камнем и затих.

Сознание того, что он мертв и только должен прикрыть солдат, которых глупостью завел на гибель, уняло дрожь и вернуло мыслям строй. Задача упрощалась, оставалась одна — дольше продержаться, давая парням уйти, выполняя последнее, к чему способен и обязан. Бежать им оставалось не так много, лишь бы выйти из-под огня, там услышат свои и выдвинутся на помощь. Чехи, знающие местность, даже если не разведали еще наличия крупных сил, вряд ли полезут далеко — не с неба же упали они, дурачье, где-то должны быть остальные. Сунув гладкую наступательную «лимонку» в карман штанов, Федорин молниеносно приподнялся, швырнул ребристую Ф-1 с замахом,

переждал взрыв и пополз дальше в сторону, чтобы отвлечь стрельбу на себя.

Огонь действительно сместился, стоило обнаружиться из-за кочки. Жал крючок бережно, экономя патроны, кончатся они — и все. «Духи» метко прижимали к земле, сердце захолодило: «обошли», но понял, что со склона выше лепят туда же, куда он. Остался кто-то, что ли? Выяснять было некогда, в мгновенное затишье чуть высунулся и успел поймать вроде промельк среди деревьев. Засадил туда, что-то упало между стволов, последовал всплеск огня, неподалеку взрыл землю ВОГ, разорвался жалящими осколками. Судя по ощущению стежка плетью, некоторые пробили форму на левом боку и спине, достав тело. Ему не дали бы поднять голову, если б не судорожный автомат там, на склоне. Когда тот внезапно захлебнулся, Федорин выставил ствол и снова дал очередь в неприятельскую сторону — что, взяли?

Кинжальные очереди вдруг начали отдаляться, в грунт и хворост кругом вонзились два или три подствольных заряда, взметнув щебнистый чернозем, вороха палок и прочей дряни, осыпавшей его сверху. Оглушенный Федорин бросил оружие и вжался в хрящеватое ложе, прикрыв руками голову и пытаясь заполнить собой малейшую вмятинку. Чудом его не тронуло, зависла томительная пауза. Придя в себя и решившись поднять лицо, он не сразу понял, что вокруг тихо. На всякий случай вновь припав к автоматному ложу, долго пытался сообразить, что к чему. Когда пискнула наконец птаха и зашуршало в траве, а пороховая гарь рассеялась в лесном воздухе, трудно сознающий окружающее и не верящий в спасение помнач РИО чужим голосом крикнул:

— Эй, есть кто?

Быстро собрав людей и поставив задачу, Паляница наискось по склону двинул к следующей вершине, чтобы сократить время. По заросшей тропке скатились к плешивому подъему, который венчали скальные выходы. Связист пытался докричаться спецназа, который шел примерно навстречу, отбиваясь от кусавших с боков «душар». У избушки-складика витязи разделились, пока группа с сапером взрывала ее, часть углубилась в лес и наткнулась на противника. Мужики пытались дать бой и даже погнать его, вряд ли превосходившего силой, но с самого начала оказались в невыгодном положении, на дне лощины. Перекрестный огонь с высот кругом вспыхнул разом, точно их ждали. Сразу появились раненые, и бойцы начали постепенный отход, вызывая оставшихся у схрона. Те тоже попали под мелкий обстрел, но не стали

ввязываться и пошли своим путем, стараясь координироваться на ходу. Враги использовали превосходство хозяев, скача по верхам, как черти, встречая залпами в неожиданных местах и принуждая идти то заваленным глыбами ручьем, то крутыми оврагами. Оказались количеством они больше, чем могла вместить темная полуземлянка, или мобильнее, но что было всего хуже — видимо, прослушивали связь.

Одолев штурмом горб, комбат повел свои войска в максимальном темпе под углом к следующей гриве, чтобы траверсом взойти на нее и огнем поддержать отряд. Барановских солдат во главе с командиром оставил на полпути по краю зелени, обеспечивать тыл — подвигов майор не жаждал, выполнить задачу скорей и грести отсюда с минимальными потерями, а лучше совсем без них. Со стрелковым оружием и парой гранатометов в войну не играют, тем паче здесь, кто придумал идиотское шоу, ставшее в малую пока кровь…

Прапорщик Шалев нервничал у федоринского БТРа, когда началась суета выступления. В любую минуту Стекольников мог затребовать командира, что тогда говорить — до кустиков отлучился? Это не прикрыть офицерскую пьянку или самоезд в село. Обратился снова к бойцу:

— Куда они пошли?

— Туда, — махнул воин лапой.

— Зачем?

— Проверыть. Снайпыра засекли, чи што…

— Какого еще снайпера… черт возьми? — крепких слов он не употреблял.

— Та я шо, тащ прапоршык…

Солдат трясся, лежа на подвернутой ноге.

— Чего не ушел?

Парень молчал. С бледного под грязью лица тек пот, кругом валялись расстрелянные гильзы. Федорин поднял брошенный автомат, проверил магазин пуст. В пальцах бедолага сжимал гранату, к счастью, с невыдернутой чекой.

— Размораживайся, пока вроде живы. Цел?

Форма бойца, как и его собственная, была измарана настолько, что он не сразу заметил на левой штанине ниже колена бурое пятно. От прикосновения боец дернулся.

— Встать можешь? Идти?

Глядя на ротного расширенными глазами, пацан словно проглотил язык. С трудом Федорин разорвал штыком крепкую ткань; рана оказалась сквозной, а задела что или нет, как знать. Почему они его бросили? Небось бежал последним, ткнуло, и все.

Переждав, когда чуть успокоились трясущиеся руки, всадил ему иглу пластиковой ампулы из своей аптечки — первогодок если не сам истратил промедол на кайф, то забрали давно старшие, у солдат в шприцах плескалась обычно вода. Вынув из нарукавного кармана парня, где носили перевязку, серый индпакет с ватной подушечкой и бинтом, вскрыл его и замотал как мог голень. Марля быстро начала промокать. Ноги не держали, кое-как нашел две ровных палки и стал прикручивать остатком бинта к поврежденной конечности на манер шины, вдруг тронуло кость. Хлопец морщился, но не издал звука.

Следовало перетянуть еще где-то артерию и даже сунуть записку со временем. Вот оно, отсутствие военно-полевых навыков… Размотав с приклада жгут, остановился в нерешительности. Операция на деле являлась не простой, как-то на выезде войска баловались и прострелили «годку» плечо, инструктор отсутствовал, раздев, дружно пытались зажать вены, кровь хлынула струей, сняли все к черту и помчались в часть. Оформили как выстрел снайпера, боец даже в отпуск съездил. Так что завяжешь не там, и конец. Но спрашивать было не у кого, поэтому наложил красную медицинскую резину чуть ниже колена, как сумел. Хуже вроде не стало. Глянул на часы: половина первого. Надо ж, шли.

— Поднимайся, не потащу. Идти нужно, понимаешь? Ну что как оглоблей контуженный, твою мать!..

Затравленно таращась, тот не отвечал. Терпение Федорина начало истощаться:

— В плен хочешь или сдохнуть, если нас не подберут? Неизвестно, что еще там творится, как доложат про все. Меня в павшие уже точно занесли, а ты без вести будешь, радости дома — … Вставай, ну!

Подыскав дрючок с развилкой на роль костыля, повесил на себя автоматы и собрал на всякий случай рожки. Взяв парня по мышки, с трудом поставил на ноги, тот выворачивался и стонал. Обозлясь, Федорин крепко тряхнул его:

— Да оживай ты, елы, а то как звездану сейчас!..

Боец вдруг заплакал, одергивая что-то сзади рукой. Там ниже бронежилета измазанные штаны расплывались темно-влажным.

— Что, и сюда тоже? — Солдат помотал головой, и Федорин понял. Трам-татам, я уж думал!.. Брось, не до этого. Хотя постой малость, я сейчас…

С неодолимой ясностью он вдруг ощутил, что конфуз может повториться…

Первыми на барановцев вышли спецы основной группы,

потерявшие незадолго перед тем связь. Осколок ли пробил их главную станцию, выданный для операции зеленый армейский ящик, село питание или древний агрегат не выдержал болтанки, собственные же их карманные устройства работали на другой волне. Естественно, побратимов едва не встретили огнем. Витязи отходили молодцами, сказывались подготовка и спаянность, двух раненых тащили бегом на брезентовых носилках, одного для скорости, у него было задето бедро. Из заметных трофеев наличествовали сломанная видеокамера и двухкассетный магнитофон, левое оружие и припасы в богатом оснащении не выделялись. С Паляницей они не пересеклись, те вышли в район схватки левее и завязали перестрелку с быстро обнаружившими их «чехами», в результате оттянувшимися от спецназа. Понимая обстановку, противник едва ли развернул бы настоящее сражение, и все же где-то за хребтом шел сейчас бой. Баранов взял рацию, но комбат, видимо, его не слышал. Вновь получалась ерунда: теперь следовало поддержать войска, выдвинувшиеся на помощь отряду.

"Щиты" готовы были повернуть назад, отправив раненых, пополнив огневой запас и разжившись дальней связью. Вместо этого Баранов предложил сменить его на позиции, условившись, что как только выйдет вторая их группа, витязи сформируют кулак и по мере сил обеспечат выход армейцам. Сориентировавшись по переданной ему карте, он разбил людей по тройкам и рванул вперед.

Перемахнув облесенную гриву, вскоре услышали первые выстрелы из низины. Помчались еще быстрее, выйдя из радиотени и перекрикиваясь уже напрямую с двигавшимися навстречу товарищами. На бегу толком не разобрали, но связист, находившийся при ротном, понял — кто-то ранен. За взгорком навстречу попалась группа под командованием взмыленного сверхсрочника, бойцы волокли почти по земле на распяленном бронежилете Паляницу, поддерживая ноги. Крови на его сбитой вверх форме почти не было, и только серое лицо с опавшими веками свидетельствовало о тяжелом состоянии.

— Куда его? — Баранов схватил комбата за безжизненную ладонь.

— В живот, грудь. Нога тоже… — «сверчок», командовавший невольными санитарами, смотрел подавленно, словно чувствуя вину. Отерев пот с лица, залепленного древесной трухой и паутиной, отхаркался в сторону.

— С остальными что? Где связист, почему отвечает через раз?

— Не знаю, там все, — солдат показал автоматом в направлении, откуда неслась частая пальба.

— Ладно, несите быстрее, меняйтесь чаще, но не стойте. Там спецы остались, сразу на бэтэр и вниз. Готовой отвечаешь, пошел!

Заворачивая и сбивая на ходу в кучу встречных бойцов, отрывочно выяснили: майор разделил своих, чтобы зайти «чехам» в тыл, охватить и при взаимодействии с отрядом шугнуть до ледников, а выйдет — раздавить под корень. Но связи не получилось, первая рота во главе с комбатом обнаружила «духов» раньше, чем планировалось, те хитро бегали кругом, маневрируя и, по всей видимости, слыша переговоры. Внезапно открытый с гребня огонь срезал Паляницу, шедшего впереди. Командир первой роты, молодой лейтенант, приказал спасать комбата, заняв оборону с оставшимися людьми. Вторая группа тем временем беспрепятственно вышла в намеченный район, ударив по «чехам», но подверглась обстрелу скорее всего той их частью, что раньше молотилась со «щитами». Противник обнаружил немалую силу и умение воевать, в горной местности партизаны могут и побеждать регулярную армию. Спецназ не отвечал на вызовы, положение осложнялось неясностью, выбрался ли он и нужно думать о себе либо отстреливается и вот-вот может возникнуть рядом. Барахлящая дезорганизованная связь, проклятие кампании, мешала координировать действия и получать сообщения от остальных.

Вмешательство барановской роты наконец решило исход.

Различая далекую стрельбу, ковыляли потихоньку своей дорогой, в представлении Федорина к заветной седловине с бронетехникой. Маршрут получался так себе, боец не мог преодолевать склоны, пошли низинами, над ручьем, где хватало бурелома и глыб. Федорина уже заботило больше всего как оправдываться, вернувшись. Вляпался крепко, по его вине ранен солдат, дай Бог один, это шишкам за тысячные потери только чины с крестами дают… Задела мысль, что не дойти лично ему было б проще, ну и война-служба, где собственного начальства страшишься больше врага. Правда, вина непростительна, но наказан по самые гланды; а парень за что? Гадостно было неимоверно…

Пацан ступал тяжело, поджимая ногу и прыгая на здоровой, вскоре сломал импровизированный костыль и рухнул, ударив локоть. С трудом выталкивая слова, попросил ослабить жгут — туго, а кровь все равно шла. Матерясь, Федорин размотал измазанную резину и запихал в боковой карман. Взяв у парня брючный ремень, перетянул ногу, но когда тот встал, штаны свалились до колен, форма была размера на три-четыре больше нужного. Отстегнув собственные подтяжки, вытянул из-под

куртки и закрутил вокруг многострадальной голени. Снял с бойца всю лишнюю сбрую, которую пришлось взвалить на себя, нашел ему для левой руки дрын и сунул в правую автомат стволом вниз:

— Хромай так, а то к вечеру не доберемся.

Сам он надеялся, что их выдвинутся искать, как только бойцы достигнут позиции на плато, и опасался разминуться со своими в зеленке. Тандем их силы не представлял и в случае нового столкновения однозначно был бы уничтожен. Путь он старался выбирать примерно тот, каким приперлись, во избежание очередных неожиданностей, хотя выходило приблизительно. Паскудство и началось тем, что заблудились, но ничего лучше в голову не шло.

Кепи где-то потерял, напялил бойцовскую каску, броник наливался тяжестью с каждым шагом, приходилось тащиться сзади раненого, в трудных местах подставляя ему плечо. От штанов парня ощутимо повонивало, спустились к самой воде обмыться. Федорин отошел, чтобы не смущать. Вблизи любая война — грязь, кровь да вот это, тем более такая дурацкая, как все государственные начинания последних лет… Разделся до пояса и чуть поплескался сам, осколочные царапины саднил пот и терла одежда.

Взобраться на косогор парень не смог, поплелись дальше в обход холма. За скальным выступом борта раздались в стороны, открылась настоящая пойма с сочной травой. К руслу выходили три распадка с собственными водотоками, почва чавкала под ногами. Следовало лезть вверх или их просто не найдут, и так отклонились уже дальше возможного.

— Слышь, потерпи, надо подняться, а там сядем и будем ждать. Должны уже нас искать, не могут же просто бросить, так его растак…

Забрав вправо для обхода противника, Баранов попал на вторую роту первого бата, пробивавшуюся к своим. О командовании не пришлось заикаться, измазанный расцарапанный прапорщик, и.о. взводного, готов был к любым четким распоряжениям. Плюнув на связь, больше помогавшую «чехам», скучили огонь, истратили почти все гранаты, но ударно перевалили через высотку без потерь, оказавшись в прямой видимости полуокруженных товарищей. «Чичи» палили ожесточенно и не без толку, но сдали назад.

К остатку первой роты прорвались вовремя, ей приходилось туго. На командира, старшего лейтенанта, прикрывавшего с горсткой бойцов основную часть, страшно было глядеть. Близкий взрыв мелкими осколками, точно лезвиями, располосовал ему

шмотье и обтяжку бронежилета, сорвал с головы каску, посек руки и лицо. Кровь текла из многочисленных порезов, заливала глаза, оглушенный контузией, он смахивал с бровей красные сгустки и невнятно что-то мычал. Баранов заставил его первым идти в тыл, собрав других раненых, развернул подкрепление и скомандовал общий отход.

Фактическое безвластие, в котором отряд подчинялся сам себе, а Паляница плюнул на трусливое временное командование, обернулось наконец пользой. Как только первые бойцы дотащили майора до лужка, где лежал спецназ, тот, узнав состояние дел, попер на помощь. Выходила чехарда, бег друг за другом, но гладко операции проходят только на планах. При поддержке «Щита» Баранов даже перешел в короткое наступление, отогнав «чехов» за хребтик, и те отстали. Успех не стали развивать, хватит на сегодня, шарахнули напоследок гранатометный залп и почесали назад, к технике.

Стекольников потребовал к рации комроты. Прапорщицкое "на связи!" его не удовлетворило:

— "Двести третий" где?

Это был позывной Федорина.

— Я за него.

— Тебя спрашивают — где он?

Наушники помолчали.

— Вызвали куда-то… Участвует в операции.

— Кто приказал?

— Не могу знать.

— Связь с ним имеешь?

— Никак нет.

Обругавшись, подполковник затребовал:

— Ищи где хочешь, разворачивай две «коробки» и держи наготове — наши с «трехсотыми» идут.

Честя всех подряд, Стекольников продул беломорину, обмял гильзу и сунул в рот. Огниво затерялось где-то под сбруей, связист услужливо протянул свое. Пустил едкий дым, он подытожил:

— Вечный дурдом! Командиров до хренища, одни командиры кругом, а бардак как двадцать лет назад был, так и остался… Хотя такого, правда, все же не было!

От движения помочи ослабли и распустились, пришлось их заново перемотать. При ходьбе кровь сочилась из раны постоянно, бинт и штанина промокли насквозь, в ботинке у солдата хлюпало. Федорин перевязал его марлей из своего пакета

поверх старой и взглянул на часы. Стекло подернулось сеткой трещин, исчезли циферки с кварцевого табло — где-то стукнул. Остыв на вершине, почувствовали голод. Хлебнули по очереди из фляги, наполненной по дороге внизу.

— Тебя как зовут?

— Рядовой Воронов.

— А по имени?

— Александр.

— Попали мы с тобой, Александр… Ладно, прорвемся. Сам откуда?

Оба сидели, привалившись спиной к стволам.

— Из Тверской области.

— Сколько отслужил?

— Полгода. Если день за два будет, в октябре домой…

— Вернемся — поваляешься в госпитале, в Махач отправят, а то и Ростов, отдохнешь, потом в отпуск съездишь. Дырка у тебя пустяковая, зато медаль какую-нибудь дадут, сейчас вроде за ранение всех представляют. Где вот только наши запропастились?

Обе свои ракеты, зеленую и красную, Федорин уже выпустил, пока безответно. Прикинуть время точно не получалось, оно словно разорвалось после стычки, но солнце явно клонилось на закат.

— Надо идти, Александр. Что-то не так, хотя черт его знает…

Стрелять вверх не хотелось, дважды чудо сомнительно, противник любой численности означал бы для них конец. Ремень на вороновском автомате он отпустил так, чтобы боец сунул в него ботинок, но не касался раненой ногой земли, после чего они вновь обнялись и похромали вниз.

Когда авангард прикрытия достиг зоны видимости основных сил, начались очередные беспорядок и суета из лучших побуждений. Для вывоза раненых приготовили машины, отправив часть личного состава вниз пешком, санинструкторов выслали навстречу с носилками и под прикрытием свежего взвода. Майора с поверженными витязями и еще двух солдат, поймавших небольшие осколки, вывезли первыми, стихший полкан от своего имени приказал запросить в ущелье вертолет. Баранов последовательно задержался на собственной недавней позиции, затем последнем взгорке уже в виду БТРов, чтобы пересчитать народ и собрать отставших, зная, какие случаются накладки. Однако торопили все — нижнее, оно же верхнее начальство, Стекольников, «щиты», полагавшие свою задачу выполненной, сверить личный состав полностью не удавалось: кто-то убыл первым с ранеными, другие скатывались к дороге по склону, в ходе маневров подразделения частью перемешались. Витязи сначала искали отставшую группу, подрывавшую несчастный схрон, требовали развернуть войска для прочесывания леса и хватались за стволы, пока не выяснилось, что те давно внизу и успели даже поесть. Мордатый старший лейтенант генеральского возраста (поздно вышел в офицеры, наверно) ухитрился кружным путем вывести их прямо на командный пункт, где поджидал всех нервничавший полковник. Найдя друг друга, спецы заспешили больше всех, не имея почему-то собственного транспорта и предвидя ночь на перекладных. Стекольников подгонял:

— Быстрее, быстрее! Посчитали людей? Ладно, там проверимся, по машинам!

Сгреблись в конце концов, как есть, облепили технику и вереницей потянулись вниз. В хвосте полз, развернув назад башню, приданный танк. Увешанное брикетами взрывчатки, которая при попадании детонирует и отбрасывает заряд, железо производит странное впечатление покрытых наростами чудовищ, вкупе с ним колонна напоминала какой-то табор цыган войны.

Уже на пути следования батальонов из привершинной рощи неожиданно выбежала группка бойцов. Одного, виснущего мешком, волокли под руки. Их могли не заметить, но хлопцы пустили вверх пару очередей, заставив многих пригнуться и вскинуть оружие. Крайняя машина притормозила и, дождавшись бедолаг, дала газ.

Шалееву в сумятице так и не удалось найти ротного. Дорогой, когда остановились из-за буксовавшего транспортера, к нему запрыгнул посланный на розыски боец и сквозь рев двигателя сообщил, что видел замкар первого взвода Сомова, с которым командир уходил. Прапорщик несколько успокоился — значит, и тот где-нибудь поблизости. Офицеры хреновы, без году неделя, а уже ворочу, как хочу. Наберут в армию от пивного ларя…

Федорин думал уже не о том, что «чехи» могут настигнуть их в любой момент, гнело другое: окапываться и драться насмерть либо наступать до снежных вершин никто не собирался, представление изначально намечалось показательным, на один день. И если побывавший нынче в бою сводный полк — не полк ждет их сейчас, выстроившись в походную колонну, а пара рот брошена на поиск, выходило скверно. Но где же они, товарищи по оружию? Воин Красной Армии, спаси!

Боец выдохся прыгать вверх-вниз и не мог ползти к дальней гриве, чтобы топать затем по верхам. К тому же Федорин не узнавал мест, хотя молчал об этом. Высокие скалистые пики передового хребта, по которым можно было ориентироваться, не просматривались из низин, а окрестные носы и пирамиды, затянутые лесом на пологих северных склонах, повсюду выглядели незнакомо-однообразно. Подступала тревога — да как бы не… Бросали на произвол судьбы и верную смерть целые части, ОМОНы, СОБРы, два каких-то человека вовсе не шли в счет, тем паче живых ли, нет ли.

Поразмыслив, Федорин принял стратегическое решение идти вниз по ручьям. Сливаясь, они должны были привести к речке, бурлившей в долине, откуда вся сегодняшняя эпопея началась. Ничего больше, собственно, и не оставалось.

— …Как — нету?

Прапорщик молчал.

— В Бога душу мать, как, я спрашиваю?!

Сомов честно рассказал о случившемся, но выкладывать командованию всю правду Шалеев не стал. Ротный двинулся по чьему-то приказу в район боевых действий, не ставя лично его в

известность, позже выяснилось, что в лесу он попал в засаду и остался прикрыть отход с бойцом. Обоих скорее всего уже не было на свете или попали в плен, что в общем-то равнозначно, а как дело повернется, следовало еще посмотреть.

— Где это случилось? — у Стекольникова даже сел голос.

— Правее заварухи спецназовцев, как воины говорят. Не по карте ведь шли…

Кому она нужна, правда — лишняя морока, в первую очередь ему: докладывать, отчитываться, писать, а затем его же первого выдолбят по полной программе, что да как, почему допустили. Выберется старлей — отплюется сам, а если худшее, так война не без этого, все спишет. Для родных пал смертью храбрых лучше сгинувшего по глупости, награда, пенсия; его же в сложившейся ситуации задергают, верно, один черт — куда смотрел ты, настоящий солдат, которому доверили этого партизана-пластилинщика?..

Больше парень идти не мог.

— Саня, посиди тут, а я сбегаю на ту горку. Может, наши уже рядом где.

Глаза Воронова налились мольбой:

— Товарищ старший лейтенант, не бросайте меня!..

— Что говоришь-то? Просто мы как иголка в сене, до утра ведь искать не станут, и каюк нам. Сообразил?

Подозрения на самом деле переходили в уверенность — похоже, их впрямь потеряли с вытекающими последствиями, но озвучивать приговор не хотелось. Боец уцепился за форму:

— Товарищ стар… пожалуйста! Я взорву себя, я…

В глазах его стояли слезы. Отчасти он был прав, и без шкурных намерений плутануть здесь — раз плюнуть, умение ориентироваться Федорин уже доказал. Потерять местоположение солдата и бегать потом вокруг, крича и зазывая на себя «духов»? Может, они и так шастают поблизости, за следующим поворотом столкнется нос к носу, как тогда… От воспоминаний передернуло.

— Накроемся мы с тобой тут скоро оба медным тазом… Какого ты вообще не ушел со всеми, подставился «чехам»?

Злость все-таки прорвалась, боец понял это и выпустил куртку. Если б не он, может, ротный давно трясся бы уже на броне, отлучку б не заметил никто… Хотя что там, парень сам вряд ли помнил, как удар в ногу сбил наземь. Орал убегавшим, а те не слышали за страхом и шумом боя, не хотели слышать…

— Военник при тебе? С пакетом?

— Да.

Бойцы заматывали документы в полиэтиленки, чтобы меньше размывали вода и пот.

— Давай тогда ксивы в берцы пихать, на случай, если нас потом обнаружат. Может, «чехи» на рвань нашу не польстятся. А номерки — в другой говнодав, под стельку.

Сказал бы кто, что однажды так буднично придется готовится к смерти… Воронову тоже приходилось впервые, хотя по сроку службы должен был участвовать в зимних боях. Документы и личные номера чечены старались забирать как доказательства подвигов, совали потом в объективы камер, а неопознанные трупы свозили в железнодорожные рефрижераторы под Грозный и в другие места. Они же будут тут валяться до истлевания, шинкованные полуметровыми ножами или раздербаненные в куски, гранаты оставались, чтобы не попасть живьем в плен. Домашним будет суждена мучительная неизвестность…

Пособив Воронову с обуванием больной ноги, заставил встать:

— Не хочешь оставаться — пошли.

— Товарищ полковник, во втором батальоне отсутствуют исполняющий обязанности командира роты старший лейтенант Федорин и один рядовой.

— Что значит — отсутствуют? Причина, где могут быть?

— Неизвестно. Предположительно не вышли из района боя.

— Предположительно-о… — раздражаясь, передразнил сводный командир. Выяснили хоть что-нибудь? Кто видел последним?

— Бойцы его группы. Прикрыл отход, когда попали в окружение.

Стекольников был сам ошарашен случившимся. Почему Федорин оказался в круговерти стычки, хотя должен был торчать бдительно на указанном рубеже, докапываться не стал, всякое случается в армейской неразберихе, узнаешь слишком много — после отвечай, почему не доложил. Разговор с командиром шел практически с глазу на глаз, представитель штаба оперативной зоны отбыл с первыми ранеными, чтобы успеть в вертак и оказаться поскорей дома.

— Искали?

— Еще не успели, сейчас только выяснили, что нет.

Несколько секунд полкан размышлял, барабаня ногтем по клапану генеральской полевой сумки. Наконец решил:

— У нас не осталось времени. После разберемся, сейчас по машинам.

— Товарищ полковник!..

Аспидные глаза на дрябловатом, нездорово смуглом лице изливали желчь.

— Приказ не ясен? Хотите новых потерь или неделю здесь ошиваться? Ваши подчиненные — в любом случае прямой ваш недосмотр, а за партизанщину ответят все, это я обещаю!

Стекольников чужие грехи расхлебывать не собирался, но промолчал.

— Вам известно, что майор, как там его, самовольно двинувший подразделение и помешавший выполнять задачи спецназу, скончался на пути следования к авиатранспорту? Понимаете теперь, какое разбирательство ждет? Сегодняшних бесчинств я так не оставлю, разбойничья шайка, а не армия, обо всем будет доложено в округ! Если отказываетесь подчиняться, я вас отстраняю от должности. Вопросы есть? Тогда идите командуйте.

Развернувшись без «есть», Стекольников зашагал вдоль колонны к своим войскам.

Осознав, что видит впереди желанную седловину с другого направления, Федорин обрадовался так, что ослабевшие ноги подкосились, и он плюхнулся на зад. Дошли; вскочив, скинул тяжелую амуницию рядом с каликой Вороновым и побежал на вершину бугра, словно глотнул живительный эликсир. Метров через тридцать подъема запал иссяк, дальше карабкался носом в землю, опираясь на автомат и хватаясь за стволы. Холм оказался высоким, за перегибом вместо неба открылся следующий участок постепенно крутеющего склона. Обогнув скальный выступ, Федорин влез на него с пологой стороны и попытался высмотреть, что там, на заветной гряде, потом плюнул, дал очередь и замер, поджидая ответ.

Расстреляв остаток рожка и наоравшись до хрипоты, он сел на камень, опустив ствол. Не услышать вряд ли могли, седловина находилась в прямой видимости уступа, даже если разглядеть простым глазом что-то было трудно. Неужели?.. Собравшись с духом, поднялся — их жизнь, похоже, находилась в собственных руках, ногах вернее. Вниз бежал слаломистскими зигзагами, чтобы не полететь кубарем через голову, несколько раз все же упал. С Вороновым пришлось аукаться, тот забился под корягу и боялся отвечать, уже плохо соображая, а Федорин на спуске немного промахнулся. Будь они прокляты, эти горы, даст Бог выбраться — на картинках не станет смотреть…

Парень вопросов не задал, кое-как встал, обнял его за шею и запрыгал рядом тяжелым увечным кузнечиком, дергая Федорина при каждом броске. Спустились вновь к ручью, который стал

полноводнее, шире руслом, что путь не облегчало. Через шаг громоздились здоровые обточенные течением валуны, рухнувшие стволы и притащенный в дожди потоком древолом застревали меж них, образуя целые плотины, дальше стопы проваливались меж скользких камней, ежеминутно грозя хрустнуть. Где случалось ровнее, хлюпали по воде, отпечатывая следы на редких плесах, крупные завалы обходили, выбираясь на берег к кустистой пойме. Наконец оба свалились без сил.

— Скину я эту броню, — решился наконец Федорин, — не дороже головы. Будем живы — разберемся, нет — чего тогда…

Вороновский панцирь с каской и пустые рожки сунул в яму, под корни вывороченного бука, завалив глиноземом с травой и палыми листьями. Для порядку Федорин попытался запомнить место и даже выбил штыком зарубку на бревне. С которой попытки удалось бы продырявить им врага, даже новенькие, в смазке клинки тупее консервных ножей для патронных цинков… Пошли чуть быстрее, но скоро выдохлись опять — боец постанывал, норовил запасть в обморок и вис мешком, еле волоча простреленную конечность. Рана была серьезнее, чем казалось, или сильно вытекла кровь, да и парень геракловым здоровьем не отличался. Выбравшись в лощину пошире, где уже целая речушка петляла меж зеленых бортов, рухнули в рост среди высокого остролиста, долго отдыхивались, не замечая налетевших вмиг комаров и слепней.

Действие лекарства заканчивалось, парня ощутимо жгла боль. Страдальчески морщась, вдруг зачастил:

— Товарищ старший лейтенант, оставьте меня пожалуйста, больше не могу. Оба из-за меня погибнем, идите, очень прошу, только оставьте гранату. Возьмите билет, там земляки есть, домой напишут…

И он потянулся торопливо к берцу.

Накрыв трясущуюся кисть парня своей, Федорин закрыл глаза. Саднили ноги, растертые долгой ходьбой в мокрой обуви. Тени удлинялись, солнце почти коснулось пильчатого хребта, опоясанные снегом зубцы которого грозно очерчивались в синеве. Было странно вспомнить, как утром выезжали с базы, ни о чем подобном не думая, и на тебе… Судьба, хоть сам в ней виноват, дернул черт. Выбраться бы, станет все иначе, новая жизнь, где ценен каждый миг. Только перенеся встряску, начинаешь что-то понимать. Дойти, только дойти…

Кое-как перевалили пологий ближний скат и поплелись снова в обход, над речкой по открытому месту, сдвоенная малоподвижная мишень с любой возвышенности. Уже было плевать, от них зависело разве что не сдаться в последнем, брести

вперед, к долине, где разместился командный пункт. В спасение верилось все меньше, но ковыляли через силу, подгоняемые федоринскими уверениями, что если до темна вылезти на дорогу, там будет кто-нибудь ждать. Правда, даже навскидку выйти они должны были в ущелье повыше, но вдруг ищут все же или оставили специально взвод-другой…

Взрезанные речкой отроги сблизились, тащиться снова пришлось в теснине, выбирая галечные отмели с косами буро-серого песка или спотыкаясь на булыжниках. Ступни до бесчувствия мерзли в ледяной воде, измочаленные размокшие документы вытащили из ботинок обратно, вдруг еще пригодятся. Начинало смеркаться. Когда за поворотом каньона открылся заветный распадок, Федорин не сразу это понял, затем припустил, едва не пиная солдата, почти бегом. Грунтовка оказалась пуста, но и место выглядело незнакомым, хотя Федорин вряд ли смог бы опознать даже то дерево, под которым сидел полкан. Устроив Воронова при обочине, помчался изо всех сил к подрезанному дорогой выступу, который огибало полотно. Ноги легче несли под уклон, хотя уже сам хромал; пролетев мыс, еле затормозил, готовый орать: "Вот мы!" Участок был тот, вон пологая седловина с восходящей прорезью старой колеи, помнилась даже лента травы меж колеями, а здесь бэтэры начинали разворот на подъем. Дорога просматривалась метров на триста, и даже орблачка выхли не клубилось над ней. Тишину нарушало лишь прерывистое федоринское дыхание да бурчанье речки на камнях. Не верилось, что это — все…

Мотание между требовавшим доклада полковником и командиром спецназа, хотевшим данных о совокупно нанесенном «чехам» уроне для своей отчетности, Стекольниковым, расстроенным первым батом, который он фактически вывел из-под огня, и собственной ротой умаяли Баранова хуже боя. Подсчет людей переложил на сержантов и еле успел прыгнуть на ближайший БТР, изрыгающий едкий дым.

Чесали без остановки, успев только справить нужду да вспороть по консервине на двоих, пока в назначенном пункте разделялись с витязями и командованием, срок полномочий которого к взаимному облегчению истек. Сгущалась темнота, пожевав на ходу, забрались внутрь гремучих коробок, сколько хватило места, и дремали там без различия званий и чинов. Под руководством Стекольникова прибыли в полк только глубокой ночью.

Спешно занялись последними надобностями — ставить технику, проверять оружие и личный состав, бойцов поротно

гнали в столовую, где с ужина ждали застывшая каша и сонный наряд. Разогрели быстро даже остатки дневного супа, но уставшее войско рубало вяло, норовя ткнуться в миску лбом. Лишь тут Баранов узнал, что пропал его кореш с одним из солдат, затесались куда-то и попали под обстрел, «замок» вывел основную группу, а их вдвоем больше не видели. Полагая, что о случившемся уже всем известно, ему просто не удосужились сообщить.

Он бросился искать Стекольникова, оказавшегося у командования. Оно в принципе уже почивало, но Кузьмин приказал будить его, как только выделенные силы прибудут назад, а временный батальонный настоял на подъеме и.о. комполка. В штабе буднично повонивало фекало-краской с хлором, которым дневальных неукоснительно заставляли мыть пол. Подпол с набрякшими мутными буркалами от доложенного в восторг не пришел:

— Да, наворотили в один день, расхлебывать теперь кто будет? Сейчас за потери бьют, между прочим, по первое число. Завтра свяжусь с дивизией, а начштаба пусть думает, что делать.

Формальное самовольство Паляницы, двинувшего войска в роковую для него схватку, Стекольников по возможности обошел, сведений по иным каналам к командиров пока не дошло. Решения принимал не он, пусть разбираются в своей части хоть до ноябрьского парада, если при такой службе будет с кем. Упор делал на безвестное отсутствие офицера с бойцом, волей обстоятельств брошенных живыми или мертвыми в районе боя. Однако «папу» их судьба явно не волновала, поскольку личной ответственности он тут не нес, а войны без жертв не бывает.

— Товарищ полковник, — равный по званию начкафедры завысил ранг прямого начальника, как лейтенант, — разрешите утром вернуться туда с батальоном для поисков. Местность теперь знакома, район невелик, можно быстро прочесать, если подтянуть вертолетчиков…

— Что вы несете, — раздраженно перебил тот, — по карте хоть прикиньте, какие силы нужны для минимальных действий в горах, товарищ преподаватель. Затевать целую операцию из-за двух человек, с которыми неизвестно что случилось — кто это позволит? С таким вопросом я даже выходить на командование не стану, и заниматься самодеятельностью тоже никому не дам. Проследите лучше, чтоб политчасть оформила наградные документы погибшему и тому капитану, что вывел людей, еще кому-нибудь из раненых, лучше офицеру. В отношении этих двух я попробую что-нибудь сделать. Следовало на месте решать, а теперь выставляете меня злодеем…

Подполковник встал, обозначая конец разговора. Давя неприязнь, Стекольников взял интонацию как можно просительнее:

— Разрешите по крайней мере завтра…

— Нет. Завтра, то есть уже сегодня — сопровождение и прочее по распорядку. Если не ошибаюсь, выезжает как раз ваш личный состав, вот и исполняйте прямые обязанности. У полка есть возложенные на него задачи, которых никто не отменял!

Не слушая до конца, Стекольников вышел и хлопнул покосившейся дверью так, что строеньице дрогнуло.

У столовой его настиг Баранов:

— Василий, как это получилось? Почему ты…

— Да потому, перемать! Сам-то хоть знаешь, что было? Кто велел твоему Федорину переться к черту на рога и под огонь лезть, чистое самоуправство и беспредел!

— Я приказал ему, понял? Почему уехали, спрашиваю тебя?!

— Иди ты, Серега, без тебя тошно! Будешь мне еще… Вон командир сидит, топай и ори на него, где ж ты раньше был, а теперь выискался герой!..

Удар в челюсть сбил комбата с ног.

— Охренел совсем, Рембо гребанный?

Баранов подбросил его пинком в зад:

— Сучара большезвездная, размажу тебя здесь!..

Сбежавшиеся на шум офицеры кое-как их разняли. Вчетвером скрутив Баранова, оравшего "Тревога! Второй батальон, строится!", оттащили в землянку, почти силой влили стакан, второй и держали, пока не стих. Долго сидели с ним, кто-то остался ночевать на федоринском месте. Плюя кровавые слюни и щупая распухшую скулу, по возможности внятно Стекольников распорядился:

— Поднять этого утром на выезд, чтоб был как штык! Очередь федоринская, вот пусть и замещает, раз невшибенный друг. Доигрались в «Зарницу», грамотей, мля…

Бойца все-таки пришлось тащить на себе. Сперва нес кулем на плечах, клонясь до земли, боясь споткнуться и рухнуть лицом вниз, так как не успел бы даже выбросить руку. Субтильный Воронов оказался тяжел, хватал одежду на груди, душил за шею и при каждом шаге стонал. Федорин выбрал идти не дорогой, а тянувшимся вдоль нее краем ольховой рощи, взбегавшей по склону к переходу в собственно лес. Луны не было, но от чистого неба или запрудивших его звезд путь как-то просматривались, по крайней мере, различалась в сквозном воздухе глухая чернота препятствий.

Не опуская ноши, Федорину удалось пройти много, больше, чем ожидал, передыхая согбенным у встречных стволов. Висящие на нем автоматы звякали друг об друга, любой «чешский» пацан с берданкой или самодельным пистолем уложил бы их сейчас одной пулей в упор, оставалось верить в милость Бога, который спас их уже сегодня от верного конца. Ощутив, что вот-вот упадет, по ближайшему деревцу сполз вниз, отвалив солдата вбок.

Тому становилось хуже, рана болела все сильней, ступать ногой стало невозможно, парень заметно ослаб. Он сохранил зажигалку, при ее вспышках Федорин кое-как разорвал пропотевшую вороновскую майку (самому пришлось бы долго раздеваться при той же чистоте ткани) и символически перемотал ему голень, ободрав верхний слой кровавых, сбившихся и местами присохших бинтов. Перевязывая вначале, он размял и посыпал отверстия таблетками для дезинфекции воды ("бросил в лужу и пей") из десантного сухпая, которые таскал с собой, и тетрациклином из пластиковой аптечной гильзочки, чем еще. Условная бактерицидная смесь давно растаяла и смылась, попадет что-нибудь в дырки, и каюк хлопцу, выйдет — зря пер… Пересидеть до утра и бежать с рассветом на трассу, вдруг кто проедет? Ждать их где-то всю ночь вряд ли станут, разве что незримые «духи» сопроводили федералов по горам, доброжелательно глянули на прощанье в оптику и сейчас чешут навстречу, не таясь. О тех, кто ездит или бродит здесь в темноте, думать не хотелось. И как знать, дотянет ли до солнца солдат?

Повесив оружие за спину, еле поднял Воронова и подхватил на плечи, как большой мешок или местные овцу. В фильмах про войну смотрелось куда героичнее, хотя там чаще красноармеец в живописно порванной гимнастерке нес командира, позванивая медалями (кто их в бой надевал?). А на шее болтался ППШ с круглым магазином и дырочками по кожуху ствола… Думал ли, что выпадет такое, воевавшие дети невоевавших отцов, есть такая профессия уродину-мать защищать…

— Не жми, — оттянул руку парня от горла.

Тот что-то пробормотал. Хорошо, пока хоть не бредил. Встряхнув с усилием, чтобы ловчее пристроить его на хребте, полусогнувшийся Федорин двинул вперед.

За собственным топаньем, пыхтеньем и стонами Воронова, шумом речки на той стороне дороги не сразу услышал шум мотора, осознав звук, только когда он раздался почти за спиной. Рванувшись глубже в заросли, Федорин сбросил вскрикнувшего бойца и упал рядом, пытаясь расцепить автоматы, но быстро стих. Мимо неторопливо прогудел транспортер с людьми на броне,

слепя яркими глазницами фар — ехали уверенно, по-хозяйски. Больше в потемках ничего было не разглядеть.

— Товарищ старший лейтенант, — дернул за рукав очнувшийся Воронов, это наши, надо тормознуть их!..

И попытался встать.

— Лежи, идиотина! — шипя, прижал его к траве Федорин. — Какие наши тут могут быть ночью с одной «коробкой»?

Слухи о том, что у «чехов» есть техника в горах, ходили давно. На равнине, под Грозным немногочисленные по счастью танки и доставшаяся при развале империи артиллерия били по наступавшим силам вовсю, и в труднодоступных местах, по-видимому, у врага еще много чего осталось. Вот тебе разведка и спецоперации, машину ведь не спрячешь на чердак. Главное лишь бы не приметили их… Лежали, пока начали замерзать, но слышалось только переливчатое бормотание воды. Не хорониться же здесь до солнца, когда опасность может только возрасти. Парень словно пришел в себя, попробовал хромать самостоятельно, обняв командира за шею и мужественно терпя боль. Теперь пробирались сторожко, поминутно останавливаясь и напрягая слух, ближе к обочине вылезать не хотелось, а проклятые сучья трещали вокруг как пулемет. Стоило померещиться чему-либо, падали с замирающим сердцем в крапиву и лопухи, но тревога оказывалась ложной. Чуть успокоившись, пошагали ровнее, когда метров за сто вдруг взревел двигатель и свет прорезал листву. От страха Федорин рухнул, увлекая за собой бойца, который чуть не раздавил ему ребра об автоматное железо и рожки. Затащив его под сплетение веток, ткнулся рядом, боясь шевельнуться. Видимо, «гроб» стоял на какой-то поляне, развернувшись, сейчас вырулил к дороге и тронулся в обратный путь.

— Нас ищут… — прошептал у щеки Воронов.

— Откуда им знать про нас? Тш-ш…

С машины заметили движение или вправду преследовали какую-то цель, но БТР замер невдалеке, с него тяжело попрыгали вооруженные люди и пошли россыпью к зарослям, просвеченным мощными полушариями, которые повернули влево рукой. Мотор стих, различилась коротко местная речь; двое или трое не спеша направились к ним, хрустя мелким валежником. Федорин не успел выставить автомат, большой пользы при двух магазинах в нем и не было, и теперь боялся дохнуть. Чеченцы остановились, один сказал что-то, в ответ гоготнули и пустили веером несколько очередей в лес. Пули свистнули над самым затылком, присыпав Федорина веточками и листвой. Едва живой, с замиранием сердца он услышал звук обратных шагов, двигатель

заурчал, и бэтэр так же неторопливо покатил дальше, к своему тайному горному логову. Ночью «чехи» разъезжали здесь, как дома, никого явно не боясь.

Отлежав минут сорок, Федорин поднял голову и нащупал плечо бойца:

— Давай, Саня, ждать утра, а то вообще отсюда не выберемся. Открыто идти нельзя, сам видишь, а по темноте этой далеко не уползем. Дьявол знает, чего тут еще ждать, да и надо поспать как-то. Будем сторожить по очереди.

Парень молчал, борясь с одолевавшей болью. Оттащив его подальше и нарвав ощупью травы и прутьев на подстилку, Федорин свалил часть сверху и тоже заполз под копну. Устроились с Вороновым спина к спине, обняв автоматы, первую очередь лежачего караула назначил бойцу.

— Товарищ капитан, вставайте! — дежурный по роте склонился над командиром, светя фонариком в пол. На долгий стук в дверку ему никто не ответил.

Баранов всхрапнул. Пышный камуфляжный спальник был перекручен и закрывал его до груди.

— Вам сегодня на выезд, я уже всех поднял.

Уважительно растолкав наконец, младший сержант в пованивающих ваксой сапогах предложил:

— Я вам сейчас поесть принесу.

— Не надо, — с усилием ротный сел на шконке, опершись руками в края. Брось что-нибудь с собой, как войска будут готовы — крикни.

— Есть.

Пригнувшись, дежурный вышел из землянки наружу. Баранов рухнул назад.

Приспать и вообще отдохнуть не получилось. Стоило опасть напряжению, заныло натруженное, израненное и побитое тело, свело голодом в резях живот. Но главным бичом оказался неистовый, какой-то зимний холод, точно сам космос вакуумным языком касался этих чертовых земных наростов. Лесная сырость при мокрой драной одежде не позволяла угреться на пяток минут, подняв ворот и дыша себе за пазуху. Ненадолго забывшись, Федорин окончательно продрог и вынужден был вскочить, разминаться и едва не прыгать на месте. Воронова бил озноб, он тихо отчетливо стонал на одной ноте, откликаясь каждому импульсу в разорванных нервных волокнах при ударе сердца. Федорину пришлось почти лечь на него, чтобы как-то согреть, тереть ледяные пальцы своими черными

бесчувственными граблями. Ломал ветки, дергал крепкие стебли с комками земли, пытаясь засыпаться, укрыть их обоих или хотя бы несчастного парня, но не получалось, вскоре расшвырял псевдошалаш и опять трясся в пляске святого Витта. Ноги снова подкашивались, он падал на невольного сотоварища и виновника этих бедствий, проваливаясь в беспамятство и выныривая на поверхность кромешной промозглой тьмы…

Именно эта ночь, а не внезапная даже схватка, трехногое ковыляние по камням в ожидании выстрелов или приключение с БТРом запомнилась главным кошмаром. Теряя сознание, боец стих, и Федорин прикорнул на нем, вскинувшись с ужасом — задавил! Тряся его куклой, припал к запекшемуся горькому рту и вгонял собственное дыхание, пока не вернул к жизни, заставив издать наконец хриплый звук. Смертельно окоченев, Федорин пытался разжечь костер с помощью найденной у Воронова подтирной газеты. Влажная слипшаяся бумага не занималась, нагревшееся колесико зажигалки обожгло палец, он выронил огниво и еле нашел, обшарив на коленях всю землю около них. Собирал на ощупь ломкие сухие прутики, которые едва тлели и гасли один за другим, померцав рубиновыми точками, потом кончился газ. Примирившись с неизбежной кончиной, Федорин валялся, обняв бойца, дрожа и корчась, пока не обнаружил вдруг, что вокруг засерело. Когда различились ближние деревца и купы росистых папоротников, адским усилием, сгребшись на четвереньки и едва разогнувшись, встал, шатаясь и отчего-то заикав. Чувствуя внизу боль, трудно отлил в сторону и, не застегивая штанов, стал поднимать бойца.

Развернувшись под углом к выщербленному асфальту, бэтэры замерли в ряд на широкой обочине, переходившей за спиной в склон холма. До прибытия колонны оставался неопределенный бездеятельный срок. Разрешив войскам давить «сухарь» и греть чаи на паялках, имевшихся в каждой машине, или солярных костерках, Баранов сел в проем откинутой дверцы своего «коробкар». День только начинался, из темноватого нутра веяло бензиново-масляным теплом. Настроение у командира было паршивым.

По обычаю притопал зачуханный молодой солдат с кружкой чая поновее, без выщерблин, и банкой килек:

— Покушайте, товарищ капитан. Может, с нами захочете, второй взвод кашу греет?

В речи парень напирал на «г». Расторопные бойцы упромыслили, верно, бачок-другой вчерашних остатков с кухни. Каждый выживал здесь, как мог…

— Спасибо, рубай сам. Долго не рассиживайтесь, мало ли когда эти прибудут.

Организм принял с утра только ковшик ледяной воды, стоявшей в бадье у офицерской едальни. Дорожная тряска перебаламутила вчерашнюю дрянь, в самую пору было хлебнуть еще из фляги и прочистить канал где-нибудь в стороне способ верный, особенно если после влить горячего чифирку. Баранов избегал есть с бойцами на выездах, когда они сами делили на двоих-троих 325-граммовые жестянки, содержащие наполовину сок с жиром либо останки неведомых рыб, и по счету кусочки сахара, искрошенного в пути. Что за государство и армия, где солдаты, идя в бой, не могут вдоволь нажраться пусть бульбы, но сваренной нормально с мясом, а не вечного "перегноя"-сухпюре и кислой капусты, распаренных до непотребства? Почему не отследить, чтобы доходили по норме хотя бы эти несчастные консервы с требухой, сгущенка по банке в пасть ежедневно? Еще трендят что-то о профессиональных войсках, мировом уровне, беря в пример Штаты. За брошенного на погибель ратника, не говоря офицера, тамошний генерал расстался бы с местом, здесь же… Тьфу!

Одернулся — будто сам не виновен. Мог ведь, обязан был проследить за всем лично, став на час главным в батальоне. Первая заповедь, вдалбливаемая с училищ изустно и на практике — пересчитывай головы даже после минутного роспуска в сортир. Там, на месте, удалось бы что-нибудь организовать, тем более когда власть фактически принадлежала командирам ВВшных сил. А, чего теперь…

Поджидая «ленту», машины сопровождения занимали одну и ту же позицию в назначенном пункте, где трасса начинала плавный подъем к уступам передового хребта. Левее тянулась зеленка, чахлая рощица на продувном склоне. Настоящие заросли кучились ниже, в невидимой за перегибом ложбине, и раскидывались затем плащом на весь ближний отрожек. По другую сторону разбитой дороги начиналась равнина, бывшие колхозные поля, заросшие буйным сором. Кому она понадобилась, эта независимость и война, какие шири раньше запахивали, в селах стоят разбитые дворцы-особняки, народ здесь нормально жил… Бэтэры всякий раз обосновывались на проплешинах от собственных протекторов, многие сознавали опасность, но сменить установленный порядок все как-то не получалось. В конце концов мина рванула прямо под колесом, не пострадал никто только чудом. Полдня возились с машиной, держа колонну на солнце мишенью среди гор — каждый не имел права двигаться без другого, вытаскивать БТР пришлось на сцепке

малым ходом. Баранов с тех пор всякий раз менял стоянку на выположенном скате приткнувшегося к дороге бугра. Не нравилась ему также близость леса, но выбрать дислокацию по собственному усмотрению не дозволялось.

Отправленный с биноклем наверх дозор при появлении колонны давал знак и скакал вниз, чтобы усыпанные людьми «коробки» могли сразу пристроиться к ней на ходу, ибо постоянная задержка на одном и том же участке была только на руку врагу. Потянувшись вытереть о траву ботинок, к которому прилипла неизвестная дрянь, Баранов выпрямился, и в этот миг с горы за спиной бухнул громкий выстрел. Били в правый топливный бак командирской машины, стоявшей первой в ряду как на заказ, но что-то подвело целившего — выучка ли, твердость руки. Крупнокалиберная пуля «антиснайперской» винтовки, возрожденного ПТРа времен Отечественной с квадратным компенсатором на дульном срезе, прошила наискось как бумагу выше емкости броню. Не утратив силы, она снесла половину ершистого барановского черепа, не любившего каски. Впрочем, она бы здесь не помогла.

Открыв из всех башенных пулеметов огонь, бойцы атаковали проклятую высоту и обшарили ее, но ни лежки с примятой травой, ни гильзы не отыскали. Стрелявший, если только он в одиночку бегал с тяжелой дурой, шмальнул от края леса, раскинувшегося на пологом склоне цепи, и ушел в чащу, где его тоже пытались безуспешно искать. Близость вытянувшегося по дну котловины села, взрезанного надвое петляющей речкой, мало что доказывала. Вид оружия определили не сразу, по дыркам в броне да страшной ране, вмиг унесшей жизнь ротного. Откуда у «чехов» штуковина, бывшая редкостью даже в войсках, осталось также не выясненным.

Устав тащить бесчувственного солдата, Федорин решил наконец его оставить, не погибать же обоим, вернее даже парню — он был плох. Положив рядом «калаш» с полным рожком и гранату, забросал бойца ветками и двинул к не слишком крутому гребешку, который иначе долго пришлось бы огибать по дороге, шарясь на открытых местах, долина там сужалась. Где-то за ним грунтовка вливалась в основную артерию ущелья, по которой мчались вчера меж зеленых уступов и белых скал. С обрывчика на вершине, достигнутой последним усилием воли, открылась желанная перспектива: вот она, родимая, вьется серой мышиной полосой. Река блестела стальным изгибом, ни дать, ни взять — сабля. Оставили бы в покое к бесу эти горы с их бандитским народом, что не может сам в мире жить и не отдаст свободы,

разбередили рану на сто лет еще… Вниз съезжал обессилено, на заду, удалось — катился бы до самого асфальта. Припав к нему, распластался и лежал несколько блаженных минут, чувствуя себя почти спасенным. Здесь, в крупной долине, поднявшееся над снежными зубцами солнце уже источало первое тепло, согревая шершавый потрескавшийся гудрон. Ощутив, что сейчас уснет, заставил себя отползти в канаву и изготовился ждать, привалясь к автоматному прикладу.

Дорога оставалась пустой так долго, что Федорин собрался ковылять вниз, к равнине, когда с той стороны показался сине-белый ЗИЛ. Скрывшись в ложбине, он бодро вынырнул и покатил к его засаде. Федорин выскочил, держа наперевес АК, и заорал со всей мочи:

— Стой! Стой!

Водитель потрепанного грузовика, добродушный чеченец лет пятидесяти в кепке, побледнел и хотел обогнуть дикую фигуру без знаков принадлежности к каким-либо силам, не имея возможности быстро повернуть назад. Пули свистнули перед самым ветровым стеклом, и он резко сбросил газ, подняв над баранкой руки. Фигура рванула дверцу и ткнула стволом в живот:

— Едешь со мной, быстро, убью! Я «федерал», надо раненого привезти!

Не снимая пальца с крючка, чудище обогнуло капот и влезло в кабину. Влипший чечен молча тронул вперед, Федорин торопил:

— Живей, дед, просто отвезешь нас, благодарность-премия, только без глупостей, ладно? Сейчас повернем, на месте выйдешь со мной и поможешь донести человека, а там на ближайший пост. Не шути только, очень прошу, ты внуков любишь, а мне все равно уже, понял?

— Да, да, — успокаивал водитель, — убери от мине аутомат, нажимешь ведь…

Когда из кабины подъехавшего бочковоза выпал грязный, оборванный и пошатывающийся тип, ждавшие на подхвате солдаты не сразу поняли, кого это принесло в полк. Первым охнул случайно проходивший Зенкевич:

— Федорра, ты?! Ну и ну! Тебя ведь в пропавшие записали… Цел?

— Да.

— А Паляница умер.

— Мне по дороге сказали, жаль — мужик был.

— Тут со вчерашней гастролью столько дел, начальству месяц отплевываться — Паляница, раненые, ты вот… Ладно, доложись пока. Да, боец с тобой вроде был, где он?

— В госпитале.

…У солдат на блокпосту полезли глаза на лоб и руки потянулись к оружию, когда гражданский ЗИЛ с помятыми местными номерами подкатил к самым заграждениям, а из окна высунулась чумазая исцарапанная рожа. Однако поняли все быстро и отрядили раздолбанный УАЗ, домчавший их с Вороновым в ближайшую санчасть. По минимальной хирургической оснащенности тому оказали первую помощь и сплавили дальше, в госпиталь. Федорин побаивался, что хлопец умрет, но осмотревший его врач заверил: выкарабкается, разве что ногу в крайнем случае укоротят. Оптимист хренов…

Федорин от санобработки отказался, только умылся наскоро и поел. Не давая себе упасть, бросился искать связь с частью, но скорее оказалось прыгнуть в подвернувшийся «Урал», ехавший примерно туда, куда следовало. Провалившись в сон, очнулся далеко за нужной развилкой, о чудике в кузове позабыли, а на свое замызганное офицерство и соответствующее отношение он не напирал. Пришлось вернуться гражданской попуткой на проспанный блок, где старший подсадил его на бэтэр небольшой колонны, шедшей куда-то через «родное» село, дававшее полку воду. Примечательно, что его нигде не задерживали, даже не спрашивали документов, потерявших вид. От села собирался в худшем случае брести пешком, пополнив в дороге запас патронов, благо хоть этого добра у всех было завались, но удачно встретились свои. Батальон обеспечения жил несколько обособленно, солдаты знали лишь, что на боевом выходе спецназ попал в засаду, войска двинулись на выручку и бились до ночи, перемолотив кучу «чич», но погиб командир первого батальона и кто-то потерялся или отстал. Приваливаясь к ужавшемуся сержанту, Федорин заснул, не дослушав рассказ. Полная трухи и прочего мусора голова безбожно елозила по погону недавно стиранной куртки водовоза, от старлея несло потом, но младший командир бережно поддерживал его за плечи, поставив автомат рядом с собственным между ног.

Для начала Федорин нашел целесообразным разжиться головным убором и обмахнуть берцы, идя на доклад. У ротных палаток курил на снарядном ящике Сомов в синей больничной робе и тапочках, с рукой на перевязи. Его слегка зацепило при отходе, и он решил отдохнуть недельку "на кресте", но ввиду скуки, пользуясь дембельскими привилегиями, уже на следующий день пришел к своим. Перед ним стояли на вытяжку два молодых бойца, о чем-то сурово допрашиваемых. Увидев командира, осклабившийся Сомов встал, бросив горящую папиросу.

— Товарищ старший лейтенант! Выбрались, значит? Слава

Богу, а то мы не знали уже, что думать… Я Шалееву сразу доложил, как чего, дальше они там сами решали.

Сомов оправдывался для порядка, вины в его голосе не чувствовалось. Да и за что?

— Ничего, брось. Тут все в порядке?

— Какой там… — сержант посерьезнел. — Вчера товарища майора Паляницу ранили, так он до вертушки не дотянул, а сейчас, бойцы вот слышали, по рации передали: Баранов на выезде убит.

Вечером пьяный Федорин в стекольниковской землянке, убранной «трофейными» покрывалами и набитой прочим барахлом, плющил о стол кулак:

— Он из-за меня погиб, понимаете, вместо меня, пока я там по лесу бегал!..

Присутствующие большей частью молчали. В подробности федоринской истории не вникали, попал с группой в переплет, так на войне разное бывает. Паляница, мир его праху, с точки зрения командования тоже проявил самовольство, покрыв смертью и возможное взыскание, и награду, а с новой потерей тем более вряд ли станут копаться в том, что кончилось благополучно. Временный комбат-два, искушенный в службе, перехватил Федорина по дороге в штаб:

— Слушай, уже столько намешалось, ты им много не говори. Мы тут свели к тому, что приказов на своей горе не слышали, связь прервалась, Виктор как старший двинул батальон на поддержку этим терминаторам. Когда выбыл из строя, Баранов заступил на его место, потому что был рядом с ним. Ты с мобильной группой совершил обход с целью разведки и отвлечения противника от основных сил. Примерно так ведь и было, если не лезть глубоко. Их уже не вернешь, а Баран вчера сам орал, что это он тебя с заданием отправил… От подвига до выговора один шаг, главное, держись твердо и четко коротко доложи. Трепать особо не станут, им бы сейчас зад прикрыть, а потом за геройство еще висюльку какую срубишь. Проставимся кому надо, командирам выгодно эту хрень в битву народов раздуть, так что будешь еще ветераном…

Но Федорина избавили от каких-либо выворачиваний — оказалось не до него. Жив, и ладно, пиши рапорт на всякий случай да иди служи. Экспедицию за доспехами никто, естественно, отряжать не стал, предоставив самому решать вопрос хоть со старшиной, хоть с самим начслужбы вооружения. Не заикнись он — списали бы в потери, как все загнанное невесть куда имущество, ГСМ, технику, провизию и боеприпасы.

Утраченное числилось к тому же на Воронове, который в полк при нем вряд ли бы уже вернулся.

— Ты это оставь, — обнимал его толстой лапой поддатый Зенкевич, — то ж малая судьба, незнамая. Думали, ты погиб, а тебя как раз уберегло, Серега вроде оказался молодцом, а его под пулю вытащило.

— Малая? — тянул Федорин. — Малая, говоришь? А большая где?

Нежданно трезво Зенкевич ответил, сделав глазами вверх:

— Там, — и для ясности ткнул в потолок пальцем.

— В округе, что ли? Или в Москве?

— Сам ты в Москве… На небе, брат. Пошли спать, завтра ведь твоя рота сопровождает…

Уезжали домой в конце мая, по сроку, задерживать командированных не стали. Оказалось, что федоринские броник с каской, валявшиеся в бэтэре и не подписанные, за сутки его безвестного отсутствия кто-то доблестно спер. Пришлось черкнуть, что были приведены в негодность, буквально разорваны кучным попаданием осколков и пуль, вследствие чего брошены на месте для облегчения выхода из окружения и транспортировки раненого на себе. Обошлось даже без пузыря, обычного «стеклобатона» — видно, много чего списалось по ведомостям на ту операцию. Сопровождение вскоре сняли, район был признан опасным и маршрут сместили к северу, где на первую же колонну напали «духи» и сожгли грузовик. Бывшие выездные батальоны до конца федоринского пребывания маялись вялым бездельем, текущими нуждами и обеспечением полка. Наградные представления и вправду отправили в группировку, откуда благополучно ушли дальше: погибшим — ордена Мужества, ему "За боевые заслуги", в просторечии «ЗБЗ». Он пытался найти Воронова, но того отправили из полевого госпиталя во Владикавказ.

По возвращении желающим сразу дали краткосрочный отпуск. Когда сын, второй день пропускавший школу, умчал перед семейным завтраком в булочную, Федорин спросил жену:

— Я это… орал сегодня?

— Нет, бормотал только «зеленка», "в зеленку!", а потом сел, озирался вокруг, стену гладил. Приснилось что?

И ее Федорин, виновато покосившись, не смог врать:

— Да как дернуло, а ничего понять не могу — землянка чья-то богатая, ковры, мягко, рядом баба спит, а медсестер вчера не притаскивали вроде…

Уткнув лицо в кирпичную шею, жена разрыдалась. Молча

гладя ее волосы, собранные в простой хвост, Федорин глядел в окно и пытался ощутить себя наконец дома.

Рассказ основан на реальных событиях.

2001, 2003 гг.

Примечания

ВВ — внутренние войска МВД РФ

Разгрузка, разгрузник — разгрузочный жилет с отделениями и карманами для магазинов и боеприпасов

БТР — бронетранспортер

Хэбэ, х/б — куртка летнего форменного обмундирования из хлопчатобумажной ткани

ТТХ — тактико-технические характеристики

Подствольник — автоматный подствольный гранатомет

Ф-1 — ручная граната с радиусом поражения осколками до 200 м

ВОГ — выстрел с осколочной гранатой

ПТР — противотанковое ружье

Единственный чеченец

Бежит меж гор речка, принимая с каждым извивом все новые мелкие потоки. Там, где хребты распахиваются, открывая равнинную ширь, у отрогов вытянулось по берегам село. Названо оно, как и ущелье с опушенными зеленью кручами бортов, в честь стремительной бурной воды, пронзившей их живой ниткой. Имя громкое, прозвучавшее в обе войны не один раз.

Огненный бог взял здесь долю сполна, вдоль улиц зияли обугленные провалы окон, торчали зубчатые руины, словно обгрызенные стальным зверем. В уцелевших домах продолжали обитать люди, притерпевшиеся ко всему и уставшие безответно клясть судьбину. Кто-то выжил даже в жестоко разрушенном Грозном, если обошла пуля, не взял голод и мор, существовали дальше кое-как, по привычке, оттого, что теплится внутри искра наперекор всему.

По ущелью шла от села петляющая дорога, вдоль которой лепились аульцы в три дома. Убогие селенья война трепала меньше, разве что бомбили заодно да прилетали снаряды дальнобойных САУ. Жизнь там была совсем плохой, но в крае и так остались лишь не сумевшие уехать хоть куда-нибудь. Разбитые машины самых зажиточных на местном бензине с ядовито-сизым выхлопом циркулировали туда-обратно, доставляя в горы самое необходимое, остальные ходили по своим надобностям десятки километров пешком. Как теснина водный ток, сдавливал артерию у села пост, выдвинувший укрепления с рядами колючки в сторону белых зубцов. Где-то там, в лесах, скрывались террористы-боевики, члены незаконных вооруженных

формирований, партизаны, моджахеды, шахиды, бойцы сопротивления — словом, враг, которого следовало на равнину не допустить.

Никаких «духов» в смысле крупных организованных сил на самом деле тут давно не имелось. Дагестанский поход исламистов, по единодушному мнению жителей инспирированный большой властью, и оправданная им в глазах мира новая кампания подточили конфедератский актив. Идейные борцы пали в авангарде, свирепые закаленные воины легли в нескончаемых битвах с империалистами и друг другом, молодая дикая поросль, знавшая на коротком веку только чуму да разор, стать достойной сменой не могла. Просто не успевала выковаться. Со всех концов страны, из целинных степей и нефтяного Прикамья больше не текли рекой соплеменники исполнить священный долг, как в 95-м. Тогда мужчины бросали дом, семью, работу-бизнес и отправляясь защищать родину от новых ермоловых. Трех лет свободы в местном исполнении хватило за глаза, из незаможней республики отбыли в анафемскую метрополию все, кто смог. Загнанные в каменные щели со стрелковым оружием группы серьезно противостоять армии не могли и отсиживались в лесных схронах, вредя посильно. На зиму они уходили к соседям за хребет или рассредоточивались на оккупированной территории под видом рядовых граждан. Началась затяжная партизанская борьба, против которой бессилен любой агрессор, не решающийся на единственно средство — истребить народ целиком. Все стоявшие на постах, мерзшие и мокнувшие в окопах понимали, что надо рубить под корень или бросать камедь, выверты с самоуправлением под верховной дланью, что до хорошего снова не доведут. Но решали не они, тем же, в чьих руках находились миллионы судеб, на мнение низов было абсолютно плевать.

Посему федеральные колонны (термины военного новояза быстро укоренялись в среде тех, кто по сути являлся не менее федералом — МЧС, милиции, прочих служак и штатских, посланных либо добровольно отправившихся в мятежную республику) редко ходили за шлагбаум поста ввиду отсутствии практического смысла. Выдвигались иногда для проформы, когда отрабатывающая свой хлеб и звезды начальству авиация "отмечала скопления боевиков", а также фейсы либо военная разведка получали оперативную информацию с равной точностью целеуказания. Зеленый квадрат километровки с лепящимися друг к другу горизонталями можно обшаривать день и два, не найдя целую банду, забившуюся в какую-нибудь дыру, а обычнее рассосавшуюся до подхода наземных сил. Мыслители, далекие от

здешних дел, неизменно возмущались: неужели трудно заполонить войсками гнилое пятнышко на огромной территории, прочесать каждый овраг, каждый хлев в последнем ауле и раздавить, выжечь, истребить наконец заразу? Увы диванным стратегам; горы столетиями бесстрастно взирают на суету очередных покорителей у их стоп. Вздымающиеся ряд за рядом кряжи не взять под контроль, военно-государственный механизм просто разрушится в попытке такой концентрации. Естественные трудности препятствуют даже полному оцеплению священного рубежа, змеящегося по снежным пиками и неприступным громадам хребтов, у пограничников нет и не будет нужных сил. Пришлось бы согнать воинскую массу без остатка, призвав резервистов и набрав ополчение, чтобы составить заветную единую цепь, где всякий касается соседа плечом. А на всякого потребуется еще трое сменяющих его на посту, пятеро кормящих, подвозящих необходимые припасы, возводящих разные сооружения и обеспечивающих в остальном, не считая крепкий тыл. Да пятнадцать командиров, если просчитать лестницу до конца вверх. Война — самое дорогое из царских удовольствий, за какую бы нефть она не велась…

Реальность допускала разгром крупных формирований противника с перекрытием основных коммуникаций, чтобы не шлялись совсем открыто, как в первую войну, разъезжая на боевой технике. Танковых армад не отмечалось и раньше, а толпы противника скрывались в тайных бункерах, грея лапы над костром и красуясь густыми бородами, только на лентах западных журналистов. Действительный враг тащил мимо бойцов тележку с пожитками, глазел на них из окон автобуса или от простреленных ворот, плелся в школу, открытую по случаю мирной жизни. Подрост сгоняли в один класс, от семи до восемнадцати, и во главе с учительницей все зубрили грамоту — за годы свободы выросло поколение, не умевшее читать. Как-то при независимости обходились.

Во все рытвины не посадишь солдат, к жителям поголовно не приставить сотрудника, лучше двух, чтобы пасли круглосуточно и неусыпно. Без того же выходила сущая ерунда, детские кошки-мышки. Операции в подчиненных районах носили формальный характер, участники активностью не отличались. Боевые в эту кампанию пока шли всем, но получить их тоже хотелось. Выехав, старались занять выгодную позицию и отстоять нужный срок под прикрытием брони, а если фартило, докладывали о результатах, не покидая расположений.

Пост на краю села обстреливался тем не менее регулярно. Из жилого сектора — никогда, но дистанции и скорость

исчезновения не оставляли сомнений в том, откуда брались вьетконговцы. Тревожили ночью, вечная тактика от Гиндукуша до Балкан: днем тихий селянин ковыряется в огороде, с темнотой достает оружие и выходит на тропу войны. Заставляли их, платили, мстили сами за что-то или срывали злость — черт разберет. До второго пришествия империи простой люд жил хоть с крышей над головой, а что русских с прочими резали на глазах, было не в счет, у каждого хата с краю. За время самочинности и двух бойнь, особенно последней, все сильно озверели. Стоявшие недалеко от поста мотострелки иногда заезжали купить чего-нибудь на импровизированных лотках вдоль трассы, заглядывали на блок. Между наемников, как шутя звали служащих по контракту, встречались бомбившие с первых залпов еще в тот раз. От рассказов продирал мороз: пленных только при начальстве с корреспондентами отвозили на фильтрацию, в Чернокозовы, обычно взятых с бою рвали на части, кромсали штыками, протыкали зад арматурой, обливали солярой и жгли, называя «гриль». Схваченных по подозрению, а то и просто так давили броней, забивали в пасть гранаты, размочить прикладами или дать просто очередь считалось милостью, почти гуманизмом.

— А что с нашими пацанами делали, знаешь? Так их и надо, уничтожить до последнего всех!

Что говорить о рядовых бойцах, как-то на пост заехал в качестве проверяющего худой дерганный майор (был и тут надзор, и рапорты-показатели, отчетность, даже смотр с песней собрались однажды устроить). Майор в берете, при двух рациях и куче оружия, оказался болтлив и нездоров на голову. С третьего слова начал рассказывать, не дождясь ответственного, про 89-й в Тбилиси, как из своей БМП расстрелял студенческое общежитие, откуда метнули бутылку с горючим. Правда, не попали, но он жал на спуск, пока не вышел запас, лишь тогда велел догонять колонну, а гусеницы уходящих машин секли и секли в темноте из брусчатки мостовой искры… Хотели судить, отстранили от должности, но подоспел Карабах, потом чурки вообще отделились. В первую войну командовал ротой спецназа, набирал в вертак бандитов, их пособников и допрашивал над землей: будешь говорить? Нет — пошел вниз, следующий! Если вопросы потом, так сами выбросились по дороге на базу, страшась бесед с комитетчиками и представителями ГРУ. Один раз доставил задержанных, начал колоть, получил информацию, а ему: почему вешали за руки на танковый ствол? Привязывали к ногам аккумулятор и совали в член провода? Бросил возить, за село и в ближайший ров, не было никого, точка. Но пришлось в итоге уйти из ВВ, достали, перекинулся по милицейской части. Ничего,

обезьяны эти его запомнят надолго…

— Слыхал? — обменивались впечатлениями бойцы. — Чертяка какой, войной ушибленный!

— А че, — дымил желтой ростовской «Примой» с фильтром другой, нормалек. Если б все до конца так действовали, порядок давно бы был.

— Какой тут порядок, сам посуди: захотели чичи своим племенем жить или тейпом, а им штырь в глотку по самое не хочу. Раз прибалты цивильные и без нефти, им позволили свалить, вся Эстония меньше этого района, у казахов-туркменов и то какая-то независимость, а ичкерам — жуй?

— А людей кто воровал, машины по всей России, баксы фальшивые шлепали и по всему Кавказу беспредел разводили? Ты их защищаешь, а как бошки резали и снимали кино, видел?

— Никого я не защищаю, хрена они мне, просто сколько наших в итоге погибло. А те, что жили тут раньше — дома оставили, превратились в бомжей… Стоит оно того? Всех дел было поставить настоящую границу, сами бы передохли, сгрызли друг друга и в конце концов запросились назад.

— Раз такой умный, чего ехал сюда?

Чего ехали все; в сводный отряд записывали не просто добровольцев, а лучших из них на руководительский взгляд. Желающих оказалось так много, что вокруг командировки плели интриги, ссорились, едва не совали начальству взяток. Восемьсот рублей в день не снились даже тем, кто занимался делами, большинство же пробавлялось охранной халтурой да мелким грабительством. Хотелось и овеяться славой, побывать на войне, пусть все знали, что простая милиция в настоящих боевых действиях не участвовала, даже когда они шли. Стратегам наверху точно известно, как нужно и что: армия ломает организованное сопротивление, дальше приходит черед "внутренних органов", земля-то своя, просто взбунтовавшаяся. Главное — четко распределить функции и поставить задачи, добиваясь их выполнения бичем приказов и взысканий что на фронте, что при окрашивании листвы в образцово-проказательный цвет. На деле получалось не совсем так, молотил «Град» девственно-пустые ущелья, а колонны попадали в клещи боевиков далеко от передовых позиций, в неразберихе части сражались друг с другом, но за то генералы ответственности уже не несли.

Операр, участковые, дознаватели и прочие инспекторы остро завидовали отъезжающим. Хотели бы многие, но для выполнения соответствующих задач брали только определенную службу. Это за бугром любого копа от Австралии до Аляски, стоит ему только

кивнуть «да», с почетом зашлют куда-нибудь в Скопье, где палят лишь дети из разноцветных пугачей. И будет он сниматься у единственного сгоревшего дома, торжественно объезжать с дозором солнечные улочки, лениво прикидывая цифры на счету. Военный механизм есть прежде всего порядок, организованность, план. На постах должны стоять постовые, и поедут те, кто пишет с тремя ошибками в двух словах и редко просыхает, но числится по нужному разряду и устраивает начальство. Жаждущие длинных рублей господа офицеры при всем опыте пусть заткнуться и с боевым рвением исполняют свои обязанности, которых никто не отменял! В том числе заменят младших товарищей, ежедневно патрулируя оголенную территорию. Операция «Вихрь-Антитеррор» идет по стране который год, а где показатели? Если где-нибудь в Певеке до сих пор не задержан хоть один террорист — значит, работаем плохо. С экстремизмом каждый должен бороться на своем месте и давать результат!

— На хрена я получал эти звезды? — сокрушались недавно вышедшие из патрульно-постовой…

Сводный отряд набирали из всех отделов района и непосредственно роты ППС. Постовую службу лихорадило реорганизацией уже долго: опамятовавшись вдруг, что в 80-х она была самостоятельно-целокупной, возродили для повышения эффективности отдельные подразделения при управлениях внутренних дел ротной численности, отобрав половину штатов с «земли». Вскоре пришла следующая волна гигантомании и укрупнений, постовых собрали в батальон с полной номенклатурой командования, которое за отсутствием помещений ютилось где придется, а рядовой состав получал оружие, как и прежде, в территориальных дежурных частях. Половина транспорта последних также отошла к батальону. Возникали анекдотические ситуации: люто эксплуатируемая отделенческая машина в очередной раз ломалась, ставилась на долгий ремонт, и дежурный-майор шел просить сержанта выполнить заявку. Тот недовольно отвечал — у нас свои задачи, шеф запретил помогать вам без приказа, и увешанный как елка автоматом, бронником, пистолем, каской и палкой участковый бежал на очередную квартирную драку сам…

Никакого интенсифицирования, аналогично хрущевским госхозам, не получилось. Отлов преступных элементов против ожидаемого не возрос, деятельность по-прежнему сводилась к ловле пьяных с лицами без прописки, уличных бабок-торговок, каковых исправно задерживалось требуемое число. Многократно увеличился только грабеж. Если вчера, сегодня, завтра, через месяц и даже год постовой является на один и тот же рынок,

знает всех обитателей, ручкается с главным хачом и заказывает меню на обед, он не станет давить купцов чрезвычайными поборами с целью набить карман прямо сейчас. Когда же он не знает, будет ли послан в наряд на другой конец «земли» или за провинность охранять вытрезвитель, пестовать дойную скотину ему ни к чему. Повторялась в миниатюре история смены Петром воевод (либо царями новейшего времени правительств): швырял мерзавцев из края в край, не давая прирасти к месту, ссылал и даже вешал, чтобы укротить мздоимство и воровство, а получал лишь челобитные от неблагодарного народа — оставь, государь, какого ни есть упыря, насосется да стихнет, инда от новых уж спасу нет. Верхи, впрочем, это заботило мало, система «прозрачна», известно все про всех, но пока не зарвался или попал под компанию, выдавай показатели да лишку не бузи.

Однако что-то наверху провернулось, службу опять велели преобразовать, из лучших верно побуждений. Сократив численность вновь до роты, половину людей слили обратно в территориальные подразделения, комбата услали на заслуженный отдых, как ни сопротивлялся почти обретший желанную вторую звезду алкаш-майор с четвертьвековым стажем. Заместители и даже бывшие ротные ушли кто куда; эту стадию пертурбаций и застала командировка в Чечню.

Быстро набранный сводный отряд на декаду загнали в учебный центр первоначальной подготовки, где для отправляемых на юг ввели особый спеццикл. Четверо мэнов в неуставной черной форме, как после выяснилось, просто бывших вэвэшников без всяких «наз», парили классификацией взрывчатых веществ, инженерных боеприпасов и самодельных устройств, требованиями безопасности при проверке зданий, улиц и мостов. За отсутствием персональных носимых армейских станций «Моторола», "Стандарт" и «Айком» изучали их технические данные, назначение и виды связи (радио, проводная и радиотелефонная). Бегали идиотами на виду скалящихся в окна слушателей-новичков и людей на дороге по заросшему пустырю, отрабатывали действия группой и в парах. Выбрасывали пальцами знаки глухонемых — понял, пошел, закат (отход) и восход (за родину!). После этого отряд повезли на медкомиссию, которую со скрипом преодолели без потерь. Наиболее распространенными у парней и молодых мужчин оказались сердечно-сосудистые неполадки и также печень. Ряду лиц назначили дополнительные обследования и за скромный гешефт, усиленный нажимом по каналам, признали годными в конце концов. Зато на психологической диагностике, которую пять товарищей не прошли даже с третьего раза, мымры уперлись

насмерть: олигофренов с имбецилами не допустим, зачем нам ответственность на себя брать. Испробованные методы оказались бессильны, начальство приказало сменить бойцов на кого-нибудь поприличней. Но командир отряда своей властью постановил: хлопцы, решайте до отъезда вопрос как хотите. Если уж совсем никак — хрен с ним, протащу вас на страх и риск, но если там чего накосорезите, я вам лично мозги прочищу вот чем! Кулаки у него были дай Боже.

Еще три недели отряд мариновался без дела. Не распускать же сформированное, утрамбованное, прошедшее все комиссии и учебы подразделение, которое без узды вмиг успеет разложиться, переболеть, взять краткосрочные отпуска по семейным обстоятельствам и залететь на уголовные дела. Пытались было возить за город на стрельбище, но выделявший транспорт шефский автопарк застонал — лимит бензина исчерпался в три дня, а бойцы расстреляли патроны на год вперед. Поскольку в милиции автоматов мало, ездили с четырьмя дребезжащими АКСУ, и пока тридцать рыл по разу прикладывались с пробно-зачетными, подходом к мишеням и возвращению на огневой рубеж, вылетал полный рабочий день. Чистить стволы никто не хотел, приходилось заставлять с матом. К тому же заслезили дожди, погода испортилась, и начальство велело проводить в ленинской комнате занятия, не раскрыв их суть — зубрить ли устав или теоретически отрабатывать строевые приемы. Возглавивший отряд комвзвод одного из отделов взялся за дело сам. Избрав класс службы при медвытрезвителе штаб-квартирой, он перенес туда «учебу» и поставил наконец дельную задачу: искать спонсоров. На приданном «козелке» объезжали всякую мелочь, бывшую под рукой низового состава, использовали личные связи чинов выше, собирая деньги на покупку снаряжения, амуниции и всякий провиант консервы, сгущенку, макароны, сахар, запаянную в вакуум колбасу, муку и спирт. Выясняли в ОМОНе и побывавших районах, что нужно в первую очередь и ценится больше всего. Закупали в магазине "Солдат удачи" разгрузники, кроссыр, майки-сетки на жару, ветрозащитные плащевые комбинезоны и куртки с подстежкой — два месяца большой срок, хоть и лето на дворе, колотун-бабай ночью достанет, если в горы зашлют.

Много продовольствия выжало из своих ленников руководство, грех плохо сказать, отмаксало для устройства на месте денег в общак. Сколько под благородный сбор "пацанам на войну" хапнули — божье дело, старшим в зад не глядят. Когда грузились на товарной платформе вокзала, люд дивился: бойцы правопорядка едут сражаться или барыги на юга? Набив оба своих

плацкартных вагона, списанных из подвижного состава и пользуемых для таких перевозок, отобрали у проводников ключи, заперли двери и тряслись до самого Моздока на ящиках, кучах и мешках, перебираясь через них под потолками. Надорвавшись грузить добро из поезда в КАМАЗы, из вертолета опять в грузовики, целым и невредимым доставили его наконец в назначенный пункт.

Командиром отряда нежданно был назначен майор Балинюк, перекинутый с месяц назад из дознавателей на среднепрестижную должность взводного в территориальный отдел. Щирый хохол происходил из военных, развал армии застал в небольшой части, откуда уволился и прибыл на жительство в крупный центр, резонно полагая, что возможностей там больше по сравнению с ридным винницким селом. Но абстрактные потенции оказалось реализовать труднее, чем думалось, и Балинюк вслед за многими отставниками обратил взор на милицейскую службу. Легко приобретая связи, он потерся в городском управлении и спустился "на землю", осознав, что там делать нечего — слишком много прочих. В верхах нужно быть начальством или при нем, а так у последнего околоточного больше власти и источников дохода, чем у какого-нибудь старшего инспектора штаба. Первым же вопросом в любом случае стояло жилье, снимать которое становилось все накладнее. Он быстро понял, что посулы стоят немного, надо занять должность, предусматривающую обеспечение площадью, и тогда искать рычаги. Не погнушавшись спуститься в участковые, Балинюк получил однокомнатную хибару за полтора года — редкий случай для сотрудника, пробивающего дорогу собственным лбом.

На ремонт и обустройство ушел еще год, после чего начался активный поиск доступа к руководящим постам. Не из одного лишь тщеславия, деятельной натуре было тесно внизу. Времена поменялись, все определял размер лопатника, а не звезд на плечах, хотя чаще они совпадают. Хозяйственный, склонный к коммерции Балинюк завел пару точек на рынке и соучаствовал пайщиком в маленьком кафе, но для богатыря это был не простор. Лакомым представлялось место главы участковых отдела, замначальника по службе, дающее в равной степени нужную власть и старт. Сколько он приложил усилий, организовал застолий и перетаскал даров к праздникам, дням рождений ответственных лиц, их жен и детей, неоднократно исполнял заветные обязанности, когда меняли очередного коновода, но — по усам текло, в рот не попадало. У других оказывалась сильнее рука либо в кресло плюхали своего человека, тащимого вверх, даже если тот рвением не отличался.

Не раз клял Балинюк безродность и порочную систему, пока не решил изменить стратегию и переориентироваться на процессуальные сферы, заняв дознавательский пост. Здесь ждало разочарование: по делам вроде хулиганств и вскрытых машин проходили отнюдь не жаждущие откупиться любой ценой бандиты и нуворишские сынки, нагрузка при той же зарплате оказалась неоправданно большой, а требования строже. Кроме того, дало знать себя отсутствие подготовки, за исключением краткого курса для офицеров запаса при аттестации. Хотя Балинюк поступил (и не за дешево) в юридический университет, как теперь именовалась высшая милицейская школа, первая же сессия выявила то, что он знал сам: отвлеченное правовое крючкотворство, будучи вещью нужной, совершенно не лезло в ум. Мысль его бойко работала в практическом направлении, а теория являлась областью чуждой.

Не оставалось другого, как искать новых путей. Взгляд его пал на вроде бы малопочетную, однако предоставляющую на деле ряд возможностей постовую службу. Заодно пригождались армейские навыки. Командующий бравыми хлопцами много чего держит в руках по части тех же рынков, уличной негоции и сторожевых халтур, опускаться до традиционной дани с подчиненных Балинюк не собирался. Так поступают лишь держиморды-хапуги, зрящие вперед не дальше одного дня. Достаточно того, что утверждение любого руководителя проходит через УСБ, которое копит информацию обо всех. Постовая служба, если проявить себя — прямая дорога в отделы охраны общественного порядка или профилактики и раскрытия преступлений (ОПиРП), в руках которых вся торговля района, связь с администрацией и структурами всякого плана. Работа там сулила заманчивые перспективы, со временем, обрастя контактами и заведя серьезное дело, с этого уровня можно было шагнуть и в главк. Мозолить зад в ОООПе рядовым инспектором до дембеля он не собирался, следовало расти, пенсия близилась неукоснительно. Из главы постовых вполне можно перескочить также в замначотдела, конечно, подняв, что требуется — дисциплину, показатели и прочую дребедень.

На вакантное место командира роты претендовали люди, имевшие больше заслуг, в частности срок профильной службы. И у них тоже были подвязки, зацепки и торпеды в верхах, но Балинюк привык к борьбе. Заручившись поддержкой нужных лиц, по крайней мере обещанием ее, он вернулся взводным в отдел, где начинал участковым. Так было просторней, хотя выходило двойное подчинение здешнему начальнику и тому же ООПу. Открытие чеченской эпопеи пришлось как нельзя кстати,

Балинюк твердо решил ехать, причем не меньше как возглавив отряд.

Это являлось необходимым по многим причинам, от карьеры до разового прихода требуемых бизнесом денег. Если твердо жать бойцов и ладить с начальством, можно будет сделать какую-нибудь боевую, не "песочно"-юбилейную награду, пригодится. Война-то показывает, кто чего стоит, но каждый вернувшийся с нее — герой, а уж тем более с висюлькой… Также он провидел, что рано или поздно всем «кавказцам» дадут ветеранство наподобие интернационалистов, некогда попавших в струю. Мало кто знает, что в тот же Афган посылали и милиционеров, шишки сидели в Кабуле советниками, простые как-то налаживали службу, таскались на операции и в рейды. Месяц-полтора, а льготы теперь до конца жизни. Прежде всего в открытии собственных предприятий, налогообложении, кроме того, с этим званием открывался вход в конторы бывших силовиков… Игра стоила свеч.

Словно нарочно вторым лицом после Балинюка, начштабом отряда ехал главный конкурент, замкомроты старший лейтенант Чайкин. Капитанская звезда светила ему вот-вот, стоило занять должный пост или выгнуться на звание ступенькой выше предусмотренного по штату. В обоих случаях командировка было просто необходима, хотя самым первым основатый и малость безбашенный старлей записался не потому. Судьба точно вела его за руку по войнам, благополучно вытаскивая из передряг. На он срочке попал за Пяндж, был ранен в ногу, после чуть не погиб, заблудившись с донесением в пустыне. Откинувшись, съездил в родное сельцо, обтерся неделю и двинул поступать в институт. На первом экзамене срезался при всех регалиях и заслугах — какой багаж у выпускника деревенской школы, где оценки ставили за мешок картошки, да после двух лет "горячей земли". Оставалось ехать домой или податься на какой-нибудь завод, из абитуриентской общаги выперли, и тут на вокзале попался бойкий представитель кадров, который наметанным взглядом отлавливал свежих дембелей. Временная прописка, койко-место и почетная мужественная служба неизменно брали верх над перспективой возврата в родные Малые Бугорки. Органы всегда страдали недобором, выручали только лимитчики, полноценного горожанина попробуй было замани…

Неделю спустя Чайкин уже ходил стажером при древнем старшине с прозвищем Карбофос. Тот оттоптал по улице тридцать лет и не хотел покидать службу — что делать дома? Через год он преставился от сердца, зайдя погреться зимой в пикет, и к Чайкину перешел его маршрут, владения и клиентура. Он

женился на передовичке кондитерской местной фабрики и получил комнату в старом фонде, где вскоре родилась дочка, а через пару лет треснула за несходством характеров семейная жизнь. К окончательному разводу подоспела демократия, южная кромка страны запылала, как синтетическая штора от недокуренного хапца. Поскольку держава еще числилась единой, на усмирение самостийников (на деле оказывавшихся везде бандитами и крикунами) отправляли внутренние войска и милицию. Последнюю в основном добровольно, тогда вправду стоило только пожелать.

Чайкин, ценимый за боевой опыт, подстегиваемый конъюнктурой и личными обстоятельствами, пустился в тяжкие. Последовательно сменив Фергану, Карабах, Сумгаит, Южную Осетию и ее северную родню, в Гудауту и Приднестровье ездил в отпуск, повоевать за деньги и отдохнуть. Вместо положенных 45 суток ухитрялся зависать на полгода, возвращался черный, веселый, гулял месяц-два, если не подхватывала очередная авантюра, немного болтался на службе до следующего набора и вновь убывал куда-нибудь. Между вояжами ухитрился добыть от исполкома новую площадь, хотя и через солидные «вложения». Не скрывал, что жил войной и привез из Армении как-то рюкзак денег, что было тьфу, летчики брали с ограниченным весом и спецура шмонала на посадке, сами авиаторы да генералы перли контейнеры бабок, золота и всякого барахла. Поводило то, что знаки быстро обесценивались, не хватало времени плотно накопить хрусты и вбить их с толком. "Много у меня тогда денег пропало", — сокрушался Чайкин, но не унывал. Комнату обменял на «брежневку», купил машину, снова женился и завел скромное дело. Войны как раз закончились, да и подустал — все, хватит.

В окружающей действительности тем временем многое преобразилось, резко сместились приоритеты. Если в первые годы его службы не всякий начальник мог позволить себе новые «жигули», а мечтой нижнего состава было нажраться даром портвейна, то теперь преуспевшие рассекали на «бомбах», лохи скрипели зубами, а все способные кинулись в бизнес. Под ним разумелись торговля, посредничество, решение вопросов, «крыши», разборки и прочее, что обозначиться и получиться урвать. Из простых служак шинкуют «капусту» прямо у станка разве что гаишники, к ним и не попасть в спаянные ряды, крутиться же народ заставляла жизнь: оклады после реформ звучали смешнее учительских, дворник и тот мог взять для уборки второй участок. С трудом верилось, что недавно сотрудник МВД уступал обеспеченностью только военным…

Мирный быт не давался Чайкину: сначала разбил машину,

долбанув «мерс» и попав на ремонт, коммерция забуксовала. Наделав долгов, вынужден был продать тачку и кров, чему яростно сопротивлялась жена, в ходе дрязг тоже ставшая бывшей. Видно, семья тоже была ему противопоказана, хотя женщин тянуло всегда как магнитом. Пришлось даже судиться за площадь, чуть не с бандосами трясти вмиг остервозившуюся экс-супругу, также нашедшую себе каких-то ребят. Жил у баб, на халтурах, случалось ночевать по столам в ленинской комнате и дежурках, пока не устроился как-то в маневренный фонд. И лишь карьера, смешная по нынешнему времени, шла в гору: из отделенного стал замкомвзводом, долго исполнял обязанности полного командира, покуда сверху не сказали поступай в любой колледж-технарь с юридическим факультетом, на крайняк хоть в кулинарный, для офицерского звания достаточно образования выше среднего, и становись на должность. Иначе так и сдохнешь прапорщиком, а человека мы найдем. Эх, были дураки, когда в «вышку» гнали пинками, заставляли идти по разнарядке, а народ отлынивал: еще чего, мозги сушить да тратить время. Теперь попробуй сунься без «зеленых», конкурс выше, чем в МГИМО… Набрав справок о своих «точках», через собеседование приткнулся на заочное в ментовскую среднюху и даже ходил на занятия, желая вынести что-то в отставку, когда пробьет час. Одинокая мамлейская звездочка обозначила его успешный рост, хотя чины в милиции сильно девальвировались и вообще значат меньше армейских. Конфирмация с некоторым нарушением правил, требовавших сначала все же полный диплом, нареканий не вызвала — работал он давно, авторитетом пользовался и службу, что называется, знал.

Первую чеченскую компанию Чайкин пропустил, хотя не по своей воле. С «земли» брали мало, о волонтерах речь вообще не шла, молотили ОМОН, СОБРовцы, отряд «Тайфун» управления наказаний, перешедшего в Минюст. Эти ездили, как на работу, гибло много, бойня шла без организации и порядка, противник систематически прорывался в тыл, окружал и брал в плен целые подразделения, уничтожал состав поголовно — бред борьбы с вооруженным населением, действующим по соображению и условиям, а не приказу. Однажды в район пришла долгожданная команда, определили состав и начали было готовиться, но тут мордатый генерал, умевший в основном рявкать и сжимать бульдожьи челюсти перед объективом, заключил с конфедератами мир. Бесчисленные жертвы зачеркнул взмах пера; далекий от политики Чайкин боевые дела понимал и принимал остро, зная, что такое ползать под обстрелом, тащить из подвалов горящих домов женщин с ребятишками, вырывать растерзанных

соотечественников из лап всяких мамедов, давить очаги ползучего сопротивления, а потом вдруг бросать все и мчаться на аэродром, оцепленный "национальной гвардией", грузиться в последний транспортник с последним бойцом оперотряда, потому что наверху принято решение. Знал он также не по газетам, что в Приднестровье войны генерал не выиграл, просто разделил стороны, одна из которых являлась союзной, посулив смести артиллерией любые позиции, с которых вспыхнет огонь. Что было сделать не мудрено, независимость же пророссийской республики отстояли местные силы, ополченцы, милиция и даже уголовные элементы, поддержанные негласно в самые трудные дни командным составом 14-й армии. Большинство этих офицеров велели затем уволить, не разобрав, что многих посмертно… А когда генерал впервые начал плевать тщательно прокуренным басом корявые фразы в микрофон, «румынские» и тираспольские войска уже понесли тяжкие потери, исчерпав порыв. Скороспелые президенты добазарились тихой сапой друг с другом, суетнувшиеся поимели долю, и все постепенно сползло в болото, где завязло навсегда.

Бабки на войне делать можно, пусть на каждом уровне свои. Это Чайкин знал и сказал первым, не спрашивая, а утверждая: «еду», с ним не спорили кому ж еще. Должность в отряде его интересовала мало, выше насест — больше ответственность, хотя по мере выяснения, что из руководителей никто ехать не рвется, первую роль все увереннее примерял на себя. Когда дошуршало, что в командиры пробирается Балинюк, стали ясны дальнейшие его цели. Стратегически Чайкин метил туда же, хотя ближние год-два мог вполне провести на роте, кто знает, не укрупнят ли ее опять. В батальоне он имел взвод и должен был вот-вот повыситься, но подразделение сократили, ненужных офицеров распихали кого куда, и ему стоило труда удержаться на месте, поскольку не хотелось идти в территориальное подчинение. Отдельная рота при райуправлении вольные птицы, разогнал бойцов по постам и занимайся чем хочешь, езди их проверяй. По правде говоря, охотнее всего Чайкин катался бы на УАЗике каким-нибудь начальником патрульного участка или старшим группы быстрого реагирования, имея дармовые колеса и время для личных дел. Но следовало расти, лишь тупари с алкашами довольствуются обиранием «черных» на рынке. Он налег на службу, в меру подкрутил гайки и стал замкомроты, когда освободилась должность — прежний зам, устав от неопределенности, перевелся куда-то. Руководство специально держало место командира вакантным, чтобы надеющиеся получить его усердствовали, а оно подстегивало их время от

времени обещанием "скоро решить вопрос".

Назначение Балинюка в отряд при наличии старшего по основной должности Чайкина являлось нарушением, но он бодаться не стал. Ехал тоже начальником, там будет видно. На месте все распределилось естественным образом: бывший участковый взял на себя обеспечение, налаживание связей и быт, Чайкин организацию службы, расстановку и боевую часть. Поначалу строжились с бойцами, даже устраивали во дворе вечернюю проверку, когда почти удачно пальнули ВОГом с холма, дуристику бросили. Здесь уяснялось быстро, что на одно место не стоит дважды ступать и в сортир лучше бегать пригнувшись, всякий раз новым путем. Балинюк, стремясь держать равновесие между фронтовым послаблением и дисциплиной, сказал:

— Хлопцы, задача у нас одна — вернуться целыми и невредимыми. Первый бог я, второй — Чайкин, на остальных вплоть до министра без команды внимания не обращать. Имейте голову, блюдите осторожность, на службе пьяных чтоб не было. Попадетесь с самодеятельностью — пеняйте на себя, а если чего нужно, подойди скажи.

Базой служила разгромленная консервная фабрика, стоявшая на окраине. Первый этаж пострадал мало, предыдущие обитатели вычистили сор, навесили двери, заложили кирпичом оконные проемы, установили буржуйки для обогрева и сложили на крыше наблюдательный пункт из мешков с песком, перекрытых шифером. К прибытию отряда наличествовал уже известный комфорт — нары, кровати, топчаны, раздобытые правдами и не только матрацы, одеяла, посуда, стулья, древний телевизор, приемник «Спидола» и прочие мелочи, создающие чувство обжитости и уют. С собой народ увозил только самое ценное и транспортабельное, не военные с их грузовиками, много ли утащишь в руках. Обиход поэтому доставался смене и приумножался ею в свой черед.

Разместились чин-чином — столовая, казарма, оружейка, где стояли ящики с боеприпасами и всякой пиротехникой; автомат, набитые магазины и гранаты у каждого всегда были под рукой. Имелось отдельное командирское помещение, оно же штаб, склад и кухня. Газ поступал с перебоями, баллоны старались приберечь и в хорошую погоду стряпали на улице, где стояла печка из кирпичей и чугунной плиты с конфорками. Готовила под приглядом старшины, вела хозяйство и стирала по просьбам крупное шмотье тетка Сергеевна с дочкой Таней девятнадцати лет. Раньше они жили в другом селе, неподалеку, совсем без родных. Первую войну как-то пересидели в подполе да по соседям-чеченцам, уцелел и дом, худо-бедно кормились с

огорода. Независимость перетерпели благодаря строгому, но справедливому мулло. Если для мечети не случалось имеющего должное образование и подготовку имама, старшим по культу избирался самый знающий из общины, который становился для односельчан главным и во внутренних делах. Поселок в первую кампанию разрушили мало, войска прошли в наступательном темпе, особо не безобразничая, ваххабиты затем массой не нагрянули, и мулло обычно защищал прибегавшую Сергеевну и две-три оставшихся неместных семьи от здешних стервецов и наезжих головорезов.

Когда заварилась новая беспощадная война, по сравнению с которой предыдущую называли «зарницей», кончился авторитет старейшин и вообще чья-либо власть. Татьяну изнасиловали молодые боевики, швырнули в подвал и кинули следом гранату, на счастье не взорвавшуюся. Сырую картофельную тьму прострочили очередями, а бросившуюся на них мать, забив прикладами и ногами, оставили у забора. Взять в доме было нечего, расстреляв последние стекла и утварь, воины ислама ушли.

Но женщины выжили, отлежавшись в районе, где МЧС наскоро восстановило больничку, и прибились к стоявшему тогда на посту сибирскому ОМОНу. Им обустроили лачужку позади фабричных строений, за дело мать и дочь взялись сами, не сидеть же просто так, кормились с общего стола. Бойцы решили сбрасываться им на жалованье в месяц по полтахе. Это были не деньги, командировочные и часть прочего довольствия платили вперед, с пустыми руками в Чечню никто не ехал, от пропуска машин тоже кой-какой доход поступал. Казна пайком обеспечивала, "гуманитарной помощи" отряды притаскивали с собой не один центнер, так что кроме водки да сигарет парни мало в чем нуждались. На месте царила страшная нищета, десять рублей являлись приличной суммой, в ходу был натуральный обмен. Войска сливали государственную соляру и бензин за домашние продукты, милиционеры обращали бросовую кильку, твердый белый комбижир и стройматериалы типа колючки и сетки рабицы в огненную воду, от которой случались временные умопомрачения, но без летальных исходов — "нам хоть пулемет, лишь бы с ног валило". У федералов на железную валюту, спирт, покупались левые гранаты, дымовухи, сигнальные ракеты, штык-ножи и удобные ранцы десантников (РД) из брезента. При особом желании можно было добыть «муху», огнемет, даже танк, если набирался соответствующий объем жидкости. Ходило много фальшивых денег, особенно баксов, неотличимых на глаз, поэтому «зелень» тут советовали не брать, даже по суперниз кому

курсу. Сергеевне негласно уговорились давать только чистые, «наши». Ежемесячное довольствие по здешним условиям выходило солидным, тем паче имелся какой ни есть стол и кров. Она копила средства, понимая, что по блокам век не прожить, когда-то придется ехать в Россию. Бойцы не жмотились, кидали из общака сотню-другую сверх — такое тетки пережили.

Горе сожгло их по-разному: старшая молчала в вечной безучастности, девчонка с искривленной пулей ногой могла вдруг дико захохотать, а через минуту биться в истерике. Не очень развитая по выпавшей доле, малопривлекательная, говорящая с акцентом, как сами чехи и все выросшие здесь, она от случившегося повредилась в уме. Само насилие повлияло на нее образом, противоположным обычному, жалко и примитивно, с проглядывающей болезненностью она заигрывала с хлопцами, отпугивая даже истосковавшихся и всеядных. По смене уехавшие передали, что с беднягой лучше не связываться, под мухой иные пробовали нарушить запрет и раскаивались: у Таньки начинались приступы, она стонала, тряслась, орала в голос, потом могла лишиться сознания или глубоко впиться грязными ногтями в лицо, выбежать неглиже на блок. К ней относились сочувственно, но брезгливо. После суток на посту в любую погоду и обстановку сил и желаний оставалось день ото дня все меньше.

Территорию фабрики некогда окружал бетонный заборчик, который подправили там-сям, заделав проломы цементными блоками и кирпичом, подняли ломами несколько рухнувших секций, натянули сверху колючку, повесили сигнализацию из консервных банок. Для охраны этого внешнего периметра учредили ночной пост, промежутки между строениями завалили чем придется, в том числе приставив жестяные-шиферные листы и укрыв внутренность больше от лишних глаз, чем пуль и осколков.

— Ну, у вас тут прямо форт, — одобрил какой-то проверяющий, — целый редут!

Двойное ограждение позволило оставить на первом этаже несколько окон, в боевых условиях их закладывают как прорехи в обороне и светомаскировке ночью. Следующую трудность представляло отсутствие стекол — там, где прошла война, они становятся дефицитом. Пару рам заполнили найденными кусками, дальше натянули пленку. Вечером окна плотно зашторивали и прикрывали сбитыми щитами, днем распахивали для свежести и освещения, которое являлось в основном первобытным — свечи, керосиновые лампы. Электричество в селе отсутствовало, ГЭС на речке взорвали еще в прошлый раз, а дотянуть с севера у новой старой власти рук пока не хватало. На

базе стоял ископаемый дизельный агрегат, но днем его мало включали из-за громового тарахтения, вони и частых поломок, запускали позже часа на три — подзарядить аккумуляторы раций, посмотреть телек бойцам. Чтобы пальнуть на звук движка чем-нибудь крупнее автомата, в темноте не требуется даже особенно целить. После заката курильщики во дворе и то садились на корточки, жались к стене, оптика приближает рубиновую точку огонька на километр, а ПНВ показывает возле губ светящийся шарик, словно во рту зажат фонарь. Бери чуть выше и шпарь… На одиночные выстрелы поверх голов отвечать скоро перестали, начинали войну лишь в случаях относительно серьезных. Ночью смена торчала за бетонными укреплениями, подремывая в очередь, благо в комендантский час изредка проезжал разве кто-нибудь свой, с оснащенными узкой прорезью нафарниками, отбрасывающими двойной млечный эллипс перед капотом. Остановившись, тотчас все гасили, подходивший для выяснения боец «светляком» тоже зря не махал.

Основную проблему устраиваемого в непростых условиях быта составляют всегда помывка и клозет. Плескаться летней порой можно было во дворе, благо за оградой не видать, с оправкой обстояло сложнее. Канализация в полном инженерном смысле отсутствовала на фабрике и раньше, имелся где-то отвод к речке или поглотительные резервуары, периодически опоражниваемые со сливом туда же. В углу забора стоял двухместный кирпичный сортир, загаженный до предела, с проломленной крышей. Глубокий выгребной коллектор под ним не был, к счастью, вскрыт случайным попаданием или злонамеренной «лимонкой», но ввиду переполненности дальнейшему использованию не подлежал. Первые обитатели блока сколотили дощатую будочку вроде тех, что стояли вокруг по огородам. Куркули позажиточней имели в домах санузлы, ванны с газовыми нагревателями, но сброс и там шел в ближайший овраг или закрытый колодец, внутрь которого опускались бетонные кольца, добывавшиеся с прокладки всяких коммуникаций. Объем засыпали щебнем или булыжником, собранным на берегу окатанным речным голышом. Вода фильтровалась в грунт через открытый низ колодца, нечистоты медленно оседали на заполнителе, рано или поздно заставляя чистить изобретение хитроумной народной мысли, но в зависимости от глубины его обычно хватало надолго. Строительство подобных сооружений даже в самом упрощенном виде бойцам улыбалось мало, хотя система как таковая для уроженцев разных нечерноземных деревень была не нова. Чеченцы тут вообще жили по-русски, с криницами, печками,

сеновалами и чердаками. Дальше в горах еще стояли плоскокрышие сакли на гигантских валунах, штукатуренные светлые башни с плитчатым навершием. Нижние сланцевины, выходящие за край венечной кладки, придавливались сверху новым рядом отступающих в центр камней, и так конструкция сужалась до проема, закрывавшегося последними двумя обломками, шлепнутыми книжкой на старый бесцементный раствор. Готовился он из песка с известью, полученной обжигом карбонатных пород, иногда выбранных средь того же самого руслового галечника-кругляша. Такой капитальный свод выводили веками на века, поглядеть издали — фанза на мощном столпе, только смотрели тут издавна друг на друга сквозь ружейный целик…

В ущельях с отхожим делом обстояло проще. На крутом склоне за усадьбой вкапывали стоймя пару длинных бревен, прибивали к торцам настил с дырой и кабинкой из жердей с тряпками-занавесками. Поверх клался толь, от дорожки трап с поперечными плашками против оскальзывания и даже ограждением по одну сторону, если конструкция получалась высокой. Сидеть в таком ласточкином гнезде было жутковато, ветер раскачивал его и шевелил «стены», доски отчаянно скрипели под ногой, от взгляда в дыру голова шла кругом… Зато никакой выгреб тут не требовался, система действовала автоматически в полном равновесии с природой.

Яму под хилое переносное строеньице приходилось рыть узкую, много ли выгребешь тогда в глубину. Лопатить грунт бойцы не чурались, все одно получалась та же армия, и труд вроде на себя, но не каждую же неделю толчок перетаскивать. Кроме того, бегать к нему за внутреннее ограждение с одним проходом оказывалось далековато, особенно ночью, неизменно обделывались углы и закоулки, а утвердить его внутри периметра было просто негде. Гальюн объект стратегический, он должен находиться в постоянном доступе и виде, иначе уборной станут окрестности, а у порога однажды найдешь растяжку с миной под нею. Просто бросят карбид, и то выйдет диверсия по масштабу последствий.

Балинюк, любивший основательность, вплотную занялся вопросом и решение, как всегда, в итоге нашел. Цеха фабрики имели достаточно обширные подвалы или заглубленный фундамент, где была свалена всякая дрянь, а поверху шли сплетения ржавых труб в клочьях стекловаты. Наиболее разрушенный корпусик и превратили в санузел. Для казны здесь строили в благословенные времена халтурно, лом с кувалдой практически без усилий брал цементный пол. Над отверстиями

даже выложили род приступочек из кирпичей типа вокзальных, дабы не пачкаться после неаккуратных товарищей, возвели перегородки из рухляди и подлатали крышу. Вышло на славу — защищено, просторно, никаких утренних очередей. Правда, ввиду близости скоро начало пованивать, но феканье Чайкин пресек:

— А вы куда ехали, на курорт к теще? Знаете, как в Афгане говорили, когда ходишь под себя сутки между духами и минным полем: лучше в дерьме лежать, чем стать им. Не нравится — вообще не…ите, я только за!

Дело мытья тоже наладили. Предшественники в одном из сарайчиков пробили внизу дыру, водрузив сверху бочку с краном, сколотили пару деревянных решеток на пол. Получился летний душ, а насчет бани-стирки каждый за себя, грей на улице водичку и таскай, сколько хошь. Балинюк силами матерившихся, но работавших бойцов реконструировал полоскальню в настоящий помывочный пункт. Внутри помещение разгородили, оставив меньшую площадь на душевую, в новой половине установили железную двухсотлитровку на буржуйку с дырчатым верхом, чтоб нагрев шел быстрее. К топке подвели пластиковый шланг, кончавшийся металлической трубкой-соплом. Есть газ — пали вволю, когда нет, берись за дрова. К печке насыпали горку камней, соорудили полкир, и народ мог париться, залив в достатке воду. Умельцы даже осуществили вылазку за березовыми и дубовыми вениками, просушили их, развесив на бечевках в казарме. Если ночью не вырубали газ, емкость грелась потихоньку всю ночь и утром можно было цивильно побриться, достойно осуществить прочий туалет. Хлопцы наряда время от времени навещали до рассвета баню, следя за напором топлива, чтоб потом она не взлетела на воздух от сигареты или чиркнувшего коробка.

По части водоснабжения блоку редкостно повезло. Действовавшая ранее местная гидросеть запитывалась из источников и артезианской скважины, пробуренной на закате крепкой власти в непосредственной близости от мануфактуры. По рассказам, фонтан бил метров на двадцать, после ослаб, был пленен трубой и заперт в распределительный узел, для которого соорудили бетонный колодец из тех самых колец, популярных у сельчан. Для равномерного поступления воду качали насосом, хватало на фабрику и весь конец села. Естественное давление земных пластов и ныне обеспечивало базе вполне приличную струю из загулины с вентилем посреди двора. Остальные изорванные фабричные коммуникации обрубили, и если отрядовцы закрывали на ночь свой кран, вода достигала ближних домов. Прочие вынуждены были рыть колодцы или возить на тачках ведра с бидонами из родников, преодолевших все оковы и снова выбившихся на поверхность в разных точках.

Чтобы не охранять распределительный узел от отравления, взрыва и отвода главным образом в чужие трубы, еще первый отряд завалил его камнями и грунтом, отпилив все прочие разводки. Сверху бросили здоровую плиту, под которую насовали гранат с выдернутыми чеками, присыпали землей, утрамбовали и честно воткнули табличку «Заминировано». Желающих ковырять холмик не нашлось.

В юго-восточном углу республики еще полыхала бойня, а по дорогам "свободной зоны" уже чередуясь стояли армейские, ВВшные и преобладавшие милицейские посты. На собственной территории наводят порядок соответствующие органы. Километрах в пяти от села располагалась мотострелковая часть, зарывшаяся в глину зимой чуть не до крыш палаток, с блиндажами и разными норами. В фанерных времянках роскошествовали далеко не все офицеры, а на вагончик или кунг машины с печкой мог рассчитывать разве что генерал. Федералов и всякий спецназ местные ненавидели гораздо сильнее простой милиции. Войска сражались тут уже второй раз и становились в пунктах временной дислокации среди голых полей, готовые по приказу двинуться дальше, терпя жару, холод, трудности армейско-полевого быта и постоянных операций. ОМОНы всей страны регулярно сменяли друг друга, разделяя всю тяжесть не входящих в их задачи полномасштабных боев и следующих затем чисток. Война ожесточает всех, и не вследствие шовинизма, положением вещей человек данной общности становился врагом, иногда пусть вынужденным, и тогда уже ты или тебя по закону борьбы, кровавой беспощадной схватки. Без грабежа на фронте тоже не обойтись, рисковавший жизнью солдат имеет вечное

право на трофей, сорокалетние мужики шли контрактниками не за тысячу «деревянных» в месяц. Офицеры не отставали от них, зная, что по возвращении к местам постоянной службы им вновь придется охранять чужие ларьки, толкать казенное имущество да тянуть со срочников мзду за поблажки. Кроме того, воину многого иначе просто не добыть, а начальство может приказать найти к вечеру что угодно, от метлы до пропавшего сто лет назад колеса, суля опустить ногами дедорв почки, и тогда хоть в плен убегай…

Милиция, являвшаяся вслед за прошедшим огненным валом, обращалась с населением не так жестко, соблюдала хоть какую-то законность, меньше свирепствовала на зачистках и постах. Кроме блоков, силами командированных охранялись стратегические объекты — газораспределительные станции, водокачки, при необходимости органы власти, школы и больницы. Задержанных не расстреливали, отвезя куда-нибудь в лес, передавали в соответствующие инстанции без особенных измывательств, не трогали ребятишек и баб, в нужных случаях с ментами легче было договориться. Под занавес сроков они держались снисходительно, хотя неуклонно взимали «подорожные» на отъезд.

В результате тот же отрядный пост обстреливали не в пример реже, чем ВВшный за другой оконечностью села, расположенный вроде бы куда безопаснее вдали от домов, на открытом почти месте. Его долбили еженощно из «мух» и граников, минные поля вокруг неведомым образом перекраивались обратно схемам, а поставленные вечером растяжки утром оказывались буквально под ногой. С окрестных холмов пощелкивал снайпер, в основном за дальностью безущербно, но заставляя сгибаться в три погибели, выйдя по нужде. Тем не менее за время стояния отряда злодей подбил-таки двух солдат, причем одного насмерть. Пробовали трясти село вместе с войсками и составом окрестных блоков, ясно же, что палил кто-то «свой» — ради счастья бахнуть из СВДухи по неверным вряд ли прибегут с гор, но безрезультатно. Ставили засады, разок устроили в сумерках гон, кончившийся тем, что молодой воин сорвал ржавую проволоку самопального устройства, благо успел рухнуть, поранило только бок. Инициативу запретили, есть плановые мероприятия соответствующего масштаба, а партизанщины — ни-ни.

Хоронясь, можно было привыкнуть и к снайперам, однако на командировку отряда выпала беда хуже — всенародные выборы в Думу. Любые подобные мероприятия и дома превращались в затяжной геморрой вроде кори, утвердится с третьей попытки президент — доспел какой-нибудь Совет Федерации, только победил в пятый раз действующий губернатор, а уже депутаты

муниципальных округов разворачивают борьбу с использованием грязнейших технологий. Каждые выборы значат как минимум месяц усиленного варианта несения службы, по двенадцать часов без выходных, хотя кому нужно их срывать на уровне квартального самоуправления, оставалось неясным. При обязательных двух-трех турах по низкой активности избирателей и чрезмерной кандидатов торжество демократии оборачивалось для стражей порядка сущим мученьем. Сверх того шли бесконечные операции (здесь название вспоминалось смешно), призванные обозначить бурную деятельность органов перед правительством и народом. С началом войны все многочисленные «Допинги» и «Криминалы» слились в бесконечный «Вихрь-Антитеррор», хлопцы по существу впервые за год толком отдохнули здесь, в Чечне, имея гарантированные свободные сутки после рабочих. И тут свалилась очередная показуха, которую из высших соображений край нужно было провести на отвоеванной территории, утверждая ее принадлежность стране.

"Духи" нежданно проявили свою отнюдь не патриотически-мстительную, а самую что ни на есть политическую сущность. Народам державы до фени любые предприятия государства, а моджахедам с чего-то вдруг до зарезу потребовалось сорвать несчастные выборы. Со всей очевидностью им спустили приказ точно так же, как это происходило на федеральной стороне сил, вследствие чего постовых отправили сторожить школу. Голосование, знаменуя возрождение общегосударственных начал, намечалось в образовательных заведениях, уцелевших либо спешно для того оборудуемых. Ко дню волеизъявления обещали подвезти дармовые праздничные наборы — печенье, сгущенка и банка шпрот, может быть, по килограмму муки в руки. В школе стоял опечатанный ящик с бюллетнями, как выражаются в служебно-административных кругах от Находки до Сунжи наряду с «кварталом» и «ложит», а также обтянутая кумачом урна. Военных нарядили охранять сельсовет.

Поставленный к школе, выходящей заросшим футбольным полем прямо на речной откос, пост обстреляли с противоположного берега в первую же ночь. В то же время огонь велся по администрации; с закатом не принято было спешить на выручку кому-то, ты отсидишься в укреплении, а выехавших для поддержки расстреляют или подобьют. Школа являлась достаточно уязвимой, к ней могли подобраться вдоль уреза мутного потока, закидать гранатами, обдолбить из «мух», прямая стрельба и то опасна даже за кирпичной стеной, если у противника найдется калибр 5,45. Легкая пуля непредсказуемо мечется, касаясь малейшей преграды, и тем хороша в населенных

пунктах — попав в любой проем, изрешечивает помещение внутри. Но парней вместе с державшими недалече оборону солдатами выручила предусмотрительность Балинюка, опиравшегося на искушенность Чайкина и собственный послужной опыт.

Взлелеянный еще суворовским училищем командир знал: если чего-то хочешь, делай или организуй сам. Казенная система не работает автоматически, хотя вроде должна. Конкретные люди обязаны выполнять определенные функции, но они всегда найдут оправдания, кивая на других исполнителей и сотни объективных причин. В командном механизме при мелкой придирчивости реальной ответственности нет, с этим постепенно смиряется каждый, начинает соответственно действовать и мало чешется о подчиненных — вывернутся, если захотят жить.

Закончив утренние дела, Балинюк садился в ветхий УАЗ, брал старшину и отбывал по делам. В чем они заключались, доподлинно никто не знал, рядовой состав устраивал обильный стол, парное мясо, созревающие фрукты и мелкие улучшения быта вроде новых одеял (б/ушных казенных спальников, подлежащих возврату на склад, большинство с собой не захватило). Куда при этом девались положняковые тушняк и рыба, которые можно было коллективно продать, почему не выдавались деньги, отслюнявленные дома руководством на подпитку, спрашивать не решались — все-таки командир, разве что по пьяни. Чайкин скрипел зубами, но от конфликтов воздерживался, блюдя негласный раздел сфер влияния и полномочий. Все равно полноценно заменить другого ни один бы не смог. Еще Балинюк обладал удивительным чутьем на начальство и к серьезным проверкам ни разу не опоздал. Кроме них двоих, из офицеров имелся командир взвода, состоявший на той же должности в роте, по отрядной малочисленностью принявший и обязанности зампотыла. Эта деятельность в паре со старшиной поглощала его целиком наряду с запоями, он ни во что не лез, непосредственно распоряжались бойцами два отделенных, назначенные из самых бугров.

Лояльный в служебных делах начштаб подсказал Балинюку то, о чем бывший ракетчик и сам подумывал: для безопасности необходим контакт с обладающими боевой силой федералами, в первую очередь ближайшей артчастью, условие коего есть живая связь. Ветераны первой кампании единодушно утверждали, что она была проклятьем той войны — даже родственные подразделения имели частоты и устаревшие станции разных типов. В результате невозможно было вызвать на помощь соседей, взаимодействие практически отсутствовало, царили путаница и

хаос с частыми сражениями между собой, а неприятель преспокойно слушал все переговоры, имея сканирующие устройства. И Балинюк вскоре по приезде убил враз двух зайцев, съездив к ближним пушкарям — наладил дружбу и выменял на спирт здоровое армейское радио, тут же списанное в разряд потерь. Статья "не подлежит восстановлению" многое позволяла пускать налево в условиях войны, хотя и здесь имелись лимиты. Ведающие материальными резервами лица активно пользовались ею, а личный состав после настоящих боев неизменно латал изношенную пробитую технику, героическими усилиями возвращал разному оборудованию жизнь и сшивал проволокой расколотые приклады АК.

Защитного цвета ящик с ручкой-кричалкой и наушниками поставили у связных, закинув наверх антенну, стало доступным развлечение следить за некодированным обменном военных до самой Ханкалы. Служила машинка неоценимо: стоило боевикам затеять пальбу, отряд выходил на полк, имевший дивизион артиллерии, и те редко отказывались дать залп-другой, пристреливая заодно точки вокруг села. Так пресекли в корне несколько серьезных вылазок, однако бухать по окрестностям населенных пунктов без крайней надобности уже запрещалось, рядовое «пиф-паф» велено было отражать собственными силами, при отсутствии потерь и разрушений просто пережидая в укрытиях. При возможности экс-канонир Балинюк втаскивал станцию на вышку, где хватало для работы ее длинного уса, гнувшегося в кольцо, и давал целеуказания минометчикам, корректируя стрельбу. Поднапрягшись, тряс стариной и кричал цифры для наводки, удовлетворенно крякая, если координата попадания сходилась с расчетной. Кончив обработку, его хвалили в эфир со льстинкой:

— Добре числишь, атаман, глаз-алмаз, дальномерище. Переходи к нам!

— Чего я у вас не видал, сыт по горло, — отвечал командир, умасленный тем, что еще порох есть.

— Тогда заезжай, — вояки знали, что с пустыми руками визит не бывает.

— Заеду. Готовьтесь, як положено… Конец связи!

Сроков и дат тут открыто не назначали — поймаешь на пути фугас или «муху» в борт, не по цифровой же таблице разговаривать. Да и расхожие эти шифры враг наверняка знал.

Первая атака экстремистов, посягавших на основы конституционного строя, права и свободы граждан была также отбита с помощью бомбардиров, провизорски уложивших три крупных мины на незастроенный левый берег, куда сбрасывался

мусор. Не ожидавший такого отпора враг ретировался, кусаясь издали мелкими очередями. До утра экстренных ситуаций больше не возникало, хотя стало ясно, что ягодки впереди.

Обстрелы продолжились еженощно. На два дня к школе приставили БТР внутренних войск, затем почему-то сняли. Планировалось усилить посты федеральным составом непосредственно с ночи перед голосованием, а пока чертов сундук с бумагами охраняли пять человек. Выделить больше не представилось возможным, ибо пропускной режим на блоке никто не отменял, как раз приказали устрожить, на дорогу и так были поставлены все — командир взвода, старшина, приданный отряду управлением автохозяйства группировки водитель и даже последний резерв, связист. Зная либо предвидя концентрацию сил и повышенную боеготовность перед самыми выборами, «духи» устроили шоу сутками раньше, в глухую пору четвертого часа утра, когда мозг опутан сонливостью, а ночь кажется прошедшей. Они ударили по школе разом с двух сторон, таки пробравшись вдоль реки и впервые решившись палить из жилого сектора. В то же время был атакован сельсовет и обстреляны все окраинные посты.

Полуголые бойцы, набрасывая разгрузки и передергивая затворы, выскакивали из казармы, сталкиваясь и матерясь в темноте, разбегались по местам. Битюг-прапорщик по кличке Бэтмэн, дома первый мздоимец и пьяница, молодецки выпустил ленту из вверенного ПК и орал с вышки:

— Второй номер, твою мать, патроны!

На каждой огневой точке следовало иметься запас, как бывает в окопах и гнездах настоящей войны, но здесь оставленное без присмотра оказалось бы тут же проданным или выброшенным неизвестно куда. Номер два где-то гремел жестью, чертыхаясь:

— Пи…ры, что за падла коробки убрала?!

Балинюк пытался доложить обстановку в комендатуру и райотдел по стандартному милицейскому «Сапфиру», какой ставился в машинах и дежурных частях, но эфир был забит на боевом и резервном каналах ввиду начавшейся кутерьмы. Как всегда, подпакостивали союзные чешские полицаи или «духи», слушающие частоту, если они не совпадали в одном лице — зажимали тангетку передачи, создавая воющий фон, либо для разнообразия поливали старших братьев грязью. Усадив в закуток связи для подвернувшегося бойца, он привычно забросил на плечо ремни зеленого ящика и полез наверх. В бою важен не лишний ствол, а твердое общее руководство.

Чайкину на случай нештатных ситуаций поручался школьный пост. При ночной заварухе сторонняя помощь вряд ли придет,

выкручивайся как сможешь. Заранее была определена группа из пяти человек с гранатометчиком и солидным боезапасом, дополнительные магазины собрали по всему отряду и прикупили у вояк. Патронные ящики и вскрытые цинки стояли наготове в школе, при интенсивной стрельбе главная заминка — набивать рожки, опустошаемые в секунду, потому их хорошо иметь снаряженными побольше. Пулеметчик вынужден был экономить ленты по вечному их недостатку, под огнем «маслят» в тугие гнезда судорожными руками просто не загонишь, к тому же полосы обычно состоят из кусков, сцепляемых очередным патроном для стрельбы на ходу израсходованный отрезок летит прочь, не мешая продвижению. Держа связь со школой по малой рации на «внутренней» волне, начштаб выступил на выручку к хлопцам.

Собрать группу в требуемые минуты, как и следовало ожидать, среди бедлама не удалось. Пришлось схватить из обороны для комплекта ближних двух воинов, благо вещмешки с запасом стояли под известными койками и у самого Чайкина всегда ждала наготове эрдэха — патронная россыпь, гранаты, пара толовых шашек с детонаторами и огнепроводный шнур. ВОГи он таскал в кармашках тяжеленного пояса, напоминавшего охотничий патронташ.

Удержав получившего наконец свои коробки пулеметчика за лапу, чтобы не грохотал, Балинюк вышел на связь с федералами. Одновременно ему приходилось слушать еще два канала, местный и боевой, поскольку отсутствие лишних станций препятствовало иметь на каждый свою. Пуль он не страшился, даже взвизгнувших прямо над головой, хотя пригибался за бревна обкладки гнезда. Есть много вещей серьезней летучих железок, например — избежать потерь в отряде, которые зачеркнут все его чаяния и труды, да и здешняя война уже являлась игрой наполовину, ее можно было во многом просчитать. Докричавшись ответа "Слышу тебя, «Астрахань», слышу!", начал излагать диспозицию с расстановкой сил.

Чайкин с группой, разбившейся по сторонам дороги, пробирался к школе заранее разведанными проулками. В одном месте проскочили напрямик для скорости чей-то огород. Последнюю боковую улицу форсировали уже под огнем, случайная очередь хлестнула стены домов или их обнаружили, но пришлось выдать себя ответкой. Местонахождения Чайкин в эфир не объявлял, сообщил только: "Держитесь, держитесь, уже "перрон"!", что означало "скоро буду, готовьтесь". Приблизившись вплотную, следовало пустить зеленую ракету — "я свой" и обозначиться голосом, как он знал по опыту, ибо условный знак

может тотчас перебить разноцветным залпом противник или не пойми кто, в ночном бою пучки осветительных и сигнальных зарядов вечно расчерчивают по-рожденственски небосвод. На деле вышло не совсем по тактическим наставлениям, парни отчаянно палили с крыши, крик терялся среди грохота, поэтому Чайкин расшифровался в эфир:

— Прекратить огонь, там-тарам, нас полоржите! Сказано ведь — «перрон»!

— Так давайте скорей, тарарам, нас окружают!..

Последний бросок от угла крайнего дома к школе, открытой со всех сторон, был наиболее опасен. По зданию били с двух или трех сторон прицельным очередями, бухали подствольники. Велев прикрыть его во что бы то ни стало, Чайкин бросился на прорыв. Коротким бегом от канавы к деревцу, от деревца к ограде, будь неладна, преодолел часть дистанции и залег, отвлекая огонь на себя. Когда подтянулись остальные, поползли к белеющей силикатным кирпичом школе, раздирая ладони и штаны о хлам с камнями, усеивающий грунт вокруг. Здесь, со стороны пустыря, имелся боковой вход, и Чайкин орал в рацию:

— Открывайте пожарную дверь, мы рядом!

— Не могу, заперта, — вопил чумной командир первого отделения по кличке Годзилла, являвшийся старшим поста. — Идите через главную лестницу, там свободно!

Огибать здание и всползать на широкие ступеньки крыльца было все равно, что лезть в поднятое метра на два от земли окно. Распластавшись листом, Чайкин ревел недотепе:

— Идиот, сломай, выбей — мы на поле лежим, по нам в упор…чат!

— Да завалили же специально! Бегите к тому ходу или в окошко вот, я сейчас раму отобью…

— Гаденыш, — было ясно, что Чайкин убьет дурака, если доберется, освободи дверь или я взорву ее на хрен вместе с тобой, а в окно сейчас гранату кину! Шевелись, долбогреб, из-за тебя погибнем!

Рассредоточившись, бойцы кое-как укрылись вдоль стен и слышали, что за обитой железом дверью началась возня. Вскоре замок изнутри прострелили, шугнув хоронившихся вблизи, и наконец заветный прямоугольник со скрипом приотворился. Друг за другом, на карачках и ползком все протиснулись внутрь и спешно закрыли вновь, привалив назад бревна, старые покрышки, какую-то чугунку и мешки с песком.

Тем временем Балинюк дал наводку минометчикам, и первые «рыбы» с воем обрушились на заросли и брошенное поле юго-восточнее поста. Затем прилетел артиллерийский снаряд, лег так

близко, что фабричные постройки дрогнули, стрельба прервалась с обеих сторон, а командир с Бэтмэном чуть не кувыркнулись вниз. Оглохший Балинюк забасил кружку микрофона, держа наушник в горсти:

— Хорош, хорош, снесете нас к бабушке! Отбой, скоро понадобится обработать другой квадрат, только чистенько, как в аптеке!

И он взялся за малую рацию, вызывая школу на связь. Ответил Чайкин слава Богу, значит, дошли, наступила пора бомбить тамошние окрестности. Не жалея домов, раз допустили боевиков в село, только здесь отдать команду должен был уже с места начштаб.

Ситуация вокруг чертова изберпункта между тем осложнялась. Не удержав подкрепления защитникам, в преддверии рассвета моджахеды решили идти на приступ. Усилив обстрел, они начали подбираться к зданию, бухнула «муха», к счастью, перелетавшая цель и рванувшая где-то на задах. Пули стучали по стенам, точно косой дождь, ВОГ ткнулся в рубероидную крышу и ранил осколками бойца, пришлось спуститься на второй этаж, обзор сузился, часть проемов вместо стекла была забрана полиэтиленом и фанерой. Так и возьмут штурмом, если бывалые вояки, подползут вплотную и закидают гранатами, подожгут, выкурят, когда под ногами враг, на долго верхотуре не усидишь. Оставалось крайнее средство: просить на себя залп. Укрывшись в простенке, Чайкин стал вызывать отряд.

Артиллеристам поставили трудную задачу — работать по неразведанной цели, руководствуясь указаниями из вторых рук, ибо начштаб мало смыслил в баллистической премудрости, способный давать разве что перелет-недолет. Балинюк вовремя догадался разжиться у коллег дубликатом карты-пятисотметровки во избежание ошибок и разночтений, а им вручил копию добытого в комендатуре стройплана села 80-х годов (свежее не нашлось). Требовалось положить заряды вокруг здания практически в жилмассиве, по возможности не тронув обоих, что все же превышало возможности расчетов, укомплектованных срочниками. На пробу выпустили мину, поднявшую столб воды в реке, следующая зажгла чей-то сарай поблизости — дьявол с ним, главное отбить врага. Третья выщербила угол школы и лишила фасад последних стекол. Чайкин запросил прекратить огонь, прямое попадание накрыло бы всех разом. «Духам» сюрприз не понравился, они подали назад. По-видимому, цель состояла больше в шуме, чем уничтожении выборного участка, класть упрямо головы за штемпелеванные бумажки они вряд ли собирались. Воздух

начинал сереть, а следовало еще рассредоточиться либо уйти из села, грядущий день мог принести ответные карательные действия, тотальную зачистку. Стрельба ослабла, уходя за ближние дома. Положив раскаленный автомат, Чайкин спросил отделенного:

— Слышь, а где тут эта документация?

— В директорском кабинете, — пришедший в себя Годзилла набивал у стены рожок.

— Там сейф или как? Шибко тяжелый?

— Да ящик железный с замком, печать сургучная, просто тьфу!

— Найдешь в темноте дверь? Пошли.

На корточках они пробрались к нужному кабинету, Чайкин молниеносно подпрыгнул, вышиб ногой дверь, настолько хлипкую, что она сорвалась с петель, и пауком сиганул внутрь. Пришлось все-таки достать узкий «гинекологический» фонарик, торчавший из кармана разгрузки большой, облитый резиной против ударов, был опасен. В углу стояла красная урна, а сам ящик, почему-то представлявшийся торжественно водруженным на стол, отыскался в шкафу под старым плащом и истоптанными заскорузлыми ботинками. Видно, директор хранил в кабинете обувь на дождь и грязь, и была она у него не ахти… Пошарив, нашли пыльный дерюжный мешок, в военный «сидор» и тем паче заплечную мародерку ящик просто бы не влез.

— Поднимай народ, — приказал Чайкин запыхавшемуся младшему командиру, — пойдем на сельсовет, гори оно все. Брать только личный скарб, самое необходимое. Думаю, прорвемся.

— Какого хрена? Задница самая прошла, чехи сваливают, а мы вылезем под остатнюю пулю?

— Ни черта не мыслишь, правильно гоблином зовут. Считать-то на ход-два вперед надо… Охота вам еще сутки за эту дрянь воевать? Я уйду, а ты останешься. Уверен, что больше подарков не будет, а они дружно проголосуют за день и вас уберут? Здание повреждено в ходе обстрела? Да. Ввиду превосходства противника, их до двадцати стволов было по огню, ясно, удержать пункт не представилось возможным. Есть опасность уничтожения хрени, которую мы должны беречь как зеницу ока. Я принял решение отступить на новый рубеж, гребанный ящик мы сберегли. А выбирают пусть хоть у нас на блоке, поставим мусорную урну, и кидай туда свои бюллетни!..

Накопившись снова у малого выхода, при тонком луче фонарика раскидали хлам и приготовились к броску. Ящик в мешке был поручен отделенному за физическую силу и

промедление с дверьми, наряд пер рюкзаки с добром и торбы спальников. Гранаты Чайкин раздал, целые патронные ящики сложили в коридоре первого этажа, куда он отбежал напоследок, объявив секундную готовность.

— Давай! — заорал, вернувшись, и толкнул первого бойца в дверь.

Один за другим вылетели из здания без стрельбы, пригибаясь. Чайкин жестко гнал:

— Скорей, коровы, рванет сейчас!

Задержавшись, он бросил две «лимонки» в окно, переждал ничком взрыв и кинулся вслед за парнями. Когда они достигли ближних домов, сзади грохнуло, внутри школы полыхнул огонь.

— "Астрахань", "Астрахань", — поднес Чайкин рацию ко рту, — нас сильно жмут, передай — пусть сыпанут в «букварь», а мы попытаемся уйти на «Флажок». "Кузнечикам" сообщи, чтоб встретили нормально. Как понял, прием?

— Понял, понял, — гудел Балинюк сквозь треск эфира. — Организуем, берегитесь там!

— Без тебя не знаю… — Чайкин сунул рацию в кармашек у плеча. — Ну, полный ход, сейчас веселье начнется!

Вскоре действительно раздался первый душераздирающий вой, и за спиной в опасной близости шлепнулась мина. Пришлось даже залечь, но Чайкин быстро поднял хлопцев:

— Бежим, снайперы хреновы издырявят в дуршлаг, а нам как раз под музыку смыться!..

Администрация находилась в центре, несколькими кварталами дальше по прямой, точнее наискось. Выписывая петли по кривым улицам, шли около сорока минут. Откуда-то постреливали, в районе совета трещало кучнее. Поскольку оборона в любом случае бывает круговой, на подходе Чайкин пустил зеленую ракету, семафорить по правилам сперва красной "прекратить огонь" не имелось запаса. Да и кто в бою смотрит на сигналы, почему дальше прибег к самому верному способу:

— Эй, братва! Мы «астраханские» со школы, вас должны были предупредить. Я сейчас выйду один, не завалите!

Почти в рост он перебежал открытое пространство до мешков с песком и свалился за них.

— Здорорво! Ну, теперь встречайте моих — пацаны, сюда!

Цепочкой бойцы перебрались в укрытие и сбросили поклажу. Наконец можно было отдохнуть, настоящий бой у всех, кроме Чайкина и двух бойцов, прошедших за период срочной в ВВ «точки», случился впервые.

У солдат дела оказались хуже, даром что стояли целым взводом из шестнадцати человек, по углам здания были сложены

укрепления, а у кирпичного гаража для неизменной председательской «Волги» прятался БТР с АГСом на хребте. Разведав или верно оценив силу, «духи» не сунулись прямо, били издалека, гранатометным попаданием накрыли одно гнездо, убив контрактника и здорово ранив призывного. Лейтенант запрашивал помощь, чтобы спасти парня, ему приказывали то ждать, то самостоятельно вывозить с рассветом. Путаясь в указаниях, он приказал готовить бэтэр, но мотор пока не запускать. Раненый скорчился в беспамятстве у стены, уколотый промедолом, чуть дальше лежал прикрытый брезентом труп. К военным местные относились хуже, внутрь здания не пустили, сорвать дверь те не решились — армейская дисциплина строже, это пьяный милицейский наряд мог заявить на посту ханкалинскому начальству: да мы сейчас сложим автоматы, и гребитесь вы все…

С подразделениями Минобороны вояки связи не имели, собственные минометчики стояли далеко и без команды сверху не открыли бы огонь по селу. Правда, федералы по собственному почину начали обработку ближних высот, но партизан при этом явно затронули мало. Коллегам хватило собственной мощи отразить нападение, старым добрым методом в ответ на первые выстрелы АГС и башенный пулемет ударили в жилой сектор, чтоб назавтра раз и навсегда заявить возмущенным представителям: "По нам стреляли, а ты откуда знаешь, с какой стороны — участник? Делайте сами мир, и все будет нормально!" Обычно помогало. Затем переключились на неприятельские вспышки, отправив по приставной лестнице на чердак воина, который из торцевого лаза давал наводку трассерами, вслед бил ПКВТ и трехногий станковый агрегат. Чувствуя отпор, чичи перемещались вокруг, огрызаясь для порядка, к появлению чайкинской группы стрельба окончательно утихла. Издалека донесся гул двигателей вэвэшная колонна из бронетехники, санитарной машины и оборудованного зенитной установкой грузовика входила в село. Ближние предметы уже прорисовывались из воздуха, обретшего рассветную глубину.

Убитого с раненым положили в кузов, задетого отрядовца Чайкин тоже уговорил ехать:

— Дурень, я тебя вытащу, ты хоть день полежи, чтоб завели историю болезни. Если не выбьешь страховку потом, хоть нашивку получишь и награда практически обеспечена — ведь кровь пролил!

Прочие бойцы оказались в норме, легкие контузии и царапины, измазанная порванная одежда да один из школьного наряда потерял каску. Пост выставляли с полной экипировкой, и

это был естественный результат. Бог с ней, решил Чайкин, под такую ночь не одну «кастрюлю» можно списать. Пострадавший взвод сменили новым составом, уже при двух бэтэрах и одной БМП, обещали даже полевую кухню, войскам светило париться до упора, пока голосование не завершится. В случае неактивности избирателей его могли и продлить.

Чайкина заботил теперь лишь ящик. К счастью, глава администрации примчался, как только минул комендантский час, и начштаба твердо зажал его, хотя тот и кивал на школьного вождя. Как выяснилось, ответственности не нес и директор, ящик принадлежал избирательной комиссии, причем районной, а местная вообще еще полностью не собралась. Печать сохранилась, что Чайкин полагал главным козырем, и все больше напирал:

— Я сейчас увезу ваш дурацкий ящик, за который мы рисковали жизнью, и обратно его получите только через коменданта района! А уж он вас всех любит, сами знаете, и выборы окажутся сорваны — по чьей вине? Если ты власть, то принимай решение, собирай любую комиссию, только скорей. Здесь бумаги государственного значения, перед главой республики будешь навытяжку стоять!

Председатель наконец сдался, открыл помещение и в присутствии пожилой тетки в шерстяном платке, делопроизводителя администрации, и какого-то мужика был составлен в двух экземплярах акт передачи. За отсутствием копирки Чайкин лично написал оба от руки. Замок цел, сургуч на месте, надо ж понимать важность мероприятия, без демократических выборов какая мирная жизнь, едва не трепал он уже по плечу главу. Если не помогать друг другу, куда придем? Давай пять, отец, все будет тип-топ!

На блок подкинул «Урал» внутренних войск, ехавший за дровами. Уведомленный обо всем по рации Балинюк с толпой свободных от службы встретил объятьями, как героев:

— Переволновались за вас. Ну, молодцы!

Как ни вымотался Чайкин, командир заставил первым делом писать рапорт.

— Все по пунктам — когда было получено сообщение о нападении на выносной пост, как выдвигались, в каком составе и что дальше произошло.

— На хрена, пан майор? В комендатуру докладывали обо всем ночью, у дежурного где-нибудь пометка есть, коли что.

— Ты пиши, Михайла, пиши, под копию. Ее я как раз в комендатуру и свезу. Помяни слово, писать еще придется. Отрази, что имелись раненые, были окружены, запрашивалась поддержка артиллерии, которая не могла эффективно действовать в полном

масштабе ввиду расположения целей в населенном пункте. И только тогда в критической ситуации, чтобы избежать уничтожения выборной документации либо захвата ее врагом, принял единственно верное решение преодолев ожесточенное сопротивление противника, с боем вырваться из кольца и перенести сейф к зданию администрации, на усиленную позицию федеральных сил. Где передали все главе самоуправления с надлежащим оформлением. Акт грамотно составил, хвалю. Да, с Годзиллы тоже рапорт.

Чайкин понимал начальника, в царившей бессмыслице часто приходилось доказывать правомерность открытия огня не с пьяных глаз, а в ответ на происки моджахедов — у вас нет жертв, а пострадали дома мирных граждан. Кроме того, милицейский опыт учил: что бы ни сделал — грамотно напиши, а потом стой твердо, самые грозные разбиратели в конце концов запутаются и все спустят на тормозах, когда от реального происшествия останутся версии участников и куча бумажек. Шум стоит первые день-два, затем острота теряется, новые казенные хлопоты с текучкой оттесняют вчерашнюю злободневность. Не велика беда — школа, «духи» ее и рванули со злости, обнаружив, что драгоценные бланки ушли, или снаряд попал, да мало ли что, какое-то время она вовсе оставалась бесхозной. Проголосуют макаки и в своей управе… Балинюк подсказал содержание, словно читал мысли, в подробности не лез, обнаруживая вновь стаж и зрелость: ты не говорил, я не слышал, тебе же легче отбалтываться, если что. Майор вообще оказывался мужик ничего, нашли бы общий язык, если б не соперничество дома…

В середине дня командир поднял начштаба, малость дюбнувшего перед койкой и проспавшегося не до конца:

— Съезди в школу, подбери наше, что осталось. Глянь заодно, чего там, вырази сочувствие директору, его позиция тоже будет важна. Обещай — если удастся, выпишем материалы, поможем чем-нибудь.

Проклиная дурацкую войну и командировку, Чайкин с трудом встал и начал сгребаться. Далась им эта несчастная бурса, сколько всего разрушено из-за генералов с политиками — нет спроса, на веку сам кое-что взрывал, с жертвами, и ничего страшного, а тут… УАЗ стоял наготове, взяв двух бойцов и бывшего старшего поста, поехал в школу.

Вид открылся и впрямь удручающий. Здание не пострадало так в предшествовавшие боевые действия, как за минувшую ночь. В асфальте перед главным входом, где строились когда-то линейки и отмечались звонки, теперь зияла приличная воронка, по фасаду и с торцов не осталось целых стекол, издырявленная

пленка, заменявшая их, висла клочьями. Выщерблены кирпича отныне было не скрыть ремонтами, разве только штукатурить стены целиком, эти мелкие раны остаются самым долговечным напоминанием о войне. Саму школу снаряды обошли, за что Чайкин ругнул про себя минометчиков, понимая — и они не боги, хотя славно было б списать все на других, но первый этаж изнутри облизало пламя, в длинном коридоре взрывами снесло несколько дверей, вышибло оконные рамы, иссекло потолок и выщербило бетонный с крошкой пол.

Пожилой директор в сетчатой шляпе, с потемневшим институтским ромбом на лацкане вытертого пиджака бродил по школе, заглядывая в классы и горестно вздыхая. Второму этажу тоже досталось, он сокрушенно качал головой — только закончили посильный ремонт, и вот… Несколько учительниц в косынках и хромой тощий мужичонка пытались что-то убрать с помощью учеников постарше, ребятня носилась во дворе. Мальки беззастенчиво окружили «козелок» и увязались за милиционерами, норовя потрогать оружие и выпиравшие из карманов гранаты. По летнему времени поросль была свободна, не зная, как убить время, радовалась всему. На скупые пояснения директор вяло отвечал: "Да, да", и Чайкин не стал вдаваться в подробности. Патронные ящики, под которые он заложил тол, разметало на части, собрав оставшееся барахлишко — чайник, кастрюли, миски, забытый шуршун, которое не успели растащить уборщики, делегация отбыла без политесу. Дядьку с работниками было отчасти жаль, они искренне сокрушались напасти, но вина лежала в целом на всех — нечего вскармливать дудаевых с прочими шамилями.

Умен оказался командир, не имевший толком юридической подготовки и работавший в органах сравнительно мало. Однако не зря он столько лет служил государству, изучил его механику и знал, как просто давится судьба, попавшая случайно под гигантские колеса. Балинюк тем же днем успел съездить в администрацию и составить протокол осмотра злополучного ящика, подтверждавший его непорочную целостность, затем прибывшие из райцентра уполномоченные вскрыли его и пересчитали пустые бланки, при виде которых майор крякнул: что ж, нельзя было их проштемпелевать заново или подвезти позже?.. С присутствующих взял расписки об отсутствии претензий, после чего ящик снова опечатали, хотели было пластилином за неимением сургуча, но командир настоял использовать хотя бы свечку, закапав все углы и приложив личную печать. Председатель не знал уже, как избавиться от проклятых бюллетеней и настырного русского, но Балинюк

предложил ему заезжать на пост, литр-другой качественного бензина для хороших людей всегда найдется, и расстались они почти друзьями.

Затем он посетил школу, сердечно пособолезновал директору, подарил три стопки тетрадей и связку карандашей, осмотрел помещения и начальственный кабинет. Отметил несоблюдение норм пожарной безопасности, от случайного трассера и даже окурка может сгореть все, установил, что бумажки действительно находились в переносном металлическом ящике, а не крепленном к прочным элементам конструкции сейфе с надежным замком, как предусмотрено законом (директор не нашелся даже спросить, каким). Вместо специально оборудованного помещения документация была оставлена на рабочем месте главы заведения, где нет решеток на окнах. Просто в шкафу? Ну, знаете… А моим людям в итоге пришлось рисковать жизнью, чтобы эти бланки спасти. Придется, видимо, обо всех нарушения доложить соответствующим инстанциям.

— Я причем? — слабо протестовал ошарашенный директор. — Распорядились голосовать здесь, всегда так было, привезли эти бюллтень, что я могу? У нас сейф на деньги нет, все украли, когда зарплата бывает, деньги несу домой, а этим выборам специальное помещение делать стану, что ли?

От волнения он коверкал вначале чистую речь.

— Значит, кому-то выгодны наши трудности, — гнул свое Балинюк, намеренно все подстроили, спровоцировав нападение боевиков. Поэтому давайте, чтобы подстраховаться, составим акт о том, что документацию разместили в необорудованном здании, с вопиющими нарушениями правил, не организовав должным образом охраны и обороны, вследствие чего пострадали мой боец и ваша школа. По экземпляру каждому.

Взвинченный директор уже сам рад был иметь какие-то бумаги, зная их силу в казенном аппарате, и Балинюк скоренько набросал текст на собственных белых листах. Упросив заверить росчерки печатью, дружелюбно пригласил заглядывать, пожал руку и отбыл.

По дороге он завернул на газовый участок, где имелся единственный в селе ксерокс, и за банку тушенки откатал копии всех бумаг. Затем с чувством выполненного долга наконец отправился по собственным делам.

Труды его отнюдь не пропали. Спустя день после выборов из района прикатила на гражданских авто куча местных чинов под охраной собственных милиционеров. Чехи, стоило им заполучить кроху власти, не говоря уже автомат, становились заносчивы, неприступны и грубы, точно враз менялась сущность. С разными

«союзниками», вновь укомплектовываемыми нацкадрами силовыми и прочими службами была одна неясность и множество заморок. Коллег продолжали звать гантамировцами по рождению из формирований, участвовавших в боях за Грозный на российской стороне. Поначалу ОМОН-спецназ их просто разоружал, когда проезжали через посты, затем велели не трогать. Сверху взяли курс на учреждение туземной власти, и с недавнего времени здешних милиционеров даже стали присылать в целях усиления на блок. Обе стороны держались скованно, общих тем не нашлось, молодые чеченцы плохо говорили по-русски, старших неудобно было о чем-то спрашивать, разговор быстро упирался в события последних лет. Когда они попытались вмешаться в досмотр машин, пропустив кого-то — наши ребята едут, Чайкин вспылил:

— Уважаемые, ну его лезть сюда! Пообедайте с нами и валите к себе без обид по-хорошему, лады?

Тормознув попутку, чехи молча уехали и больше не появлялись. Заявился ли теперь кто из опущенных тогда деятелей, бойцы не разобрали, но держались прибывшие нагло. Горбоносый лысоватый пузан в камуфляже со «Стечкиным» на боку назвался помощником прокурора и без околичностей начал: решается вопрос о возбуждении уголовного дела по факту попытки срыва общенародных выборов. Направленный для охраны избирательного участка личный состав, пользуясь малозначительным либо сымитированным ими же обстрелом, умышленно взорвал и поджог здание, причинив значительный ущерб интересам государства, с трудом залечивающей раны республике и ее системе образования. После чего милиционеры самоуправно изъяли бюллетни, передав их военнослужащим федеральных сил, оказывали давление на членов комиссии и ряд должностных лиц, вынуждая их подписать лишенные какой-либо законной силы бумаги об отсутствии претензий. Все замешанные в преступлении лица должны проехать с нами. Кто руководил нарядом в ту ночь?

Во гад, как чешет, думали многие. Наверняка из прежних, где скороспелке увостриться так, чего ж тогда гнать волну, заставшие нормальную жизнь при совке обычно проявляли лояльность к центральной власти. Внутренне напружинившись, Чайкин готов был шагнуть вперед — "ну, я", однако Балинюк сказал преспокойным голосом:

— Документы, пожалуйста.

— Чво?

— Предъявите документы, уважаемый. В противном случае мне не с кем говорить.

Пыхнув, крепыш залез в карман и вытащил удостоверение на толстой цепочке с цветной фотографией внутри. Распахнув на миг, хотел тут же спрятать, но Балинюк остановил его:

— Не-ет, позвольте ознакомиться. — Вчитавшись, он достал книжку в тисненном переплете и черкнул туда ручкой с золотым пером. — Так-то лучше, господин Шахбиев Хаважи Таусович. Можем пройти в штаб все обсудить, а правомерность действий бойцов и командира, самоотверженно вынесших избирательные бюл… летени из-под огня, отражена в соответствующих документах.

— Ваши отписки у меня здесь, — прокурорский раскрыл кожаную папку и потряс ею, — кто такие Чайкин и… бывший старшим в школе?

Фамилию отделенного Годзиелевский и дома выговаривали не все, почерк у него тоже был весьма корявый. Сам он стоял тут же в цветастых шортах-трусах, отсвечивая бронзовыми плечами, лицо его заметно вытянулось, а чесавшая пузо рука замерла. Сунув пальцы за широкий ремень, командир ответствовал:

— Мои бойцы действовали законно и спасли выборные документы, никто давления не оказывал, у меня имеются подлинники всех бумаг. Показания бывают после возбуждения уголовного дела, что целому помпрокурора надо бы знать. Никто никуда не поедет, если требуются какие-то дополнительные объяснения, могу пропустить за охраняемый периметр лично вас. Остальных попрошу покинуть вверенную мне территорию и ближе трех метров к забору не подходить!

— Да ты, э… — шагнул к нему небритый урка из свиты лысого.

— Отряд, ко мне! — оглушительно гаркнул Балинюк.

Кто откуда взялся, стояли округ по-домашнему, в тапочках и спортивных штанах, но через секунду на незваных гостей смотрело уже с десяток стволов. От казармы бежал народ в отягченных боезапасом разгрузках, лязгая затворами, наряд поста сунул дула внутрь базы поверх ограждений с мешками, над срубом «кукушки» возник пулемет. Чеченец, бранясь по-своему, отступил.

— Вы понимаете свои действия? — горбоносый стал багроветь. Немедленно уберите оружие и предоставьте сюда тех, кто охранял избирательный пункт, иначе будете арестованы и вы, и преступники, которых покрываешь!

— Слушай, помощник, — майор тоже наливался краской, — кто ты такой, чтоб здесь командовать? Давай катись откуда прибыл, иначе разоружу твою банду и сдам не в комендатуру, а сначала войсковикам, и дернется хоть один все тут ляжете!

— Ты ответишь за это, — повысил голос толстый. — Не знаешь просто, с кем говоришь — сейчас придет твой руководитель, сам разоружишься ему!

Он заклокотал что-то в рацию по-чеченски, затем на русском призвал:

— Один-три, зайди пожалуйста, проблеми у нас, бичить начинают. — И прибавил, оборотясь к строптивому командиру: — Сейчас, я на тебя посмотрю, как ты у военного прокурор округа бледный стоять будешь!..

Ситуация повисла на волоске, Балинюк и чех равно кипели, однако понимая, что любое движение сторон и даже окрик повлекут стрельбу. Из прохода между ограждениями появился замначальника временного отдела, известный всем по частым визитам. По-видимому, он приехал с чеченцами и ждал в машине снаружи, а теперь вынужден был объявиться. Замнач выглядел смущенным, шел не торопясь, стараясь избежать взглядов. Сунув руку Балинюку, нехотя поинтересовался:

— Что тут у вас?

— Да вот, Абульхаир Галимзянович, — знавший начальство поименно и обычно радушный с ним командир отряда был суров, — явились к нам, права качают, обвинения какие-то возводят, да еще требуют бойцов им отдать. Дурака нашли, что ли?

— Ну, это… все надо по закону. Съездят, это, напишут что надо и вернутся, чего ты уж?

Лицо Балинюка окончательно закаменело. С ВОВДом отношения вообще складывались непросто, он и был вышестоящей инстанцией, и не совсем, ибо имелись более прямые — комендатура, группировка, мобильный отряд, которому непосредственно подчинялся личный состав определенных блоков. Кроме того, комплектовавшие временный отдел татары заметно держали руку чехов и не очень ладили со многими отрядами из российских регионов. ВОВДы в полубоевых условиях заставляли вести обычную милицейскую работу, на подрыв машины и кражу овец выезжала одна следственно-оперативная группа, созданный материал уполномоченные лица обязаны были рассмотреть в те же сроки, что их коллеги по всей стране. С местными неизбежно завязывались разные связи, включая коррупционно-покрывательские, укреплявшиеся в силу преемственности контингента временника. Кроме того, ему приходилось взаимодействовать с национальными органами и структурами, создававшимися все активнее, достигать обычного взаимопонимания между ветвями власти. Все это ставило отделенцев в сложное положение — работать бок о бок с кем-то

не то, что отмаяться день на посту.

Районному ВОВДу отряд прямо не подчинялся, но выполнял указания, проверялся им, передавал задержанный народ, машины, грузы, изъятые вещи документы. Показателей требовали и здесь, но их «делание» в условиях разрухи, отсутствия функционирования исполнительных систем, неприкрытого корыстолюбия и грубости нравов оборачивалось лишь пущей бессмысленностью и мздоимством. Схваченные часто уходили раньше, чем отбывал доставивший их наряд, транспорт быстро отпускался, нелегальный бензин начальник отдела сливал личному покупателю-оптовику. Однако на совещаниях в присутствии командиров постов он строго требовал выявлять участников бандформирований и потенциальных террористов, дотошно проверять всех следующих через блоки, проявляя неподкупную принципиальность. Как выявлять — смотреть правое плечо? Нужно стрелять целыми днями и таскать «калаш» на голом теле, чтоб остался след, с зеленой повязкой на лбу и прозрачным мешком пластита тоже пока никто не проезжал… Даже толком «пробить» человека, за исключением списков разыскиваемых полугодовой давности, не представлялось возможным по отсутствии единого информационного центра и связи с ним. Выпытывать у каждого, что делал с декабря 94-го по сей день, а потом ехать к родственникам, знакомым, во все указанные пункты жительства, сверяя, что соврал — ради Бога, шлите вертак, роту поддержки и снимайте с поста. Тащить всех подряд в блок и бить, пока что-нибудь не скажут — а зачем нам это, данный этап в ходе освободительной компании все-таки уже прошел.

Вместе с тем отсутствие крупной дичи старались не возмещать обилием мелкоты, просроченной фотографией в паспорте или разбитым подфарником «Запора». Рядовым парням во временнике хватало забот без того, в том числе с пленными, которых таскал всякий спецназ при регулярных зачистках. Ходил анекдот-быль первой войны: свежий ОМОН привозит задержанных, в отделе как всегда крик, мат, дурдом. Разрываясь между коммутатором, рацией и своими книгами, дежурный орет:

— Куда столько натащили, не буду принимать!

— А че нам с ними делать?

— Да хоть выведи и расстреляй!..

Арестантов выталкивают, через минуту очереди. Дежурный с воплем выскакивает: так и есть, лежат у стены.

— Вы что, с ума съехали?!

— Мы думали, так принято — сам же сказал…

Окончательно перестали кого-либо сдавать после одного

случая. На посту задержали тарантас без документов — рукописная доверенность на половинке листа, права алой корочкой, минувшей эпохи, свидетельства о регистрации транспортного средства, именуемого по старинке техпаспортом, вообще нет. Дедок в шляпе и заштопанной куртке гортанил скорее всего правду: взял у родственника «Москвич», проклятую бумажку забыл — у кого тут сейчас все в порядке, и так на каждом посту даешь бакшиш. Может, и отпустили бы дядьку с миром или без машины, езжай за свидетельством либо вези хозяина, но случился на беду проверяющий чуть не из самой Ханкалы. Словно больше нечем заняться, влез: немедленно доставить в ВОВД, проверить по учетам, мы добренькие, а они все на краденных машинах ездят. Матерясь про себя, Балинюк полез в УАЗ с двумя бойцами отдыхающей смены, еще одного посадил за баранку разбитого оранжевого драндулета с отвинченными панелями дверец, чтоб не искали везде оружия, и процессия двинулась в район.

В отделе мужичку склонялись поверить, оставляй машину и топай, владелец приедет и заберет. Ручную картотеку перебирали редко, но было электричество, и дряхлый автономный компьютер с базой данных неизвестных времен сообщил, что злосчастный автомобиль по номеру двигателя числится в розыске за Волгоградской областью. Напрасно клялся мужик, что хозяин двадцать лет ездит на этой тачке — кто спорит, менял движок, и втюхали от разобранной угонки, такого и в России полно, а уж здесь было правилом при анархии. В независимую вашу Очкерию стекалось до 70 % краденного транспорта всей страны… Дядька плакался, теперь откупаться предстояло за себя и за телегу, он клял соседа и в то же время просил съездить вместе к нему, чтобы выяснить правду и избежать разбирательств. Дежурный, однако, связался с кем-то по внутреннему телефону, зарегистрировал рапорт и попросил:

— Братки, оттарабаньте его на спецплощадку, организовали тут вмести с ГАИ. Сразу техническую экспертизу назначат, вам же показатель будет. Это за бывшей мельницей, а у меня сейчас ни транспорта, ни людей.

Куда деться, надо идти друг другу навстречу. Злясь на ретивого проверяющего (легко разъезжать на бронированном УАЗе с эскортом, ты покомандуй бойцами или постой на дороге сам), беспамятного старика и недотепу-хозяина, Балинюк велел ехать через выселки по объездной дороге. Выйдет быстрее, в райцентре движение интенсивнее и плотнее заторы на постах, а в том краю имелась давняя надобность, один подпольный «нефтяник» был должен за услугу. Раз уж приходится тратить

время, хоть малую пользу следовало извлечь. По «трубе» о встрече здесь не договоришься, чтобы застать кого-то дома, ездят до упора. Водитель, приданный отряду, был в Чечне первый раз, плохо знал дороги, вечерами прикладывался к бутылке и плевал на все, поэтому командир указывал даже там, где нормальный рулевой в любых условиях руководствуется сметкой и чутьем. Сам Балинюк, имея права трех категорий, почти не водил и тяги к автомобильному делу не испытывал.

Маленькая кавалькада покинула жилые кварталы, чтобы по дуге малоезжей трасски оказаться в южном конце большого села. За пробитыми башнями элеватора к асфальту жалась рощица, напротив торчали ряды бетонных стел кладбища с округлым верхом, кое-где дополненных жестяными флажками на шестах — погибшим в войне и вообще геройски. Дальше кустистые заросли, постепенно расширяясь, клином бежали в горку. Оттуда и грохнул в откос полотна перед самым носом «козла» гранатометный заряд, с обеих сторон понеслись очереди. УАЗ нырнул в кювет передними колесами, ведший «Москвич» боец ударил по тормозам, вывалился на дорогу и покатился к канаве. Балинюк едва не протаранил теменем лобовое стекло, водиле расплющило грудь баранкой, задние тоже порядком стукнулись, однако все мигом опомнились и метнулись россыпью по кустам. Дедок тоже выскочил из машины и ткнулся ничком в асфальт, закрыв голову руками.

Потрясенный струхнувший Балинюк все же быстро сообразил, что огонь не концентрируется на них, идя выше — палят друг в друга через шоссе. Кто тут еще может быть, свои какие-нибудь да чехи, не хватало только под раздачу попасть. Оторвав лицо от илистого дна траншеи, он крикнул выпустившим по рожку невесть куда бойцам:

— Не стреляйте, всем лежать!..

Докумекав что-то сами, хлопцы вжались глубже в кюветную грязь и пыльную траву у дороги. Стрельба переместилась за развалины поодаль, образовав какой-то новый очаг. Бабахнул взрыв, воздух прошила длинная пулеметная очередь, сшибая листву и веточки с кустов, после нескольких отрывочных выстрелов все стихло. Парни оставалась на своих местах, начиная понемногу шевелиться. Балинюк уже чувствовал командирскую необходимость что-то предпринять, когда из зелени напротив раздалось:

— Эй, кто здесь?

Голос звучал вроде без акцента. Не успел он ответить, как водила крикнул из канавы:

— Свои!

— А…ли тогда прячетесь? Пусть старший выйдет.

Балинюк приподнялся:

— Грамотный, от вас тоже один навстречу, оружие за спиной!

— Ладно, вылазьте!

Ситуация оказалась будничной: разведка охотились за боевиками, укрывшимися под личиной мирных граждан и умышлявших какую-то гадость в этих местах, засаду, установку фугаса на будущее или подрыв. Те чувствовали опасность, стереглись, группы битый час кружили, пытаясь запутать друг друга и обмануть. На ограниченном, взрезанном дорогой пятаке трудно играть в прятки, коллеги решились на удар, и тут из-за поворота вылетел отрядный УАЗ. Чехи запросто могли подбить его, хотя бабахнули скорее всего от неожиданности, без толком прицела. Балинюк невольно поежился — еще бы метр, командирское сидение как раз впереди… Не удержался:

— Нашли, блин, где стрелять!

— А вы, блин, где ездить!..

Подняв охавшего трясшегося старика, посчитали дырки в УАЗике и корпусе «Москвича». Да, останься кто-то внутри… Созрел Балинюк мгновенно:

— Отец, вали отсюда на все четыре стороны, не дай Бог еще появишься с этой развалюхой на каком-нибудь посту! Из-за тебя чуть все не легли… Духу твоего чтоб не было через минуту, пшел!

Шалый старик залез в машину, которая отказалась заводиться, пришлось еще и толкать. Обстрел Балинюк решил не фиксировать — тащиться снова в райотдел, объясняться насчет машины, терять полностью день. Наград за мужество из случая не вытянуть, казенный автомобиль не списать, а какая-нибудь рация не заслуживает мороки — после разом будет спихнуто все, что можно, под нападение на пост или липовый пожарчик. На должок, чуть не стоивший жизни, махнул рукой, наменяв у военных за пол-литра спирта гранат и ВОГов, развернулись и помчались назад. Объехав временник пятой улицей, Балинюк зарекся на будущее таскать схваченных куда-то: надо — приезжайте сами, нет — пинок в зад. На удивление собственные его поездки, даже самые рискованные, кончались удачно.

И сейчас, глядя в лицо прокурорскому мимо переминающегося зама ВОВДа, Балинюк отчеканил:

— В вопросах, касающихся действий личного состава, я подчиняюсь только мобильному отряду, а ни один боец отсюда не выедет без приказа командующего объединенной группировкой. Когда получите его в письменной форме, продолжим разговор, а пока в своих требованиях превышаете должностные полномочия. Впредь без представителей командования говорить с вами

отказываюсь, и повторно требую от посторонних очистить территорию блокпоста!

Видя оборот ситуации, в которой шишкарь временника не помог ему, главный чех наконец отступил. Он решительно сунул под мышку папку, скомандовал что-то кодле и зашагал к выходу, бранясь по-своему и грозя пальцем:

— Ты ответишь за это! За все ответишь!

Отделенческий зам, вздохнув с облегчением, шепнул Балинюку:

— Правильно, так их. А я, сам понимаешь…

Затем развернулся и объявил вслух, уходя:

— Что ж, будем разбираться. Самовольства не потерпим ни с чьей стороны!

Многозначность его финальной тирады дошла к присутствующим не сразу. Командир крутнул башкой — вот хитрая татарва…

Чайкин ощущал благодарность старшему — сам он в итоге, может, и поехал бы с чехом, в полной экипировке, захватив всех бойцов. Однако дальше, за поворотом или в прокуратуре могли взять в кольцо, приказать сдать оружие, и что дальше, стрелять? А подчинишься — выйдет фильм «Блокпост», где солдата увезли на допрос в местную милицию и после бросили на асфальт зашитое в шкуру тело… Сравнение пришло на ум многим, загалдели:

— Ёлы, кино прямо! Ну, батя, ты даешь, молодца!

Фронтовое обращение польстило Балинюку, а над "Кавказскими пленниками" с «Чистилищами» здесь оставалось только улыбаться. Благородные горцы вплоть до плечистого бандитского главаря, то избыточный кошмар отрезанных голов, цепляемых к стреле гранатомета…

Чехи больше не приехали, хотя явно что-то выяснили и могли копать дальше. Верно, нашлись свидетели, видевшие схватку из ближних домов, либо местные упыри хватались за любой повод куснуть федералов, а прокурорский, накручивая страсти, домыслил истинный ход событий. О той ночи участники не говорили даже меж собой, но пакостное чувство едва не пойманности у всех, особенно Чайкина, осталось. На чем — другой разговор, правильно тор, что тобой сделано. Если б обобрали или мочканули кого по беспределу, а то несчастная школа. Тут не их вина, не директора — играют политики наверху, вновь создают и укрепляют тут власть, с которой придется воевать когда-то. За дело голову класть не жаль, обидно служить чужой корысти. Школу к сентябрю подремонтируют, и так была не дворец, а детей здесь не учить, а стрелять надо… Нынешние бандиты погибнут, отойдут от дел, свалят куда-нибудь или

перемрут от старости, но их ряды пополняет смена из таких вот школьничков с рюкзачками. Замкнутый круг, решение одно — к чертовой матери отсоединить их, а как бросать этот клочок страны, столько раз политый кровью…

Отношение Чайкина к шефу заметно улучшилось, он словно открыл в нем положительные качества, Балинюк со своей стороны тоже помягчел. Иначе вряд ли начштаба стал бы выполнять почти без возражений все его приказания, вследствие чего под занавес командировки случилось второе примечательное событие, запомнившееся надолго всем.

На исходе лета в горах произошел бой между выдвинувшимся подразделением мотострелков и партизанами. Специальные группы, покинув основные силы у конца проезжих дорог, регулярно уходили на чистку зеленых массивов, пропадали среди круч и теснин по нескольку дней. Иных возможностей хоть как-то контролировать огромную территорию просто не было. Войскам пришлось туго, с ранеными и «двухсотыми», для поддержки и эвакуации вызвали вертолеты. На проведение "акции возмездия" через блокпост вскоре прошла в ущелье длинная колонна с минометами, парой гаубиц и даже танком, имея целью обнаружение и ликвидацию прорвавшегося, конечно же, из сопредельных районов крупного отряда боевиков. Над дорогой весь день кружили «стрекозы», к вечеру прожужжавшие назад — темнота опасно винтокрылым.

Трасса на всем протяжении была перекрыта, и бойцы лениво сидели у опущенного шлагбаума на скамейке, заплевывая семечной шелухой окрестную площадь. Слушали боевой канал, ничего особенного не происходило. Донеслись слабые отдаленные раскаты — артиллерия обработала контрольные точки и смолкла, по населенным пунктам стрелять нельзя, в дикие скалы бессмысленно. Гражданских машин не показывалось вообще, пешие брели редко, налегке они вообще обходили пост боковыми тропами, все перелески не закроешь, разве что село колючкой под током обнести… Сутки прошли необыкновенно спокойно.

На следующее утро, позавтракав, новая смена оттащила уже скамью в тень и сибаритствовала, укрыв под скинутыми бронниками пивной пузырь. Непьющий спортсмен дергался под ритм наушников и первым заметил вынырнувшую из-за поворота фигуру. Пожилой чечен в темном пиджаке и шляпе на затылке семенил к посту, то прибавляя шаг, то бессильно волочась с прижатой к сердцу рукой. Добежав, он едва не рухнул на бело-красную поперечину, хватая воздух открытым ртом, насторожившиеся парни подошли с другой стороны. Пыль на

кирзовом лице мужика бороздили ручейки пота, сквозь хрип не сразу удалось разобрать:

— Ребят, помогите пожалуйста, умоляю! Машина заглохла, никого совсем нет, в больница еду. Вот денги… Старший ест?

Обращаясь то к одному, то к другому, он совал пачку мятых десяти- и пятидесятирублевок из внутреннего кармана. Стряхнувший лень Годзилла придержал его за рукав:

— Погоди, сам-то кто будешь? Документы есть?

Пока все изучали мятый советский паспорт, старик торопливо, мешая слова, объяснял: невестка рожает тяжело с ночи, в аулах даже захудалого фельдшера не осталось, бабки не помогли, сказали — надо в больницу, не то умрет. Упросил солдат выпустить на трассу, пять раз проверили машину, даже женщин, с ними поехала тетка по матери, обыскали, но разрешили наконец, спасибо им. Санитар у военных был, ответил "катись давай, не роддом тут"… Километров за семь от поста машина стала на безлюдной дороге, и все попытки реанимировать ее оказались тщетны. Невестка исходит криком, пришлось бежать сюда, помогите, будьте людьми!

Бойцы переглядывались — может, и так, больно искренне дядька все излагал. Человеческие нужды сохраняются в самых тяжких условиях, не из-за силы жизни, куда от них просто деться. То же появление ребенка обычно радует всех, а тут…

— А сын где, чего сам не возится с женой? — поинтересовался Годзилла.

— Нету сына, пропал без вести. Говорят, убили.

— Кто убил — наши, как всегда? Федералы, военные?

— Зачем ваши, сами ничего не знаем…

Бойцы переглянулись. Подошедший Чайкин, листая паспорт и зачем-то глянув на свет права, вник в ситуацию и ответил без обиняков:

— Чего ты от нас хочешь, дед? Движение запрещено, без письменного разрешения коменданта ты вообще здесь возникать не должен, можем задержать и сдать в отдел до выяснения. Ладно уж, раз беда, беги до кого-нибудь проси транспорт, но в темпе, чтоб глаза не мозолить. Обстановка — сам понимаешь, а вы посмотрите его сначала.

Пока ближний хлопец неохотно щупал карманы, вздевший к небу руки мужик запричитал:

— Кого я найду здесь, родных нет, девочка совсем умрет, пока я бегать стану! Их там какой-нибудь бандиты или солдат может застрелили уже, а вы меня забирать хотите. Вызовите хоть санитарный машина, спасатели, я не знаю, Богом прошу! Отблагодарю всех, клянусь, никогда не обманывал. Жили одна

страна, было нормально, а теперь из-за этой политики война и все погибай, не жалко, да? Что мы, не люди?

Прижимая руки к груди, то простирая их к Чайкину, он готов был зарыдать. Начштаб утомленно слушал очередные излияния того, кому надо что-то в обход правил, уверенного в своей житейской правоте вопреки бездушному закону. Объясняться не имело смысла, проситель сознает лишь бытовую, человеческую сторону действительности, а ты ему вынужден толковать о формальной. Служба избавляет от чувствительности быстро, хотя дедка было где-то жаль, но зачем брать ответственность — не за гроши же, всучиваемые прилюдно, что по понятиям влекло отказ или дележ на всех. Чеченца, дав сколько-то выговориться, он бы отшил, но из-за поворота вырулил отрядный УАЗ, Балинюк мотался с утра по своим бесконечным надобностям.

— Шо таке? — высунулся он из двери поверх снятой в жару оконной части, когда машина подкатила к шлагбауму.

— Да вот… — Чайкин изложил просьбу старика. Тот, почуяв в Балинюке главного, хотя майорские звезды не были видны под разгрузкой, пытался вставить что-то, обращаясь к нему подчеркнуто уважительно и просящее.

Приказав убрать купюры, командир тяжело спрыгнул на асфальт, забросил на плечо автомат со сложенным прикладом и кивнул начштабу — отойдем. У прохода на блок, где их не могли слышать, полупопросил:

— Михей, съезди с ним. Возьми пару бойцов, дело-то плевое, заведете драндулет или сюда притащите, дальше пусть чешется сам.

— Да на кой он сдался? — развел руками эмоциональный Чайкин. — Бюро добрых услуг? А если подстава или отловят его дальше по трассе, представляешь, какой шухер будет?

— Не проезжал через нас, ты словно первый раз замужем. И что там может быть, если вся территория перекрыта? Иногда надо по-людски, поставь себя на его место. Девка помрет, мороки тоже не оберемся — "оставление в опасности", тут ведь теперь закон и порядок. Знал бы ты, сколько мне проставляться за ту школу пришлось… Местные озлобятся, а так я уж организую звон, как мы простому чеху помогли. Шалить меньше станут.

— Дипломат ты, елы, а нас пусть грохнут к чертям? Тогда давай «скорую» вызовем или хоть коновала из медпункта захватим какого-нибудь…

В райцентре при наскоро восстановленной больнице организовали неотложную помощь с двумя машинами и сменными бригадами российских врачей, но они за три улицы не ездили без охраны. Пока свяжешься с ВОВДом, там расчухаются

да съездят к медикам, а у тех дай Бог чтоб хоть один РАФ, списанный где-нибудь в рязанском облздраве, был на ходу. Здешняя лекарня держалась на бабке-фельдшерице, которую щадила любая власть, универсалке с большим опытом, но уже ветхим здоровьем, да тут и молодые им не пышут. Она сидела в основном дома, средства и инструменты тоже практически отсутствовали. Где ей управиться с трудным случаем родов, да еще ехать куда-то, сколько времени уйдет объяснять, уговаривать, не под стволом же тащить, а потом будет еще собираться. Решительно прогнать старого — черта с два он транспорт найдет, если нет родичей, кому надо в такой обстановке связываться, не миллион же дает, и мало транспорта осталось у сельчан, весь дышит на ладан. Это до войн в каждом дворе красовался «Жигуль» и безотказная старая «Волга» для окрестных дорог, на которой хоть к отаре, хоть в лес, с прицепом за сеном на горные луга. А и найдется кто — трясти их станут на каждом шлагбауме и временных армейских заставах, разбросанных до конца операции тут и там. Вот подкинул дед геморрой со своей молодой дурой…

Отправляясь за кем-нибудь из свободного отделения, Чайкин бросил:

— Если баба при нас сдохнет, кто будет виноват?

Нашарив в кармане пачку «Винстона», командир прикурил от поданной бойцом зажигалки, поблагодарил кивком и взвешенно ответил:

— А если в придорожной канаве? Думаешь, этот дядя и весь его клан промолчат о том, как мы отказали в помощи? Я буду постоянно на рации, если что.

Дуревшие под конец срока от полутюремности бойцы с радостью отправлялись куда угодно, пришлось взять четырех и обещать прочим "следующий раз". Чеченца посадили в задний отсек, подвязав наверх клапан брезентовой крыши и откинув дверцу, рядом с выставившим неизменный ПК Бэтмэном — в серьезные ездки здесь отправлялись так. Хлопцы из дежурной смены подняли шлагбаум, мрачный трезвый водила дал по газам, заставив мотор взвыть, выписал кривую меж бетонных панелей, разделявших дорогу на две узких полосы, и УАЗ вскоре скрылся из глаз за холмами.

Превозмогая шум движения и густо клубящуюся пыль, Бэтмэн пытал вопросами соседа, который вынужден был поддерживать беседу, потихоньку отплевываясь, чтобы хозяева не приняли на свой счет. Жил он большим двором, имел пять детей, старший сын после той войны уехал в Россию, в Челябинскую область, теперь и спасались только его передачами. Дочерей раздал замуж

в другие села, младшая пока оставалась с ним и больной матерью, да второй сын взял хорошую трудолюбивую девушку, была радость в доме, но долго не получался ребенок. Возили к врачам в Махачкалу, потом в Нальчик и Кисловодск, много потратили денег, но что-то ей вправили, наконец удалось. К тому времени заварилась новая каша, с приближением войск несколько парней, в том числе сын, решили на время уехать в горы, чтобы не хватали силком ваххабиты, а потом расстреляли военные. Как ни заваруха, первым достается мужчинам помоложе, так сказать призывного возраста. Одни заставят воевать либо станут резать, бить: почему не идешь сражаться, Россию любишь? Армия придет, сразу пуля без расспросов, молодой — значит, боевик, против нас дрался и теперь вредишь в тылу, а пощадят или выкупишься, пересидишь в подвале, так потом фильтрация заберет с концами, очень стало жестоко все. Взяли они старый микроавтобус и поехали, лучше б сидели дома… Как раз десант высадился на перевал, какая-то ударная группировка пришла, начались бои в горах и машина точно растворилась, до места не добрались. Искали, спрашивали — впустую, как не было никого. Слабая надежда остается, пока не видел мертвым или сказали наверняка, но вряд ли на самом деле. Мать совсем разболелась, девочка высохла с горя, а куда деться, срок подошел. И снова неладно, эта операция в селах, родить не может, еле выпросился у военных, и тут «Жигуль» подвел. Спасибо вам, ребята, что бы без вас делал!..

Бойцы на заднем сидении слушали вполуха, временами переглядываясь — э, дядька, знаем мы такие истории и кем был сынок твой, да что уж. Одни хлопнули, другие мчатся теперь спасать вдову и будущего дитенка, который вырастет и станет шмалять в других федералов через плетень… Кто поручится, что сам мужик ничего страшнее лопаты в руки не брал, хотя большинство здесь просто выживало кошмарные десять лет. Чайкин на командирском сидении молчал, покинув зону видимости поста, водила набрал скорость, пытаясь спастись от возможного фугаса или выстрела в борт. Безжалостно вертя руль, он швырял УАЗ в стороны, огибая выбоины и провалы, в любом из которых мог ждать «сюрприз», а старший внимательно смотрел вбок, чтобы заметить малейший дурной признак свежую присыпку откоса, тянущийся от бетонного столбика проводок. Езда, особенно в горы, была тут занятием нервным. Саперы прошли впереди войск больше суток назад, в виде мести, бурдет за что, армейцам уже вполне могли заложить «привет». Да и просто жужжать мишенью среди теснящихся все кучнее скал, понад вывернувшей к дороге речкой, за которой сплошь зеленка на крутых мысах-утюгах, тоже не мед…

Побитое зеленое детище тольяттинского автозавода стояло одним колесом почти в кювете, куда хозяева столкнули его впопыхах, чтобы не двинула пронесшаяся на полном ходу броня. Дальше расстилалась поросшая гигантскими лопухами опушка, уходившая в распадок между двух лесистых языков, справа тянулась от полотна русловая бечевная отмель. Приехавшие выпрыгнули из УАЗа, водитель круто развернул его и сдал задом к «копейке», не заглушая движка. Даже сквозь тарахтенье и плеск воды слышался протяжный стонущий вой молодой некрасивой чеченки, полулежавшей на откинутом сидении развалюхи с широко расставленными ногами. Живот под свободным платьем выглядел при общей субтильности непомерно большим, она сжимала его с боков руками, словно желая вдавить или приподнять. При появлении мужчин роженица попыталась одернуть подол, из-под которого виднелась белая ткань в пятнах слизи. Рядом хлопотала женщина постарше в платке, отирая ей лоб влажной тряпкой.

Мужик закудахтал по-местному, обращаясь к обеим, Чайкин велел одному из бойцов:

— Спроси у «шефа» трос, давай зацепим. Не к себе же брать, она нам загадит салон и еще по дороге родит. Я попробую пока — может, заведется консервная банка…

Ключ зажигания торчал в замке, хозяина он не стал спрашивать, забрался внутрь и попробовал дать обороты. Пара фырканий в недрах конструкции ни к чему не привела, мученица надсадно орала, Чайкин вылез и бросил старику:

— С тросом ездить умеешь? Тогда садись за руль живей.

Тот замешкался у дверцы, женщина начала усаживаться назад, парни накинули ржавую негнущуюся петлю с торчащими проволочными обрывками на шишак фаркопа. УАЗ начал медленно отъезжать, выбирая слабину, и в этот момент по машинам ударила от деревьев через прогалину густая очередь.

Бойцы попадали где стояли, даром что двое были назначены в охранение, следить за окрестностями с оружием наперевес. Чайкин, не выпутываясь из ременного хомута АКСУ, с асфальта засадил по лесной поросли, крича:

— Трос долой! Огонь туда, кучнее!..

Присевший за своей телегой чеченец поймал его яростный взгляд и крикнул сквозь грохот выстрелов:

— Не я, нет! Подожди, сейчас…

И он вдруг побежал согнувшись в сторону выстрелов, размахивая руками и что-то выкрикивая по-своему. Шляпа слетела с макушки и утонула в лопухах.

От неожиданности стрельба прервалась, ему удалось

пробежать до середины поляны, пока огонь вспыхнул с новой силой. Чайкин клялся потом, что не засек, чьи пули сразили до пояса скрытую зеленью фигуру, может, те и другие, по крайней мере он прицельно не бил. Мужик сделал гребущее движение, словно подломился хребтом и рухнул навзничь, исчезнув в траве. Видевшие это женщины забились с воплем в машине, шофер УАЗа, свесившись с выпученными глазами из кабины, что-то орал. Один из бойцов, привстав на колено, лихорадочно дергал трос, но стальная петля не поддавалась. Другой, бросив оружие, растерянно жался за колесом, сжимая плечо.

— В машину все, — гаркнул Чайкин, дергая из карманов разгрузки гранаты, — я эту поведу!

Осмыслив приказ, раненый первым запрыгнул в салон, подцепив за ремень автомат, и ухитрился съежится между сидений на полу. Не растерявшийся под огнем Бэтмэн выдал затяжную очередь, позволив товарищам забраться в транспорт, кто-то высунул из-за обвешанной бронниками дверцы ствол и прикрыл его на пять секунд, емкость рожка, пока он вваливался со своим громобоем сзади. Водитель тотчас вскинулся, как цирковой джигит в седле, подхватив с арены папаху, выжал сцепление и утопил газовую педаль. Чайкин швырнул один за другим «лимонки» и на ходу упал за руль «копейки», бесцеремонно отпихнув шарившую вокруг руками припадошную роженицу. В мозгу отпечатался ее распяленный в неслышном крике рот, или он успел оглохнуть. Машину тащило боком, сгибаясь, Чайкин едва успел отжать ручник и переключить скорость, не обращая внимания на взвизг пуль справа и треснувшее перед глазами лобовое стекло. Впереди лежал прямой участок дороги, и УАЗ рванулся из зоны обстрела, хотя он еле справлялся с автомобилем. Приближаясь к извилине, водила снизил бешенный темп, Чайкин успел выхватить из нагрудного кармана рацию и крикнуть в нее:

— Не гони так, оторвет или расшибусь на хрен!..

Однако его, похоже, не слышали, повредилась рация или сбили канал. УАЗ чуть снизил обороты, твердо взял середину дороги и мчал дальше, постепенно вновь набирая скорость. Эту дьявольскую гонку Чайкин запомнил крепче всего, рискуя ежесекундно перевернуться или врезаться в буксир, когда тот резко сбрасывал газ перед очередным поворотом, собственные тормоза оказались у повозки ни к черту и оставалось только из последних сил сжимать руль, неотрывно следя за маневрами передней машины. Только вылетев из ущелья, адский пилот наконец унял железного коня до обычного при сцепке хода.

Балинюк и здесь оказал себя молодцом, не слыша

переговоров и боя за холмами, он тотчас после отъезда экспедиционного корпуса вызвал через ВОВД медпомощь и добился выделения охраны для нее. Из продырявленных машин как раз вытащили потерявшую сознание молодку и бледного парня, когда от центра села послышался вой сирены и в проблесках древней конусовидной мигалки появился заслуженный РАФ, сопровождаемый единственным отделенческим бэтээром. Здоровый медбрат наскоро перевязал бойцу верхнюю часть руки, установив сквозной характер ранения. Отвязный худой врач с бритой головой и коньячным амбре, заценив обстановку, велел тащить бабу в местный фельдшерский пункт, замок с которого просто сбили. Там он вкатал ей два шприца обезболивающего и при помощи третьего члена бригады, плотного коротыша, ничтоже сумняшася подрезал что-то, запустил обтянутую перчаткой кисть в разверстое лоно и вытащил почти задохшегося мальца, крупноватого для узкого таза несчастной. Затем принялся быстро шить рассеченные ткани, пока ассистенты не очень ловко обихаживали народившегося пацана. Хлопнув спиртяшки и перекуривая на крыльце, доктор отвечал восхищенным милиционерам охраны:

— Времени не оставалось, кончился бы ее чиченок, да и сама могла. Ответственности я не боюсь, это вам страшно без работы остаться. Скажите, пусть готовят катафалк, едем в больницу, не ночевать же здесь! Вытерпела такое — и остальное перенесет. Им обоим теперь уход нужен, стационар, обратно в коровник можно только на смерть отослать.

Клиентку с новорожденным и очумелой теткой деликатно загрузили в транспорт, раненый влез на броню. Его трясло, рука картинно покоилась на перевязи, хотя сведущий в процедурных тонкостях медбрат сразу определил:

— Дорогой, у тебя от этой царапины через неделю шрама не останется, продезинфицируют и даже шить не станут. Так что двадцать один день больнички или как там, стойкая утраты трудоспособности более чем на треть, боюсь, тебе не светит. Может, повезет в другой раз!

Вечером участники предприятия коллективно снимали стресс, водила насчитал в УАЗике девять свежих пробоин, одну смятую пулю выковырял из сидения под собственным задом. Обмыв ее как награду в «шиле», до дна с вытаскиванием зубами на ладонь, решил просверлить и довесить к нательному крестику. Брошенный в стороне «Жигуль» обходили, как заразный, был он точно решето, с побитыми стеклами, Чайкина с женщинами обнесло чудом. Видно, Бог не хотел в тот день больше крови и смертей.

До окончания командировки ничего примечательного больше не произошло. Соскучившись, раненый бежал через три дня из санчасти, добравшись попутками на блок. Из казенных сумм выделили часть на цветы, собрали продуктов и съездили к крестнику в больницу. Туго запеленутый по местным обычаям ребенок спал с матерью, порядки строгостью не отличались. Сама она лежала худая и потемневшая, великий и могучий язык межнационального общения знала плохо и из речей присутствующих, в том числе замглавы администрации, мало что поняла. В районной газетке прописали статью о благородстве, фактически подвиге российских милиционеров, ценой смертельного риска спасших две жизни освобожденному братскому народу. Присовокупив к служебным бумагам ходатайства властей, Балинюк сдал в группировку наградные документы почти на всех, включая Чайкина и себя. Инстанции никого вроде не срезали, через полгодика можно было ждать знаков признательности от родного государства.

Невезучий старик остался единственным чеченцем, достоверно погибшим от рук отрядовцев либо на их глазах за весь срок командировки.

2001–2003 гг.

Примечания

САУ — самоходная артиллерийская установка

БТР — бронетранспортер

БМП — боевая машина пехоты

Чернокозово — следственный изолятор Минюста в Чечне, известный жесткими условиями содержания

Шахиды — террористы-смертники и в целом бойцы, принесшие клятву не щадить жизни в борьбе за исламские идеалы

"Фейсы" — сотрудники ФСБ

ГРУ — Главное разведывательное управление

ВВ — внутренние войска МВД РФ

ППСМ — патрульно-постовая служба милиции

АК — автомат Калашникова

АКСУ — автомат Калашникова складывающийся укороченный

Броник — бронежилет

УСБ — управление собственной безопасности

СОБР — специальный отряд быстрого реагирования, подразделение в составе РУБОПов до их реорганизации

ПНВ — прибор ночного видения

ВОГ — выстрел с осколочной гранатой

Подствольник — подствольный гранатомет для стрельбы

ВОГами

"Муха" — одноразовый гранатомет в раздвижном тубусе

СВД — снайперская винтовка Драгунова

ПК — пулемет Калашникова

"Маслята" — патроны

АГС — автоматический гранатомет станковый

Ханкала — пункт нахождения командования объединенной группировки войск (ОГВ) и входящей в ее состав ВОГОиП, временной объединенной группировки органов и подразделений МВД РФ

ПКВТ — пулемет Калашникова-Владимирова танковый

Шуршун — защитный камуфлированный комбинезон из синтетической ткани

ВОВД, «временник» — временный отдел внутренних дел

Зимним вечером

Ничем не примечательный наш блокпост торчал на выезде из райцентра, перекрывая грозненскую трассу. Целыми днями с рассвета до темноты, желанного комендантского часа, в обе стороны грохотал бесконечный транспорт ограбленного угнетаемого населения, разоренных организаций. Заплатанные легковушки, РАФики советских лет, забывшие о ремонте, разбитые «Икарусы» и ПАЗы, шаланды, осевшие под самыми неожиданными грузами от катушек высоковольтных кабелей до кирпича, выбранного из развалин. Военная техника составляла в этом потоке довольно скромный процент. Выжженная оккупированная земля представлялась совсем иначе — трубы спаленных хат, бредущие по дорогам беженцы с детьми на руках, замотанные в платки женщины без возрасти и ветхие старики… На счастье жителей, бомбили и обстреливали село в период войны сравнительно мало, а райцентром, именовавшимся ваххабитским гнездом, войска овладели без боя к обоюдной выгоде сторон. Вечерами светилось от дворовой лампочки решето ворот напротив, различались днем крупнокалиберные выщерблины стен и какие-то руины в поле — вот и все, что свидетельствовало о пронесшемся урагане. Тетки же и девицы среди проезжавших мимо и ждавших попуток у границ поста, где ссаживали народ колымаги местного сообщения, маршрутки и коммерческие автобусы «Базар-Газучасток», случались дай Бог, в шубах, золоте и густом макияже. Убрать наши «калаши», бетонные разгородки рядовое кавказское захолустье…

У людей шла жизнь в тех условиях, к которым они за десятилетие вынужденно привыкли. Собственные колеса в разруху стали необходимостью, подчас основным кормильцем, при независимости угнанные по стране машине стоили здесь дешево, а кустарный бензин, люто портивший двигатель и окружающий воздух, обходился того меньше. Нужды гнали селян из дому много чаще, чем в забытое мирное время, ибо в годины революций, войн и смут, при самых неспособствующих кондициях граждан будто рвет с насестов некий вихрь. Официально восстанавливаемая столица с ее конторами, органами власти и парой «вузов» втягивала ежедневно тысячи людей. Там была какая-то работа, бизнес, дела, но отсутствовали жилье, быт, многие уцелевшие обитатели воротились в родную полудеревню, и даже некоторые видные лица купили или обустроили себе здесь дома. В нашей провинции почти регулярно давались газ, свет, из

уличных колонок шла вода без нефтяной пленки и даже горели отдельные фонари.

Личные обстоятельства населения, честно говоря, трогали нас все же мало. Не только по черствости; мы сталкивались с людьми кратко, в ситуации приказа и подчинения, когда исстрадавшиеся пейзане неискренне улыбались, открывая в пятый раз за полчаса багажник, а осененные хоть какой-нибудь властью надменно вскидывали «корочку» в окно и упорно стремились объехать очередь. Полутюремная жизнь за колючей проволокой с редкими выездами на почту, однообразие, вечное принуждение кого-то к выполнению бессмысленных требований и начальственный тяжкий пресс вытомили до корней уже за первый месяц. В манерах утвердилось раздражение, вспыхивающее яростью от малейшей искры, боеспособность истачивало скрытое пьянство. И все же простаивая сутками на обрыдшей дороге, видя житье проезжающих и перебрасываясь словом-другим с настроенными лояльно, самые твердолобые начинали смутно что-то понимать. Зарождалось даже сочувствие — предмет, в службе лишний. На деле, впрочем, носившее отвлеченный характер, как к чужим бедствиям в теленовостях. Жаль бедолаг, но это их проблемы…

Созерцая в ясные дни снежные пики на горизонте с лагерно-армейской тоской, думали мы об одном: когда это кончится? Теперь понималось, отчего сменяемые нами парни мотали как с пожара без понукания, бросая шмотье, казенные простыни и даже левые боеприпасы, накопленные трудом и обычно конвертируемые у прибывших в огненную воду, «хрусты» и домашнюю жратву. Мы стойко глотали едкие выхлопы адской смеси, местной самопальной горючки, резавшей глаза, бронхи и оседавшей копотью на плащевых комбинезонах-"шуршунах", закупленных для отряда при отправке на спонсорские средства. Выбитого из мрачных спонсоров по слухам хватило бы на полярные костюмы с подогревом, где-то все эти тысячи с тушенко-сгущенками благополучно осели, но заглядывать начальству в известный отдел военное правило воспрещало. Особую ненависть вызывали КАМАЗы, жирно коптившие чистой нефтью. Выхлопное жерло крепилось у них за кабиной таким образом, что при начале движение после проверки они испускали в лицо густочайшее облако, мстя за трату времени, чинимые препятствия и обиды всех лет. Малоприятными оказывались даже выходные дни, по которым в райцентре открывался базар всечеченского, судя по количеству покупателей и негоциантов, масштаба. Утром товар везли одни, ближе к вечеру его тащили назад другие в таких же замызганных «шестерках» и «Волгах»,

маршрутках, автобусах, забитых челночными клетчатыми сумками, которые приходилось снова просматривать под страхом взыскания хотя бы внешне.

Поражали равно интенсивность торговли и первобытный ее характер: тонущий в грязи рынок с дырявым полиэтиленом над столиками, минитолкучки на всех перекрестках центральной Советской улицы, изгибавшейся от бывшего исполкома до нашей окраины с постом. Доски на ящиках вместо прилавков, пирамиды консервных банок и желтые масляные бутылки, связки привозной сухой рыбы. Стояли раритетные металлические ларьки в рыжих потеках, с козырьком-ставнем и свечой внутри по замене выбитых стекол той же пленкой. Вдоль дорог красовались скамейки и целые стенды с домашней выпечкой, изукрашенными по всем правилам кондитерского искусства пирожными и даже роскошными свадебными тортами в хрусткой прозрачной оболочке. Тут же могла стоять мочеподобная жидкость в здоровых бутылях и емкостях с брендом "дистопливо дешыво из России" на фанерках, сулившим высокое качество «импортного» товара. Подоконники домов украшали выставки-продажи сигарет, жвачек, сникерсов и напитков, включая ситро «Буратино» в стеклянной таре с той самой месяцевидной этикеткой. Она так же отклеивалась на концах и значилась оттиснутой в 1986 году, хотя могла быть с уцелевшей печатной формы. Стоил дивный напиток три рубля; разок поблевав, самые укоренелые похмельщики начинали предпочитать завозную дристную воду из пожарной цистерны — таинственные изготовители не только пренебрегали фильтровать сырье из ближайшей канавы, но и добавляли вместе с жженным сахаром что-то мало совместимое с жизнью.

Семечки, пачки "Донского табака", непривычно желтую ростовскую «Приму», пиво, осетинскую водку и дербентский «коньяк» с соответствующими наценками везли, несли и прикатывали на тележках и велосипедах прямо на пост. А подлинная река транзитного ширпотреба ежедневно текла мимо, вызывая у нестойких соблазн припасть к ней хоть на миг. Склонные к умствованиям жевали слово менталитет, достигшее самых широких серых масс: торгашество в крови. От нужды, конечно, и не так начнешь крутиться, но надо ж и склонность иметь. Даже под снегом было видно, какими сорняками заросли поля окрест. Остальные выражались проще: торгаши, воры и разбойники, у них это в крови… Термины «обезьяны» и «чурбанота» оба разряда использовали предпочтительно.

Задачей блокпостов являлась проверка транспорта и следующих на нем лиц с целью выявления запрещенных предметов, улик, боевиков и преступников, еще не находящихся в

розыске и тем паче в него объявленных, краденных машин и добра. Действенных методик выполнения отечественная военно-полицейская система так и не выработала, оставаясь на уровне копания в поклаже и пристального чтения паспортов. Впрочем, что еще выдумать; позже я видел кадры действий потенциальных союзников в захваченной арабской стране: зачистка кварталов с вытаскиванием подозреваемых на улицу под стволами, узнаваемый блок на дороге… Повеяло чем-то знакомым, почти своим. Известную сдерживающую роль сеть постов и полупассивное силовое присутствие играли, но явно не соизмеримую с их размерами, затрачиваемыми средствами и энергией людей. Реальность же исполнения обязанностей выглядела более чем убого.

На ветхом пункте регистрации граждан и транспорта, огневой точке из прохудившихся мешков с песком и шифериной сверху, лежали в грязных папках всяческие ориентировки, списки преступников и угнанных телег. База данных пещерной эпохи, так сказать. Первое время мы честно пытались заглядывать в них при изучении документов и госзнаков машин, и даже поймали одну преступную «копейку». Уложенный ретивым постовым на капот дядька с тоской тянул:

— Ви новие, да? Это моя машина, у мине ее угнали, потом вернули за денги. А тепер все врем ловят, надоело уже! Прежний ребят меня все знал, не трогал…

Было ясно, что он скорее всего не врет. В местный отдел его все-таки сдали показателей ради, но внушительно советовали:

— Так сними с учета колымагу, всем проще будет!

— Э, ходил уже, говорат — плати давай…

Просмотрев для порядку лист вождей незаконных вооруженных формирований, гордо возглавляемый изгнанным президентом, я обнаружил еще числящимся известного пахана, с шумом и помпой ликвидированного полгода назад. Отдыхая по соседству, дурила с чего-то начал шмалять из пукалки при внезапной зачистке и был смертельно ранен; добазарься он, как обычно, и по сей день ездил бы через наш же пост с удостоверением какого-нибудь начальника РОВД. Закрыв папку, я оставил ее под рукой и солидно раскрывал, когда требовалось обозначить работу.

Что до обыска транспорта, то ничего мы не находили и не пытались найти, быстро убедившись в невозможности требуемых доскональных шмонов. При возне с машиной больше трех минут возникал затор, опасный всем при любви войск к беспрепятственному проезду, задние начинали сигналить, бежали просители и крикуны, ситуация накалялась за миг. В

километровой очереди кто-то начинал выруливать и разворачиваться, задевая других, возникали свары до драк среди уже соплеменников, перераставшие в стихийные митинги протеста. Изредка подобные шоу устраивались в моменты озверения начальства, получившего наверху втык. Его гнев приходилось, как бурю, пережидать. Бог с ними нервами и суетой, все равно к вечеру на дороге все шатались без водки. Главная постовая сложность заключалась в другом. Она для краткости обозначалось местной милицией, то бишь любыми кадрами с пушкой и ксивой.

Разных крутых амбалов ездило через нас необыкновенно много, даже зампредседателя какого-то упорно существующего на бумаге совхоза гордо рулил без пиджака, обнажая сбрую плечевой кобуры. Соблюдать порядок движения и тормозить для показа документов не приходило им в голову, являясь чем-то противоестественным. Всяческие фантастические помощники депутатов, младшие юристы, инспекторы чего-то, начальники отделов учреждений, о существовании которых в системе власти никто даже не подозревал, сотрудники службы охраны правительства и лично главы республики (занявшего пост несмотря на активный плебейский антифедерализм в прошлом или благодаря ему) одевались исключительно в камуфляж и проносились мимо, небрежно вскидывая руку в полуприветствии, чаще просто дав сигнал, мигнув фарами и неизменно скалясь. При перестрелке их 7,62-миллиметровые АК прошили бы меня вместе с жилетом, для облегчения лишенным пластин, а наши пульки 5,45 ушли бы в сторону, коснувшись струи выхлопных газов. Правда, враг труднее разживался патронами, которые мы скупали цинками у солдат, меняли на спирт и даже пайковой «Беломор» с килькой. Таким образом известный смысл в разнокалиберном вооружении сил имелся, а простым стволом тут давно уже было некого пугать.

Воротясь ценой новых жертв на истерзанный клок земли, держава начала утверждаться здесь введением странного двоевластия. Даже в нашей банде, именуемой сводный отряд, не один я понимал, что любым колонизаторам, завоевателям, империалистам без местного управления на подчиненных территориях не обойтись, однако полная мешанина и несогласованность ставили в тупик всякого, кто пытался хоть что-то понять. Так, самый захудалый аул имел свой муниципалитет в лице какого-нибудь уважаемого человека с печатью, исправлявшего должность при всех режимах и принимавшего посетителей на дому без отрыва от хозяйства. Сей наркомат числился в составе вышестоящего административного органа,

глава коего без санкции коменданта района не смел чихнуть. По доброй отечественной традиции, опирающейся на мировой опыт, добытыми с бою землями по первости военные же и управляют. Милиции и прочих служб для охраны порядка в освобожденных уделах нагнали со всей страны, повелев одновременно набрать местных — какие иначе демократия, суверенитет и народоправство?

Опор у общественного строя в итоге оказалось две, между собой мало связанных и, как следовало ожидать, перманентно сползавших в противоборство. Нацкадры подчинялись к собственным управлениям министерств по республике, пришлые относились к мобильным отрядам, чему-то вроде штабов соединений, и через них — ханкалинской временной группировке органов и подразделений, ВОГОиП МВД, входившей в состав объединенной группировки войск (сил) по проведению контртеррористической операции на Северном Кавказе. Прямые и нужные любой власти полицейские функции исполняли повсеместно временные отделы внутренних дел, укомплектованные народом из самых дальних мест, от Башкирии до Владивостока. Как исчислялась надлежащая дистанция, осталось загадкой, но из соседних к примеру субъектов федерации вообще никого не слали. Деятельность созданных местных отделов покрывал густой мрак, навевавший мысли об ее практическом отсутствии. Заехавший как-то в свите начальника «временника» опер-земляк, за что-то брошенный сюда из управления розыска добивать срок, прояснить ситуацию не смог:

— Так, себя сторожат. Информацию иногда сливают.

— А вы это… взаимодействуете?

— Да, их шеф к нашему ходит на совещания, бывает, вместе пьют…

На своем блоке мы торчали в качестве рядовых бойцов, усиленные в дневное время чеченцами-контрактниками из отдельной стрелковой роты комендатуры. Местные коллеги, должностью те же постовые, разные служители вневедомственной охраны проезжали мимо на собственных авто, назначенные стеречь каких-то деятелей, объекты нефтегазового комплекса (их руины?) и энергетики…

Этой туманных задач милиции, не считая прочих силовиков и должностных лиц, спустя считанные месяцы по официальному завершению войны моталось туда-сюда неправдоподобное множество. Тихие семьянины непризывного возраста и прочий люд, прикупавший удостоверения на рынке для ускоренного пересечения КПП, в счет не шли. Они держались скромно, носили гражданку, показывали ксиву без обычного апломба и быстро

вычислялись по длинным лохмам, неточности форменных аксессуаров на фото и отсутствии элементарных служебных знаний.

— Ты в армии-то был, уважаемый?

— Нет.

— Как тебе могли сразу дать тогда сержанта, если ты месяц назад на работу поступил?

Клиент пыхтел и отмалчивался.

— Здесь вот китель должен быть, а ты в рубашке. Так и скажи — что дали, в том снялся, и не надо делать из нас дураков. Будто один такой. Ладно, езжай.

Резон сдавать их что соплеменникам, что во временный отдел напрочь отсутствовал, обыкновенно задержанные спустя некоторое время ехали через нас вновь, улыбаясь, как старым знакомым.

Зато любой юнец, заимевший бумажку о стажерстве при взводе охраны чего-то, чего он даже не успел выучить и обделенный еще казенным оружием, летел по встречной полосе в объезд очереди, всех наших знаков, шлагбаумов и бетонных чушек. Остановленный пальбой в воздух, он с праведным гневом и невыразимым презрением вопрошал, открыв дверь:

— Че такое? Ты же видишь, че свой!

Коллеги постарше в набитых мужчинской всячиной разгрузках, увешанные железом до зубов, могли выскочить из ландо всей кодлой, мигом грамотно окружить, не застя друг другу линий огня. АК с семидесятипатронными «улитками» на согнутых локтях ненавязчиво смотрели нам в область грудных клеток.

— Что случилось? Мы — республиканский ОМОН, а вам чего надо?

Ссылка на указание верхов до командующего группировкой включительно досматривать весь транспорт и особенно служебный местный впечатления не производила.

— Покажи сюда твое указание? С комендантом мы за руку здороваемся, он такого приказа не отдавал и нам вообще никто. Вы тут херней страдаете, бабки стрижете, а у нас операция сегодня. Зови старшего, а я сейчас доложу наверх, из-за чего мы опаздываем!

На свет являлась рация со сканнером, имитировалось нажимание кнопок. От машин стягивался народ, устав ждать, подъезжали другие бойцы правопорядка, тотчас присоединяясь к сотоварищам. Парни на другом конце поста, видя неладное, перекрывали движение, поверх опоясывавших блок укреплений возникали стволы кем-то поднятого резерва, с вышки лязгал

затвором просунутый сквозь дырявую массеть пулемет.

Обстановка разряжалась обычно неохотным выползанием из фортеции наших рулевых. Никаких бумаг и внятных легитимных установок насчет проверки служащих органов не было, и туманное поминание обязанностей наряда парировалось заявлениями о директиве самого главного начальства беспрепятственно пропускать всех силовиков.

Директоры пробовали бычиться раз-другой с вызовом подкреплений и бранью в лицо, загоняя противостояние на грань стрельбы. Но прибывавшие на разборку паханы сводили его к рукопожатиям с авторитетами другой стороны, "мои ребята погорячились, но и ты не прав". Ситуация изначальна являлась тупиковой, что признавали таким образом де-факто самые киношно хрипатые бугры из комендатур и даже ханкалинских управлений. Посему наши отцы, построжившись для видимости, приказывали записать номера строптивцев — сообщим куда следует, и усмехающиеся братки по классу сматывались восвояси, а мы возвращались к повседневным задачам.

На разводах, в свете чуть разгорающегося стылого утра, зачитывались поступившие ориентировки. Внимание неизменно заострялось на розыске преступников и боевиков, успевших послужить новой власти либо располагающих документами сотрудников милиции. "Вот они гады какие, сплошь дудаевцы и исламисты! Давить их всех надо, а вы жалеете…" Жалостью считалась либеральность к коллегам, снисхождение к пожилым людям, теткам и прочему угнетенному большинству, а также случаи явной халатности, доходившей моментами до саботажа. Привозимые из мобильного отряда, «временника» и комендатуры сообщения об инцидентах на блоках, стрельбе и жертвах с обеих сторон отчего-то лишь разогревали показное рвение начальства. Чужой опыт не шел им впрок, заставляя осмыслить целесообразность строгих мер и возможные последствия ввиду близившегося отъезда.

Нашим завхозам не хватало разума, сил и мужества держать пресс многочисленных генералов, руководителей, проверяющих, немилосердно и постоянно дравших их. Вылез — терпи, плетью не гнали, но они, как жидкость в поршне, лишь передавали давление вниз, чего система от них и требовала. Механика осложнялась подчиненьем разным инстанциям, главным из которых нередко оказывалась ведомственно чуждая нам комендатура. Посему в очередной раз мало кто обратил внимания на рядовое зачитывание:

— …Задержать автомашину ВАЗ-2106 белого цвета госзнак С645КХ 95-го региона, в которой может находиться сотрудник

милиции Арсаев Юнади Саламбекович либо преступник, имеющий документы на его имя. Соблюдать осторожность ввиду наличия у него оружия, в случае задержания сообщить на «Утес».

Это был радиопозывной комендатуры. Формально ловлей кого-либо с рассылкой сыскных листов занимались ОВД, куда отправляли всех пойманных, исходить же требования по уголовным делам либо оперативная информация могли откуда угодно из сети подразделений и служб, опутавших край тотчас по его замирению. Бытие власти для самой себя, а не упорядочения и облегчения народной жизни, отчетливо демонстрировалось здесь наличием бесчисленных структур управления населением, половина которого голодала. До розыска же какой-то машины нам откровенно было мало дела. Высматривать ее до пучения глаз вряд ли кто собирался, ибо только идиот, натворив что-то, поедет открыто через посты…

К концу первой смены, когда наплыв ослаб, я глянул в ориентировки, иметь представление на случай проверок. Когда зевота рвет пасть, тяжко запоминать что-либо, не больно и хотелось, но лишних нареканий старался избегать. В конце была подколота утренняя, ксерокопированный листок с ручным текстом косыми печатными буквами; «временник» и то шлепал цидулы на компе и почти без ошибок. Организация на нуле, а командиров… Вспомнился крик вечером раньше в эфире, запойный начштаб после кому-то говорил: разведка гоняла по темноте белую «шестеру», да упустила. Местные полицаи, кстати, вполне могли ехать поздно со службы и не остановиться средь чиста поля или развалин на сигнал военных, периодически ставивших выдвижные посты — замашки у тех были далеки от светских, а любой чех только враг. Оккупационные будни, хотя нам что…

Сутки прошли непримечательно и обыкновенно. Кого-то для проформы взяли в плен за просроченную справку взамен паспорта, сгинувшего в пекле войны, одного бойца сняли с поста бухим. Ненастный отсыпной день тек вяло, всяк шедший толкал наши средние нары в тесноте, сосед лазал туда-сюда на верх, кряхтя и ругаясь. Долбанный телевизор показывал очередное ток-шоу, рванный сон окутывал и исчезал от шума. Погода нежданно скакнула в оттепель, шел мокрый снег, вылазить никуда не хотелось. Начальство уже не принуждало трудиться в выходные, хотя быстро сдававшие под открытым небом хлорвиниловые мешки тихо сыпались, а столбы с колючей проволокой, врытые нами же в начале срока, угрожающе кренились. Грял дембель-избавитель, опутывая всех ленивой неохотой издалека.

День же следующий не задался прямо с утра. Невесть зачем в

полвосьмого на Грозный промчался комендантский кортеж, углядев какие-то нарушения, босс выскочил из «Волги», обложил криком в обычной манере стоявших и приказал звать ответственного. Тот мирно дрых с полуночи, озверевший генерал затребовал командира отряда, редко вставшего раньше девяти. Не дождавшись, красный от ярости комендант ворвался на блок, прямо в офицерский кубрик, и застал нашего маршала в сиреневых кальсонах, еле продравшего от стуков посыльных глаза. Все очухавшиеся прыснули куда могли, но вопли слышались даже на посту. Последовали репрессии, виновный личный состав до обеда собирал мусор, выкладывал кирпичную дорожку по грязи и рыл сточную канаву. С нарядом торчал на дороге весь день комвзвод по кличке Даун, в основной службе выше старшего опера так и не поднявшийся. Избежавший армии, здесь он раскрылся в полный рост, заменяя ефрейторской придирчивостью отсутствие способности мыслить и выдвинуться хоть куда-то силой иных качеств. Ухватки слободской шпаны при комплекции среднего бегемота кричали о пропавшем месте в бандшайке, может, не взяли когда-то за скудоумие, только в милицию и осталось идти… Он ревностно бдил за нами, ел мозг до сумерек, когда поток машин иссяк, и лишь тогда ушествовал с чувством выполненного долга, обещав всю ночь проверять нашу боеготовность. Это слово мы не могли слышать без плевков; днем по рации ввели "Стоп колеса", народ покричал и разъехался, царило относительное спокойствие, но явились три машины чеченского СОБРа и потребовали их пропустить, размахивая боевым распоряжением с подписью грозненского коменданта. Даун вылез из столовой как был, без шапки, с маслянистыми губами, изучил бумагу и важно заявил хриплым басом:

— Мне это не указ. Дорога з а к р ы т а д л я в с е х!

Напрасно здоровый улыбчивый мужик, главный у собровцев, перед явным боевым опытом (не важно, на чьей стороне) которого Даун выглядел щенком, пробовал втолковать, что один комендант не может знать приказов другого, равного по должности, и для этого сотрудникам выдается документ установленного образца. Мерзший в свитере и калошах, привезенных по чьему-то совету вместо резиновых сапог, Даун гороподобно стоял на своем.

— А если сейчас откроем сами и поедем, что сделаешь? — двинулся вперед потерявший терпение крепыш с пулеметом, кладя ладонь на шлагбаум.

И оставивший где-то даже знаменитый ремень с патронташем для ВОГов, гранатными подсумками и командирским «Макаровым», общим весом на полпуда, Даун заявил, вздернув

голову:

— Буду стрелять!

Плюнув, чехи развернулись и полетели в сторону объездной дороги. Гордый собой, Даун вернулся к прерванной трапезе. Мы с напарником вытерли пот толпа изрешетила бы нас и умчалась раньше, чем кто-то успел бы отщелкнуть предохранитель…

Среди гама кубрика невозможно было отдохнуть в законные два часа между сменами. Вяло собираясь на пост, я краем глаза поглядывал на экран, вольный народ с нездоровой погруженностью созерцал ширпотребный бовик. Молчавшая в углу рация вдруг ожила:

— "Кондор", «Кондор», выйди срочно на «первый»!

Первым числился блок, хотя других постов не было. Выбравший изначально звучный позывной Даун нехотя зашевелился на койке, где возлежал в спортивных брюках и носках. Рация заторопила:

— "Кондор" — «первому», пожалуйста быстрее! Как принял нас?

— Слышу, слышу, — проворчал он в персональный «Кенвуд», накидывая куртку и вываливаясь за дверь. — Пернуть сами не могут, все командир нужен, мля…

Хотя вечно требовал докладывать ему обо всем и спаси Бог избегать самовольства.

Я натягивал ватные штаны, когда в наш барак заглянул кто-то из второго отделения и крикнул:

— Заступающая смена, бегом на пост! Вас Жорж зовет, сказал быть мигом.

Так на самом деле звали Дауна-грифа. Чертыхаясь (задержали кого-то или разборка с проезжающими, как пить дать), мы сгреблись, застегивая на ходу разгрузки, пихая кого-то прикладами, и потопали в холодную тьму. У шлагбаума, к нашему удивлению, никого не оказалось. "Эгей!" — окликнули с перекрестка, куда не добивал единственный на всю округу фонарь, возрожденный при блоке усилиями старшины и негусто освещавший круг выщербленного асфальта под собой. Подойдя, мы разглядели у крайних ворот Муху с Борей, которых должны были сменить, Дауна и двух чеченцев-парней в камуфляже и вязанных шапочках у белых «Жигулей». Преобразившийся Жорж что-то втирал ближнему, деланно хихикая и скалясь. Раздраженный перспективой топтать снег на целую четверть часа дольше, я хмуро бросил Мухе:

— Ну, что тут?

Молчаливый Борис пожал плечами, а Мухин начал делать какие-то знаки, кивая исподволь на местных. Когда я снова

открыл рот, он потянул меня назад и зашептал:

— На номер смотри — это та «шестера».

— Какая?

— Тише, та самая, в розыске, позавчера на разводе читали. Стоим себе, вдруг кто-то к Адиле приехал. Бор говорит — давай глянем, подходим ближе, и опа-на…

Борис регулярно писал себе на листок данные разыскиваемых людей и транспорта, сверяя затем при проверке. Отличаясь редкой исполнительностью, он сыскал притом немилость шефа, ответив на вопли по поводу не высаженной из автобуса бабки: "Я не оккупант", и с тех пор ходил в штрафниках. Хотя добросовестнее и честнее его среди нашего сброда не имелось.

Жившая в этом доме Адиля, муж которой то ли погиб или пропал без вести в первую войну, то ли пребывал неизвестно где, тянула многочисленную семью и родственников на доходы от ларька, стоявшего по другую сторону улицы. Бойцы отоваривались у нее сигаретной мелочью, пивом и бодяжной водкой. Официально торговля спиртным, как и употребление его военнослужащими объединенной группировки, к которым мы приравнивались, строго воспрещалось. Бутылки уносили за пазухой или в штанах, и кособокие семенящие фигуры издалека обличали преступную цель похода "за спичками". Издержавшиеся несли к ней пятнистую спонсорскую форму, обувь, мелкое отрядное имущество, пайковые и стащенные из кухни продукты, накупленное поперву невесомое турецкое золото. Ради мирных отношений Адиля верила в долг, часто без отдачи. Жаждя, парни бегали к ней ночью домой, иногда сталкиваясь с другими гостями и посетителями. Кому и чем она платила за прибыльный бизнес, кто подруливал к воротам поздними вечерами, их не парило — есть маркитантка, и хорошо. "Мы кровь чью-то пьем или оружие толкаем? Военные тайны сдаем? Да про нас и так все все знают, чих-пых их «фейсов» и всяких там партизан…" А Борис вновь проявил рвение и служебную принципиальность.

— …Тот, что выше — Арсаев.

— Имя-отчество совпадают?

— Нет, ну и что? Брат, родственник какой-нибудь. Один пес надо сдать, раз уж повязали.

— Машина его?

— Нет, того, кто в розыске. Доверка есть.

— Хрень полная… А второй кто?

— Просто друг вроде, — Муха утер перчаткой нос. — Говорит, его дядя министр какой-то, что ли. Оба в каком-то грозненском отделе числятся, а сами «телки» при этом папике, ездят с ним охраняют.

Дело переставало мне нравиться совсем.

— Коллеги, получается? Вроде как своих сдаем, а им звезды однозначно вкатят, виноват ли, нет.

— Какие они нам свои, все бандиты…

— Оружие при них есть?

— Пистолеты, заставили на сидение положить.

— А сюда они чего приехали, по то, за чем наши ходят?

— Ну.

Даун стоял с чехами один, мы толклись поодаль, и я шагнул ближе, чтобы не уклоняться от неприятной процедуры задержания коллег, тем паче вооруженных. Как ни что, в бою будь рядом, и коль геморрой начался, вилять недостойно. Даун, пользуясь этим, забубнил по дежурной рации, настроенной на боевой канал:

— "Казбек", «Казбек», скоро у нас? Очень ждем, ускорьтесь, если можно!

— Пошли, пошли к вам колесики, — просипел далекий металлический голос. — Помним о вас.

Опершись на капот, сухощавый рослый парень с открытым лицом поинтересовался:

— Ребята, а в чем дело хоть? Все время останавливают, проверяют, забирают оружие, уже надоело. Мы ведь такие же, как вы, разве нет?

Говорил он чисто, почти без акцента, что было здесь редким — видимо, жил в России. Второй закурил сигарету, предложив сперва Дауну и мне. Я отказался, тот взял и уклончиво ответил:

— Не знаем. Сказали доставлять сейчас всех, кто приезжает по вечерам, наверно, провинилась чем-то Адиля. Проверят, отпустят. — В голосе его звучала неискренность. — О, никак едут!

Послышался нарастающий гул моторов, вспыхнул стремительно приближавшийся свет. Два БТРа подлетели на скорости, ослепив всех яркими круглыми фарами, с визгом развернулись и замерли в ряд. С брони посыпались одинаковые, как из набора, коротыши в вылинявших комбезах и шапках-масках. Глаза блестели в прорезях, точно у ниндзь. Только старший оказался длинным, худым и сутулым, с острым хищным носом и оспинами на щеках. Быстро выслушав Дауна, он бросил чеченцам:

— Документы!

Смолкшие парни вытащили удостоверения, техпаспорт «Жигулей». Изучив их в свете фонарика, остроносый приказал своим:

— Взять.

Ниндзи тотчас окружили чеченцев, тыкая стволами и разворачивая лицом к «шестерке».

— Руки на капот! Брось сигарету! Ноги раздвинул, шире, смотреть вниз!

Ошарашенный не меньше нашего Даун топтался возле командира таинственной группы. Сунув ксивы в карман, тот подошел к чеченцам, о чем-то спросил одного, другого и скомандовал:

— В трюм!

Его бойцы, круто вывернув парням руки, бегом потащили их к транспортерам. Вмиг откинув дверцы боковых лазов, запинали внутрь, кто-то втиснулся следом, остальные прыгнули наверх. Двое сели в машину, где остался ключ зажигания, пристроились за первым БТРом. Старший отозвал Дауна, долетели обрывки фраз: "…дядя… А второй что? Ну и все тогда…". Затем он влез на броню, что-то сказал в люк водителю, и маленькая колонна рванула в сторону обрамлявшей боковую дорогу лесополосы.

Мы безмолвно проводили их взглядом. Стряхивая оцепенение, Даун отхаркнулся и гуще обычного пробасил:

— Слышь, пацаны, тут никого не было, мы ниче не видали. Врубаетесь? Не слышу — сечете, бойцы?

— Да уж… — Муха простужено ушел в шарф по уши. Глаза у него нервно помаргивали.

Медленно двигаясь к посту, я наконец пришел в себя:

— А кто это были?

За пленными приезжал обычно временный отдел, заставляя ждать по часу и больше, но с гражданскими и тем паче разными служащими обращались более-менее корректно, время не то. Только что виденное повергло в недоумение и оставило скверный осадок.

— Разведка комендантская, — к Дауну возвращался уверенный тон.

— Почему разведка?.. — начал я, пытаясь собрать мысли.

Даун оборвал меня:

— Все, кончили базарить. Кто сменился — на отдых, а вы несите службу как положено, буду проверять. Муха, если опять нажрешься ночью, башку сверну. Понял?

Бормоча "а че я", тот первый затрусил к блоку. Взяв фонарь, Даун слазил в дот-регистрацию, повозился там и наконец ушел, пообещав нас регулярно навещать. Отработавший пару лет в одном с ним отделе мой напарник, опер Саня, хмыкнул вслед.

— Не нравится мне все это, Александр Васильич, — поделился я мыслями. Трогаясь потихоньку умом в этом театре абсурда, мы величали с ним друг друга по отчеству. — Маски-шоу

какое-то…

— Влипли, — бесстрстно констатировал он.

— Точно, попали бедные чехи. Отметелят их — мама, не горюй.

— Почему чехи? Все влипли. — Саня что-то уже просчитал и говорил в обычной манере, взвешенно и трезво.

— Мы-то причем?

— Куда их, по-твоему, увезли?

— Да ну… Не может быть, что ты! — я боялся озвучить догадку, подкатывавшую мутной волной. — Надо ж разобраться, информацию вытащить в конце концов, если замешаны в чем-то, но не… так сразу…

— Посмотрим.

Саня был здесь солдатом в первую войну и ко многому относился спокойнее, деятельность тоже накладывала отпечаток. Соображал в раскладах с мульками он тоже быстрее, но и я работал в системе не один год. Мысли как магнитом утянуло в другом направлении:

— Черт, видел их кто-нибудь? Приехали-то к Адиле.

— Ее дома нет, я у Бори спрашивал. Чехи ждали, наверное, вот и задержались на свою голову. Дай Бог, чтобы обошлось, но ты же сам видел…

Меня начал пробирать холодок.

— Кстати, а с чего комендатура приехала?

— Хрен знает. А, так дербил же при нас кричал их, значит, было заряжено или «временник» стрелки перевел. Сведения по этой машине вообще откуда взялись?

— На разводе читали. В папке ориентировок что-то лежать должно…

Разыскав в бункере мятый скоросшиватель с покоробленными влагой листами, мы несколько раз просмотрели содержимое взад и вперед. Искомый лист отсутствовал.

— Даун вырвал. Типа замел след, — Саня погасил узкий, обтянутый камуфлированной резиной фонарик. — Блин, надо иногда слушать, что по утрам трендят.

Мы начали выхаживать по обычаю вдоль бетонной ограды, чтобы не закоченеть, повесив «весла» на грудь. Я вспоминал:

— Там и не ориентировка была, так, писуля ксероксная.

— Кто инициатор розыска?

— Внизу было… сейчас, вспомню зрительно — точно, в случае задержания сообщить на «Казбек»!

— Ясно. В общем, как у нас, надо кого-то поймать, а нет формальных оснований — липовый розыск через друзей засылаешь или просишь начальника подписать. Получила

разведка информацию на чела с тачкой или просто счеты какие-то свести, пульнули от себя маляву его куканить и щемить. Второй, может, не при делах, да судьба злая, карта не так легла — свидетель. В Чернокозово, думаю, их вряд ли повезут, короче — девяносто пять целых вероятности…

В это время на юге полыхнуло зарницей, донесся приглушенный расстоянием взрыв. Мы замерли, обернувшись. Саша первым нарушил молчание:

— Все. Сто и один процент…

На следующий день наш ком ездил в комендатуру и «временник», откуда вернулся мрачный. Запершись с Дауном, долго что-то рядили, вызывали Мухина и Борю. Вышли они невеселые, до нас с Саней очередь почему-то не дошла. Друг к другу никто не лез, Муха на невысказанный вопрос промямлил:

— Ничего не видели, ничего не знаем…

И, обругавшись, тяжело вздохнул.

— Другого от наших завхозов я и не ожидал, — подытожил Васильич, направляясь курить.

От чеченских стрелков, заступивших со вторым отделением на пост, уже было известно, что за селом нашли обгорелый ВАЗ с телами двух местных милиционеров. Всех подняли на ноги, потому что родственник одного занимал крупную должность в правительстве, а погибшие состояли в его личной охране. Убийц поклялись найти, из Грозного наехали всякие бугры для выражения соболезнований и организации действий.

Забравшись на пустую днем наблюдательную вышку, срубик в три венца поверх бани, мы с Саней обмозговывали перспективы. Я не видел лучшего, чем принять официальную версию и в случае прижима тупо стоять на ней. Глухая несознанка — вещь топорно-надежная, в дрянной ситуации хитрить сложнее. Друг мудрил, оперски просчитывая ходы:

— Поднять это дерьмо, как реально было- два пальца об асфальт, элементарно. За любой конец дерни, а копать начнут, раскрутится все за милую душу. Найдут свидетелей, сличат показания, не одни ж простофили у них там, и Даун первый развалится, потечет, как тухлятина. Он насквозь деревянный, а менты вообще быстро сыпятся, кто с оперативно-следственной деятельностью плохо не знаком, психика косная, вживаются полностью в доминирующую роль. Попадают на допрос к опытному волку, почва выбита из-под ног, и в слезы через полчаса… Кстати, здесь в прокуратуре наши командированные или уже свои?

— Может, рулят союзные, но аборигены точно есть. Через нас их сколько ездит с ксивами, треть хоть настоящими должна быть.

— Хрен с ними, думаю, мы с тобой в любом случае не причем. Опоздали на пост немного, фильм хотелось досмотреть, все подтвердят, ну и как-то проворонили все. Когда пришли, никого не было, с упырями нашими разговоров ни о чем не вели. Сменили, и те ушли себе, а чего нам. Расхождение по времени пять-десять минут, отчасти так и было, полуправда — лучшая ложь. Будем держаться этой версии, только языки надо подвязать, особенно Мухе. Хотя знают двое — знает свинья…

Вечером в кубарь приперлись друзья-алкаши начштаб и повар Андрюхой, сопровождавшие в поездке командира, таща кассету. Подружившись с кем-то через пузырь, задастый начштаб Колунов переписывал во «временнике» съемки тамошних сыскарей — трупы боевиков, задержания, допросы, ликвидация схронов, выезд на подрыв, где от припавшего на сорванное колесо УАЗа волокут кричащего раненого без ноги, а у машины лежит скорченное неподвижное тело. Видак стоял у нас, и бывший интернационалист Кол, пополнив свою дикую коллекцию, неизменно спешил к нам.

— Братва, че мне пацаны слили, покажу счас, вырубайте на… эту бодягу!

Прокручивая знакомые уже старые кадры, он долго не мог попасть на нужное место. В конце концов справился.

— Все, тихо!

На экране возникло кочковатое поле с рощицей на горизонте и недальними развалинами. Медленно описав полукруг, глаз камеры сфокусировался на искореженном обгоревшем каркасе легковушки у обочины дороги. Сорванную дверцу тащит за ручку из канавы усач в серой форме с подсумком на ремне. Крупным планом смятый, как лист бумаги, госзнак, погнутый овальный жетон "МВД России" с личным номером на чьей-то ладони. Объектив заглядывает в то, что раньше было салоном: мешанина клочьев, гарь, остатки завалившихся кресел с двумя обугленными телами в характерной «боксерской» позе. Снова общий план, по рытвинам и кустам бродят разномастно экипированные милиционеры, высматривая что-то под ногами. Вид машины издали, рядом с ней несколько человек, один пишет, держа черную папку на весу, другой щелкает фотоаппаратом. Слева два УАЗика, «Жигули», БТР. Сцена ныряет вбок, рябит компьютерным ценником и гаснет.

Дальше полутемно, внутренность большого дома. Снимавший что-то подстраивает, точно камере после улицы нужно привыкнуть, изображение несколько проясняется и светлеет. Мужчины на лавках вдоль стен, старики в папахах, слышен женский вой и причитания на чеченском языке. Начальник

«временника» Сайфутдинов медленно жмет руки полному господину в норковой шапке и расстегнутом пальто, под которым видны пиджак с галстуком, вечно припухшее лицо полковника необычно серьезно. Голосов за плачем не слышно, чувствуется общее напряжение. Двор, Сайфутдинов окружен женщинами в темной одежде, передняя рвет на себе волосы, царапает до крови лицо, ее силой уводят. Остальные кричат, размахивают руками, готовые вцепиться в шефа милиции. Подняв успокаивающе ладони, он чуть сдает назад и пытается возвысить голос: "Сделаем все для того, чтобы… Беру под личный контроль, подонки будут найдены… заслуженное наказание". Автоматчики потихоньку начинают оттирать толпу, высвобождая проход. Начальник садится в «Волгу», за которой торчат немытые дети. Один что-то говорит, все прыскают, самый мелкий ковыряет в носу, сосет тот же палец и начинает дергать за руку сестренку. Президентский кортеж трогается, Колунов жмет пульт. Сеанс окончен.

— Это их разведка замочила? — нарушил кто-то молчание с задних коек.

— Какая разведка? — лениво протянул Кол, довольный собой, точно лично участвовал в ликвидации. — Не сморозь где-нибудь. Боевики они были, как все менты здешние. Позырим еще раз?

Он запустил перемотку среди гама "ну его, там Ван Дамм!", "не, давай этот ужастик из гущи жизни". Перешагивая через ноги, я выбрался на улицу. Морозно обнаженное небо дохнуло колким мерцанием. За баней у сточного рва, который мы долбили весь ноябрь под оборонительную траншею, качался мутноглазый Андрюха, справляя нужду. Подобные действия запрещали равно начальство и понятия общака, но он обладал иммунитетом к любым требованиям и нормам.

— Огонь есть? А, ты, некурящий.

Застегнув штаны, повар начал рыться в карманах, выронил из губ папиросу и с матерным бурчанием вынул из рваной пачки другую, болезненно согнутую, точно ревматизмом. Поймав наконец прозрачную зажигалку, с третьей попытки высек искру и неглубоко затянулся.

— Хочешь скажу, как на самом деле было? Мне во «временнике» опер, зема наш, рассказал, только ты дальше не звони. Разведка стала после комендантского часа в засаде на дороге, где бензин возят, а тут эти на своей «шестере» прут. Опоздали и не хотели без предписания ехать через посты, вроде так сейчас выясняется. Им очередь перед капотом, они по газам — а что еще делать на их месте, если ночью в едренях тормозят? Пока разведка свои гробы из кустов вытаскивала, оторвались и

через заулки на окраине ушли.

Табак из обслюнявленного кончика попал в рот, Андрюха закашлялся и долго плевался:

— Вот гадость делают…

— Бери другие. А то не можешь себе позволить, мафия тыловая?

— Не, уже не могу. Последнее с Колом Адиле продали… Да, так вот. Раз свалили — значит, боевики. Пробили регистрацию — машинка на каком-то менте числится, который служит аж в Шелковской. Разведка поставила от себя в розыск «шестеру» с его данными, а он дальний родственник того парня, что был за рулем, продал ему по доверке. Вообще тоже мне разведчики, потрясли бы село и нашли сразу, те ведь не прятались — ну, съе…сь от кого-то ночью, и что.

— Нет, брат кашевар, так не делается, — больший опыт позволял мне судить о том, чего постовой по основной должности кок не знал. — Если координат нет, проще нахлобучивать чужими руками, заслать какой-нибудь липовый вшивый листок. Адрес хлопают, когда точно выяснено, что нужное там человек, имущество, иначе спугнешь. Ты скажи, на кой парней завалили?

Андрюха хмыкнул:

— Просто идиоты. Чтоб неповадно было. Не разбираются долго, бах — и все, а теперь комендатура с «временником» на ушах стоит. У одного пацана отец или кто там шишка чешский, будет теперь всем по самое никуда. Хотя разведка живых в принципе не выпускает, такая контора, сам знаешь, и правильно: по законам что-то делать, так все боевики пойманные завтра будут на воле гулять. Может, они бандосы правда были. Гули базарить, война.

— Ага, лес рубят — щепки летят.

— Че, не так, что ли? Ладно, не парься. Выпить хочешь?

— Нет.

— Тогда бывай. Пойду я, дела…

Хмурое небо с утра словно таило в себе угрозу. Сельские овцы паслись вдали от проволочных заграждений, куда лезли обычно за уцелевшей травой и застревали, жалобно блея, добрый приблудный щенок Ваха (названный не для унижения чеченского имени, а от термина ваххабист, как фонетировали его в большинстве коллеги), вечно болтавшийся под ногами, исчез напрочь. Мы только вышли во вторую смену, как на перекресток вылетели две «Нивы» с тонированными стеклами и маяками, без номеров, следом выкатил гаишный «Форд», какие встречались лишь в Грозном. Бородачи в синих камуфляжах мигом перекрыли движение, не обращая на нас внимания. У двух или трех были

маленькие спецавтоматы, при надобности складывающиеся в брикет и похожие издали на игрушки. К нам подошел дэпээсник средних лет с обыкновенным «Калашниковым», из старых — под дерматиновой курткой виднелся китель упраздненного образца с алыми петлицами. Поздоровавшись за руку, объяснил:

— Парнишек хоронят, которых вчера убили, сейчас повезут. Оба в милиции работали, отличные ребята, против боевиков стояли. Старшего я знал, у него дядя зампредседателя совета министров, вместо отца вырастил, того бородатые козлы еще в первую войну застрелили, когда власть держали здесь. Большие люди приехали, с комендантом все договорено, чтоб колонну пропустили, охранять будут до кладбища и назад.

— А второй парень кто был?

— Друг, кентовались с детства, поехали куда-то вместе после работы, сказали матери — вернемся через полчаса. Вчера пастух гнал стадо за старой мельницей, увидел сгоревшую машину, сказал проезжавшим, они в милицию передали. Из временного отдела примчались, нашли жетоны, сразу установили, кто такие…

— Подозревают кого-нибудь?

Гаишник сплюнул.

— Х… знает. Говорят, солдат видели на БТРах. Сколько убивают всех, забирают из дома — проверка документов, и пропадают люди, находят потом без голов, без рук-ног…Будут выяснять.

Мы с Саней исподволь переглянулись.

— А не боевики взорвали? За дядю, что сами в милиции служат? Случайно на фугас попасть не могли?

— Что им там делать было ночью, черт-те где? А фугас — не гвоздь на дороге, его просто так не ловят. Хотя все может быть, — гаишник замолк.

Издали послышалось нараставшее пение, и вскоре на перекресток вышла процессия. Возглавлявшие ее старцы, одновременно взбрасывая палки, как лес сабель, с быстрым шагом речитативно выкрикивали что-то вроде молитвы. Папахи некоторых обвивали белые и зеленые ленты. Дохнуло чем-то из Кавказской войны; следом на плечах мужчин плыли носилки с телами, зашитыми в бурки и обернутыми в темные ковры. Кто-то из наших купил такие же, прельстившись дешевизной, и еле спихнул назад, узнав, для чего их обычно используют и что у могил, бывает, малосостоятельные родственники снимают покровы, возвращая в обиход, а то и на рынок. Этим двум парням такая участь явно не грозила, обычно же покойных везли мимо нас просто в шерстяных одеялах, стремясь без задержки предать

тела земле по требованиям шариата. За носилками шли остальные мужчины, в задних рядах молодежь. Женщин не было.

Толпа заполнила дорогу, остановившись, скорбный груз поставили в обогнавшие ее грузовики с откинутыми кормовыми бортами, куда влезли следом парни покрепче. Старики взошли в «Икарус», остальные заполнили разбитые ПАЗики и «Кубани», пацанам и не поместившимся достался еще один ЗИЛ. За импровизированными катафалками протянулась вереница машин, опустивших стекла, возглавляемая несколькими джипами и черным «мерсом». Вся эта мощь, спаянная воедино на момент общим чувством, производила гнетущее впечатление.

Проезжая мимо, народ, особенно молодежь, смотрел на нас с явной угрозой и даже ненавистью, но хранил молчание. Гаишник здоровался с самыми уважаемыми — "салам, алейкум-ва-салам", прикладывая руку к сердцу. АК он бросил за плечо. Мы стояли рядом, не отводя взгляд. Ощущал я себя скверно, хотя не видел своей вины свыше той, что служил в паскудной системе. На месте Бори я никуда бы не полез, сторонясь по возможности сатанинской игры, где битой картой в очередной раз стала чья-то жизнь. Имитируй отправление дурацких обязанностей и жди дембеля, а там… Вместе с тем Борис просто ответственно исполнял свои полицейские задачи — следить, проверять, как и должен поступать честный сотрудник, был по-своему прав и не мог знать, чем рядовое "ваши документы" обернется. Приказ сверху обязателен к исполнению, а квалифицировать его преступность нам не дано…

Когда последние автомобили миновали шлагбаум, бородачи и гаишный «Форд» с новым знакомым умчались вслед. Минут через сорок-пятьдесят кавалькада проследовала обратно. Потянулись томительные часы. Начальство не лезло к нам, впервые озабоченное серьезной проблемой, и мы досматривали повозки странствующих кое-как, через пять на десятую. Все чего-то ждали.

В перерыв Муха сбегал к Адиле, с которой имел налаженную товарно-денежную связь. До личных близостей дело тут не доходило, хотя истомленные голодом бойцы кинулись бы на кого угодно. Вернулся сникший: к ней уже приезжали и взяли в крутой оборот, хотя она-то была на другом конце улицы у родственницы. Тем вечером к дядькам с машиной вышла ее старшая дочь, сказала — мамы нет, больше домашние ничего не знали, за дверь нос не высовывали. Мало ли кто по ночам ездит. Адиля твердила, что она не причем, но была взвинчена, рано закрыла ларек и просила домой к ней больше не ходить, торговля в рабочее время по закону, из киоска. Показания дочки записал следователь

прокуратуры, самой ей велел никуда из села не выезжать. Как ни верти, получалось, что погибших видели последний раз возле ее дома и нашего блокпоста.

Началось время мучительной неизвестности и высчитывания минут до конца срока командировки. Борис внешне не изменился, но стал еще молчаливее. Авторитет пробовавшего иногда петушиться Дауна окончательно пал в глазах общественности, хотя здесь-то он вряд ли был чем-либо виноват, его почти не слушали, а рявкать он больше не смел. Получалось, он как бы не сумел что-то сделать, выйти из ситуации и накликал беду на отряд. Муха ушел в запой, однако на это смотрели сквозь пальцы. Происшествие старались не поминать, хотя о нем знали в деталях уже все на блоке и жили в постоянной тревоге, выгадывании ответных мер.

Было строжайше запрещено покидать пункт временной дислокации, как официально именовался наш форт, без крайней необходимости, личного разрешения шефа и записи в книгу увольнений. Бегавший тайком к шашлычнику Леме, с которым искренне, хотя и небескорыстно сдружился, участковый по фамилии Злачевский, польской, как он утверждал, принес следующую весть: три дня в домах погибших будут стоять накрытые столы, заходи любой, ешь, пей (он глотнул мечтательно) сколько хочешь, поминай ребят, а потом…

— Что потом?

— Старики будут думать, решать, назначать виновных.

Контактировавший по делу с надомным автослесарем Мусой водитель Коля, сорокалетний крепыш метрового роста, эти сведения в общих чертах подтвердил. Тучи над нами явно сгущались.

Я не боялся смерти. В атмосфере вечного напряжения, почти бешенства, рождаемого дурацкой службой, стесненными ненормально условиями и обстановкой полувойны она действительно отступала, теряла величественно-жуткий образ. Смерть была рядом, через нас возили тяжело раненых в стычках, подорвавшихся на фугасах и ржавых минах, данные о потерях по боевому каналу передавали в Ханкалу, но в возможность собственного конца никто не верил. И все же накрыться глупо, за чужие грехи, получив очередь из мчащегося автомобиля, взлететь с оставленным поодаль грузовиком, словить пулю ночного снайпера не хотелось. На душе при этом было крайне тяжело. Так или иначе, я оказался замешан в грязной кровавой истории, обжегшей своей заурядной жестокостью, обходившей нас прежде и воспринимавшейся отвлеченно. Толком не выяснилось, было ли что-нибудь за парнями, и случившееся являлось не борьбой, а

подлым убийством.

Муху наградили почетным, не положенным нам по статусу знаком "Лучший сотрудник специальных подразделений", выхлопотанным шефом в основном себе и прихвостням. Даун получал все отличия автоматом, мы с Василичем не пользовались благосклонностью верхов и вообще были маргиналами в здешней кодле. Глупое насекомое, не больно осчастливленное милостью, пошло за правдой:

— А как же Борис? Вообще-то он задержал, проявил это, бдительность и мужество при выполнении долга…

— Борис, — крысиное отродье не сразу нашло ответ, — не заслужил своим поведением.

Сам Борис, которому диалог был передан в лицах, никак не отреагировал. Зная в целом отрицательную его настроенность к местным, я сказал ему тет-а-тет:

— Можешь записать двух чехов на свой счет, как настоящий воин.

— Это упрек? — чернобровое лицо его редко что-то выражало.

— Так, информация к сведению.

— Бог накажет?

— Мне-то почем знать…

Руководство погрузилось в одну заботу — как выбраться на большую землю без потерь, когда позовет труба. Набедокурившие команды часто ждали сюрпризы при отъезде, как итоговая черта. Щедрыми проставами, обиванием порогов в комендатуре, мобильном отряде и Ханкале удалось обеспечить вместо наземного передвижения вертак и сопровождение до взлетной площадки с боевой техникой. Когда дошла наконец весть о прибывшей в Моздок смене, потребовалось доставить вперед нового тыловика, чтобы заблаговременно подписать все акты. Нас четверых, словно помеченных с того вечера незримым тавром, поспешно высвободили из наряда и велели собираться. Окончательно притихший в обстановке дембельского разложения Даун-Жорж, пыхтя, тоже выгребал скарб из-под койки. Мрачно пояснил:

— Чешем в Моздок, пацаны. Забиваем вагоны получше, грузовое место, а сюда их завхоз попрет со шмотьем и частью народа, сколько в кузов войдет. Давайте, слышь, в темпе, машина уже готова.

Меня слегка покоробила беззастенчивость расчета: участников самого неприятного и серьезного инцидента за весь срок отправляли наиболее опасным путем, в простом ГАЗоне по земле, точно договариваясь с незримым противником, покупая

гарантии для остальных. Командование в этом вроде можно было понять, если б мы не знали наверняка, что руководит ими не суровая забота о большинстве ценою меньшей жертвы, а просто трусость. Впрочем, этих типов давно и заслуженно презирали даже те, кто внешне лебезил перед ними, а я подспудно чего-то подобного ожидал.

Заведовавший ГАЗом пенсионер Коля, оптимист и весельчак, отбывал восьмую командировку. Ему случалось возить генералов, трупы, полные снарядов «шаланды», попадать в засады и рваться на фугасе, страх ему был чужд абсолютно. Оглядев нас, он с неистощимым жизнелюбием воскликнул:

— Готовы, смертнички? Эх, прокачу!

Даун передернулся и молча полез в кабину. Я забрался на крышу металлического фургона, откуда предпочитал в роли стрелка-наблюдателя глазеть окрест. Муха изнутри дурашливо крикнул повару, трезвому и стоявшему ближе всех:

— Обнимемся на прощание, в последний разочек? Не поминайте лихом, пацаны, если что было не так — извиняйте!

— Не п…ди лишнего. Все будет нормалек, — Андрюха был необычно серьезен.

— Ну, держись! — бросил мне Колян, мячиком запрыгивая на свое место.

Он рванул с места так, что я чуть не улетел кубарем через спину и мало уже обращал внимания на взмахи рук, крики провожающих. Распялив ноги в люке и откинувшись полностью назад, я цеплялся за какую-то скобу и еле удерживал сползающий автомат до следующего поста в двадцати километрах. Там Коля чуть сбросил газ, и мне удалось наконец пристроиться ловчее. Мы понеслись дальше, распугивая гудком легковушки, обгоняя тяжеловозы и военные «ленты». У КПП наш рулевой проявлял чудеса ловкости, выскакивая на обочины и минуя длинные хвосты. С каждым оборотом колес дышавшая в загривок опасность таяла, делаясь все призрачней и условней. Колян не стал придерживаться составленного начальством объездного маршрута, а гнал бешено напрямую по самой наезженной и заполненной трассе, ежедневно проверяемой инженерной разведкой. Осмотр саперами полотна и кюветов чистоты их не гарантировал, но небеса благоволили нам. Последний напряженный отрезок, знаменитый Самашкинский лес пролетели махом в захлебывающемся реве мотора. У каждого мостика скучали дневные наряды, кипятя чай на костерках, глухие участки, где заросли подступали к самому асфальту, охраняли транспортеры и БМП, развернув стволы к чаще. Я не успевал даже вскидывать по обычаю приветственно руку. Наконец показалась

длиннейшая очередь всякого транспорта, зеленые шатры палаток над оборонительными насыпями и многорядная колючая проволока, сквозь которую брел на контроль народ. Федеральный пост «Кавказ» на границе «союзной» Ингушетии. Все.

Когда на следующий вечер благополучно прибывший отряд загрузился в поезд и отпустил последние тормоза, мы с Сашком дневалили первыми у вагонов. Состав торчал на запасных путях в отстойнике, именуемом Песками, дежурные разводили в кромешной тьме огонь для света. Я сказал:

— Ну что, Васильич, народный суд старейшин нас, похоже, заочно оправдал.

— Или не сумели ничего сделать. На крупную акцию против блока не решились, потому что ответкой размолотили бы все дома вокруг, а за забор мы не высовывались, как мыши. Дорожных подарков могли просто не успеть подложить, их сил ведь не знаем и склонны преувеличивать, у страха глаза велики…

Я подкинул на угли обломок доски, уворованной днем из какого-то штабеля.

— В город, думаю, за нами не потянется.

— Навряд ли. Руки коротки. В России им сложнее действовать, уже тем, что рожи приметные и хватают на каждом шагу. В чем наша вина, если рыть до корней, но будто они так прямо разобрались, я не верю. Для этого надо большую работу проделать, иметь всюду своих людей или от наших информацию получать, представлять структуру органов — где комендатура, где временный отдел, войска, приданные милицейские силы. Надо это им? — Он подгреб в огонь недогоревшие щепки с края. — Федералы поймали, федералы увезли и грохнули. Может, были в сговоре. Там же не следственное управление по Чеченской республике, чтоб детали обсасывать и правовую оценку давать. Эти квалифицируют по своим понятиям, а понятие одно — бошки резать…

— Главное — выбрались, гори теперь оно все, — под грузом усталости действительно хотелось забыть эти месяцы, вычеркнуть их напрочь.

— Разделяю ваше мнение, товарищ. Трое суток — и снова люди, я после комиссий и остальной ерунды сразу в отпуск уйду. А там посмотрим, пора с «земли» переводиться куда-нибудь, еще в частное агентство одно зовут…

Из вагона полезли курить распаренные спиртным коллеги, и мы смолкли.

Дождливой осенью, бродя без цели и определенных занятий, я столкнулся вечером у метро с Мухой. Он топал со службы в

кожанке поверх формы, на легком газу, и был рад поболтать с кем-нибудь, взяв пивка. Я отказался от угощения, но пошел за ларек, откуда он шугнул двух бродяг-побирушек. Словоохотливый Муха делился новостями:

— Жоржик-то наш, Даун, ну — все-таки прополз наверх, не зря анус рвал, сейчас в охране порядка замначальником, потом главным будет, когда теперешний на пенсию уйдет. У вас шеф новый, откуда-то со стороны, говорят ничего мужик, хотя со своими загребами. Колян в Чечне опять, на год завербовался. Корешок твой, Сашка, опер, тоже на граждань свалил, в какой-то охране теперь. Вроде доволен, хотя после мусарни скучно. Ты сам где?

— Между небом и землей.

— Так звякни ему, — Муха не мог представить, как можно болтаться на волнах, когда вокруг полно знакомств, холяв, местечек и тем, которые следовало пробить.

— Да, найду телефон.

Координаты всех отрядовцев были записаны у меня в книжке, но общаться с кем-либо не хотелось. Визави хлебнул пенной влаги и поинтересовался:

— Чего ушел-то?

— Так, — вряд ли я мог объяснить, с чего послал вдруг обрыдшую систему и выломился из загаженного привычного гнезда наружу, в полный вакуум. Приелось.

— А-а… — Муха сделал глоток и светскую паузу, как бы сочувствуя моим внутренним трудностям, не пытаясь уразуметь действий. Но тут что-то вспомнил и переключился: — Прикинь, Андрюха-повар сейчас в госпитале лежит, досинячился — язва. Говорил ему: знай меру, все пьем, но не до чертей же, а он вообще с рельсов съехал, как вернулись. Хотели даже увольнять, но сжалились — куда ему идти, послали летом охранять пионерлагерь ментовской, ну, для детей сотрудников. Там тоже газ-квас, бл…во с вожатыми, полной хронью вернулся. Жена ушла, и совсем в штопор заклинило, как бывает. Чуть коньки не отбросил, на «скорой» увезли, когда дырка в животе прободилась и горлом кровь пошла.

Муха явно осуждал брата по оружию и змию, хотя в командировке мне лично случалось уносить его с поста на себе и прятать от начальства под койку.

— Ездил проведать, спецом только сигарет взял, этот вурдалак меня чуть не погнал обратно: "гули пустой приперся, и так здесь дохожу, мне врачи спирт прописывают для здоровья!". Так ведь по столовой ложке; тот-то и плохо, мол. Покурили мы с ним на лестничке, пришлось мне за пивцом сгонять, и он трет:

помнишь нашего опера-зему, что во «временнике» парился у татар? Они с Андрюхой закорефанили слегонца и тут встретились, когда поварюга еще на воле ходил. Бухнули, как водится. Зема после нас вернулся, еще месяц был, и рассказал: параша эта вся, с чеченскими ментами, добром не кончилась. — На миг смутившись, он тут же оправился и с прежней развязностью продолжал: Недели через три, как мы уехали, комендантская разведка попала в засаду. Выпасли их все-таки, рванули фугас под первой машиной, обдолбили из граников, те еле успели оборону занять. Настоящий бой шел, пока на выручку спешили. Три трупа, ранения тяжелые, кто-то без ноги остался, а нападавшие ушли с концами, как в воду. Правда, дом одного из тех замоченных парней ночью взорвался, но так, сам по себе, ха-ха… А командира взвода разведчиков, долговязый, худой такой был, хлопнули из винтаря. Он и в засаде уцелел, мотался на броне по-прежнему, зуб на него многие имели, и однажды прямо в селе, остановились чего-то купить, бац — снайпер, черепок насквозь, ткнулся носом в люк… А что дальше было, зема не знал уже, отбарабанил свое и слинял день в день. В общем, целая война там была.

Я непроизвольно бормотнул:

— Значит, все-таки разобрались. Оправдали…

— Что? — не понял Муха, сам ушедший в рассказ и вживе припомнивший события зимы.

— Так, о своем. Ладно, тебе домой пора, наверное.

— Не, я не спешу, разбежался с подругой.

— С чего? — я видел на вокзале какую-то щекастую его пассию, но не знал, о ней ли речь, поинтересовавшись из вежливости.

— Гули, две командировки, скоро третья. Зае…лась ждать, мол, пить стал много. Не один я, у многих семьи посыпались.

— Тогда давай, поеду. — Мне хотелось уже побыть одному.

Обнявшись напоследок, мы расстались. Когда я сворачивал за угол, Муха крикнул:

— Звони, если что! Номер знаешь?

— Да, конечно.

— Так он у меня теперь другой!

"Ладно, ничего", — махнул я рукой и зашагал вперед, не видя прохожих. Перед глазами стоял опустевший перекресток, белая легковая машинка и транспортеры, с ревом уносящиеся во мглу.

"Весло" — АК, чаще АКС с облегченным складывающимся прикладом.

2003 г.